

Серия « Страницы истории нашей Родины »

Г.З.Иоффе

БЕЛОЕ ДЕЛО
генерал Корнилов

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Серия основана в 1977 году

Г. З. Иоффе

«БЕЛОЕ ДЕЛО»

Генерал Корнилов

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. П. НАУМОВ

МОСКВА НАУКА
1989

ББК 63.3(2)7
И75

Рецензент
Доктор исторических наук Г. И. ЗЛОКАЗОВ

Иоффе Г. З.

И75 «Белое дело». Генерал Корнилов/Отв. ред. В. П. Наумов.— М.: Наука, 1989.— 291 с., ил.— (Серия «Страницы истории нашей Родины»).
ISBN 5—02—008533—2.

В книге на строго документальной основе воссоздается политическая история «белого движения», история борьбы «белых» и «красных», закончившаяся полной победой красной, рабоче-крестьянской России. Автор раскрывает антинародную сущность «белого дела», его стремление реставрировать в стране буржуазно-помещичьи порядки.
Для широкого круга читателей.

И $\frac{0503020400-186}{042(02)-89}$ 18—88 НП ББК 63.3(2)7

Научно-популярное издание

Иоффе Генрих Зиновьевич

«БЕЛОЕ ДЕЛО».

Генерал Корнилов

Утверждено к печати
Редколлегией научно-популярных изданий АН СССР

Редактор издательства М. А. Васильев. Художник В. Ю. Кученков.
Художественный редактор И. Д. Богачев. Техничсские редакторы
М. И. Джиоева, А. С. Бархина. Корректоры В. А. Алешкина,
Л. И. Воронина

ИБ № 38259

Сдано в набор 10.02.89. Подписано к печати 26.05.89. А-09889.
Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 15,33. Уч.-изд. л. 17,0. Усл. кр. отт. 15,65.
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 2590. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ISBN 5—02—008533—2

На переплете воспроизведена фотография встречи Л. Г. Корнилова, прибывшего на Государственное совещание (Москва, август 1917 г.).

Введение

Что такое «белое дело»?

В довоенные годы все мальчишки играли в «красных» и «белых». Ответить на вопрос, кто такие «белые», никому не составляло труда. «Белые» были буржуями и помещиками, стремившимися вернуть народ в прежнее, угнетенное состояние. Многочисленные красочные плакаты, в сущности, подтверждали это. На них люди с пухлыми животами, в картузах и котелках — купцы и капиталисты — держали на поводках беснующихся псов, на которых было написано: Деникин, Врангель, Юденич, Колчак...

Когда Художественный театр в 1926 г. поставил «Дни Турбиных» М. Булгакова, это вызвало нечто вроде шока. Контрреволюционные офицеры выглядели обычными, честными, даже в чем-то приятными людьми!

Рапповская критика резко нападала на пьесу, обвиняя автора в «примиренчестве» к классовому противнику — белогвардейцам, хуже того — в симпатиях к «белым», в стремлении реабилитировать их и т. п.

Но дело было, конечно, не в злонамеренной ограниченности рапповцев. В. Маяковский, который, кстати, тоже принял участие в критике Булгакова, как представляется, точно уловил особенность современного ему восприятия белогвардейской контрреволюции:

Историки с гидрой плакаты выдернут —
Чи была эта гидра, чи не?
А мы знавали вот эту гидру
В ее натуральной величине!

И у того же Маяковского в поэме «Хорошо!» вдруг встречаем такую картину бегства классово ненавидимых

им «белых» из Крыма:

И над белым тленом
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды землю поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...
— Ваше
превосходительство,
грести? —
— Грести!

В этих двух поэтических отрывках глубоко отражены две правды: правда нашего отношения к «белым», правда нашей еще не остывшей ожесточенной борьбы с ними и правда самих «белых», любивших ту Россию, которая безвозвратно уходила под ударами революции, но умом и сердцем не принимавших этого ухода...

«Белое дело», или «белое движение»,— неотъемлемая часть нашей истории, а много ли мы знаем о нем и теперь? В 20-х годах еще издавались мемуары некоторых белогвардейских «вождей» и связанных с ними политических лидеров, появлялись книги, посвященные контрреволюции. В 30-е годы все это практически прекратилось.

Думается, что нынешние школьники (да и не только они) на вопрос о «белых» ответят еще менее вразумительно, чем отвечали те мальчишки, которые когда-то самозабвенно играли в «белых» и «красных». Хотя характер ответов все-таки будет иным. Под влиянием наших кинематографических «вестернов» о гражданской войне «белые», скорее всего, предстанут в облике вылощенных гвардейских офицеров, поющих в ресторанах «Боже, царя храни» и старинные русские романсы. Мало кто скажет о том, что творили многие «блестящие офицеры» на территориях, «освобожденных» от «красных». По словам В. Шульгина — одного из идеологов «белого дела»,— бывало «взвивались соколы не орлами, а ворами». Белый террор надолго остался в памяти народа... Есть ли в этом «незнании» вина отвечающих? Ведь историческая литература не давала и не дает им нужного «материала».

Впрочем, справедливости ради следует сказать, что ответ на такой вопрос и не принадлежит к простым. Даже в белоэмигрантской историографии, для которой история контрреволюции, естественно, находилась в центре внимания, вопрос о содержании понятия «белое движение» вызывал острые споры.

Что же такое «белое движение», «белое дело»?

Где его истоки?

Какие силы составляли его опору?

Что они противопоставляли Советской власти и что готовили России в случае своей победы?

Почему они потерпели поражение?

На все эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в предлагаемой книге, которая задумана как первая часть работы о «белом деле». Здесь нет и, естественно, не может быть претензии на историческую истину.

Как правильно сказал один из читателей, «стихия исторического познания — это спор». Спор может быть не прекращающимся никогда.

Революция и гражданская война — огромный пласт нашей истории, целая эпоха, предстающая перед нами тысячью сторон и граней, исполненная драматизмом борьбы, поражений и побед. Неверно думать, что это всего лишь вчерашний мир, канувший в небытие. Нет, он живет, говорит, кричит, требует внимания, настаивает на понимании, на справедливости. Каждый историк, обращавшийся к документам той эпохи, это хорошо знает, чувствует.

Как же рассказать об этом?

Всякое историческое описание несет на себе печать эмоций и своеобразия мыслей историка. В ряду других причин его больше всего меняет время. В описаниях, приближенных к событиям, эмоционального больше, во всяком случае ощущается оно сильнее. В описаниях, от которых события уже удалены в глубь истории, мысль должна преобладать.

Это не значит, что в данном случае труд историка становится бесстрастным. Просто дистанция времени позволяет с более глубоким пониманием подойти к предмету познания.

И снова искусство, поэзия идут здесь впереди исторической науки, указывая ей путь. Мы начали стихами В. Маяковского, написанными в середине 20-х годов, а закончить хочется стихами Р. Рождественского. Уже в наши дни он побывал на парижском кладбище Сен-

Женьев-де Буа, где похоронены многие участники «белого движения»:

Я прикасаюсь ладонью к истории.
Я прохожу по гражданской войне...
Как бы хотелось им
в Первопрестольную
въехать однажды
на белом коне!..
...Как они после —
                забытые, бывшие —
все проклиная и нынче и впредь,
рвались взглянуть на нее,
победившую,
пусть непонятную,
пусть непростившую
землю родимую!
И —
    умереть.
Полдень.
Березовый отсвет покоя
В небе —
        российские купола.
И облака,
        будто белые кони,
мчатся
        над Сен-Женьев-де Буа...

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений
Возникнет праведная Русь.
Я за нее одну молюсь...

М. Волошин

Побег

Ранней весной 1915 г. 48-я «Стальная» пехотная дивизия прикрывала отход русских войск Юго-Западного фронта с Карпат. Ее «зарывчатый» начальник, генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов, в нарушение полученного им приказа не сумел вывести дивизию из-под германского контрудара. Она была рассечена, частично окружена и пленена. Попал в плен и сам раненый Корнилов.

Казалось, его военная карьера закончилась. А до этого она шла довольно быстро, хотя к началу мировой войны Корнилов не был широко известен в армии. Родившийся в 1870 г. в станице Каркарлинской Семипалатинской области в семье казака, дослужившегося до чина хорунжего, а в отставке ставшего волостным писарем, он закончил Омский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В 1892 г. был направлен в Туркестан; через три года поступил в Академию Генштаба и закончил ее с золотой медалью. Затем начал тянуть «служебную лямку» в Польше и снова в Туркестане. Здесь молодой Корнилов был «задействован» в разведывательных операциях, связанных с русскими военными экспедициями в Восточной Персии. Журналы печатали его обзорные статьи о Персии и Индии, а в 1901 г. он даже опубликовал книгу «Кашгария и Восточный Туркестан». В годы русско-японской войны Корнилов был начальником штаба стрелковой бригады, за храбрость получил Георгия 4-й степени. Затем вновь служба в разных военных округах — в Туркестане, на Кавказе, в Прибалтике. В 1907 г. в чине полковника Корнилова назначили военным агентом в Китае, и он хорошо изучил эту страну. Мировая война застала его начальником 9-й Сибирской стрелковой дивизии; вскоре он получил 49-ю пехотную дивизию, а затем 48-ю, которую и «положил» в Карпатских горах.

По факту разгрома дивизии тогда же было учинено следствие, но за отсутствием начальника дивизии, а главное из-за стремления командных «верхов» — главнокомандующего Юго-Западным фронтом, генерала Н. И. Иванова, и Верховного, великого князя Николая Николаевича,— замять дело оно спускалось на тормозах. Более того, разгром дивизии эти «верхи» попытались представить подвигом, поскольку вышедшие из окружения части сохранили все же свои боевые знамена.

Между тем Корнилов, мытарствуя по австрийским лагерям для военнопленных, в конце концов оказался в лагере, находившемся в селении Лекка. Тут шла какая-то своя скрытая жизнь, велась какая-то глухая подпольная работа. Время от времени появлялся рукописный журнальчик с известиями о том, что происходит в России, особенно о борьбе царского правительства с Государственной думой, с либеральными партиями. Сообщалось так, что читающим было совершенно ясно, что политические симпатии авторов журнальчика на думской стороне. Кто выпускал его? Вероятно, какие-то группы антицаристски настроенных русских пленных, но Корнилов был убежден, что это австрийские происки: ведь внутренние распри в России на пользу Германии и Австро-Венгрии.

Он был болен, его нервы расшатаны. И, в ярости отшвыривая журнал, он говорил генералу Е. Мартынову, что с удовольствием повесил бы всех этих гучковых и милюковых на одной перекладине. Мрачность Корнилова, его замкнутость отталкивали от него многих пленных офицеров, особой симпатией их он не пользовался...

Уже дважды Корнилов пытался бежать, но оба раза дело срывалось. Теперь он замыслил новый побег. Из другого лагеря (в селении Кассек) неожиданно дали знать, что у нескольких находившихся там русских офицеров имеются надежные документы, которые могут дать неплохой шанс, нужно только добиться перевода в Кассек — лагерь-госпиталь. Корнилов тут же начал действовать: почти перестал есть, худел и, вызывая сердцебиение, пил крепко заваренный чай-чефир. В июне 1916 г. его наконец перевели в Кассек. В замысел побега посвятили еще двоих: денщика Д. Цесарского и пленного русского доктора А. Гутковского. Они, в свою очередь, сумели «завербовать» лагерного фельдшера, чеха Ф. Мрняка. За содействие побегу русского генерала ему обещали солидное вознаграждение — 20 тыс. крон. Кроме того,

Мрняк действовал и по «идейным соображениям»: он был страстным приверженцем панславизма. План выработали такой: Корнилов, симулируя обострение болезни, несколько дней не выходит из своей комнаты, чтобы охрана привыкла к его отсутствию. Мрняк достает австрийскую форму, оружие, компас и в назначенный день выводит Корнилова с территории лагеря. Цесарский и Гутковский и после этого как ни в чем не бывало обязаны доставлять в опустевшую комнату Корнилова еду и навещать «больного». Это составляло важную часть плана: она должна была дать возможность беглецам — Корнилову и Мрняку — уйти как можно дальше, пока не спохватится охрана. Они должны были двигаться в направлении румынской границы и перейти ее.

Мрняк выполнил все точно. Переодетые в форму австрийских солдат, Корнилов с Мрняком беспрепятственно покинули лагерь и, меняя пассажирские поезда, добрались до Будапешта, а затем до городка Карансебеш. Граница была рядом. Но беглецы не знали, что вторая часть плана — максимально длительное сокрытие побега — быстро дала осечку, правда не по вине Гутковского и Цесарского. Они исправно делали свое дело, аккуратно «навещая» Корнилова. Побег обнаружился, в сущности, случайно: генерал не явился на отпевание умершего в лагере русского офицера, что считалось невероятным. За ним послали...

Мрняк попался в харчевне приграничного села, куда пошел за едой. Его судили военно-полевым судом, приговорили к смертной казни. Но все-таки он остался жив, его спасла смерть императора Франца-Иосифа; смертный приговор вскоре (в порядке помилования) был заменен на 7 лет тюрьмы... Но все это будет потом, а пока Корнилов, ждавший Мрняка в небольшом леске, слышал крики, перестрелку и все понял. Он проблуждал еще несколько дней, случайно набрел на пастуха-румына, который и вывел его к Дунаю. Обессиленный и оборванный, он с трудом выбрался на противоположный берег. Это было спасение. Румыния только что вступила в войну на стороне Антанты; здесь уже находились русские офицеры, формировавшие команды из пленных, отбившихся от своих частей, и пойманных дезертиров. В одну из таких команд и попал Корнилов. Когда в городке Турну-Северин солдат построили на пропыленном плацу, из строя вышел вконец исхудавший маленький человек с заросшим щетиной монгольским лицом. Не-

четким шагом подойдя к офицеру, хриплым, срывающимся голосом крикнул:

— Я — генерал-лейтенант Корнилов!

Побег Корнилова из плена был редчайшим случаем. Бегут солдаты, офицеры — это привычно. Но генерал? Сам царь принял его в Ставке, в Могилеве, наградил Георгиевским крестом. В Петрограде Корнилова чествовали юнкера Михайловского училища, которое когда-то он окончил. Газеты брали у него интервью, его портреты печатались в иллюстрированных журналах. Тем не менее вряд ли верно считать, что именно после побега из плена Корнилов превратился в «национального героя». Из побега было «выжато» все несколько позднее, весной и летом 1917 г., когда окружавшие Корнилова контрреволюционные элементы начали лепить из него «русского Кавеньяка», «генерала на белом коне», призванного «утихомирить революционную анархию» и восстановить в стране «порядок». Вот тогда побег Корнилова из австрийского плена летом 1916 г. и «заработал» на его популярность...

В начале осени 1916 г. Корнилов вновь «убыл» на фронт. Ему был дан 25-й пехотный корпус, входивший в состав Особой армии Юго-Западного фронта. По мнению нового командующего фронтом генерала А. А. Брусилова, это был максимум, на который вообще мог претендовать Корнилов. Он не забыл корниловскую «партизанщину» и «зарывчатость» весной 1915 г. (Брусилов в то время командовал 8-й армией, в которую входила 48-я дивизия). Еще тогда он порывался отдать его под суд. Кто мог думать, что уже совсем близкие события переменят все, и особенно резко судьбу генерала Корнилова?

Накануне

В выходившем в 1916 г. казенно-патриотическом издании «Великая война» обозреватель генерал-майор А. Шеманский писал: «Страшная война... застала Россию в счастливой обстановке. Наш грозный сосед (Германия.— *Г. И.*)... просмотрел быстрое возрождение нашей армии и общества после японской войны и революции». Не очень глубоко смотрел обозреватель. Страшная война застала Россию отнюдь не в «счастливый», а, напротив, в невероятно трудный, напряженный для нее момент. Между 1905 и 1914 г. страна проходила через чреватый опасно-

стями этап капиталистической модернизации экономики в условиях консервации значительных феодальных рудиментов как в самой экономике (главным образом в сельском хозяйстве), так и в социальной структуре и политической сфере. Промышленность росла, втягивая в себя огромные массы деревенского населения и обрекая его на ужасные условия труда. Сельская община раскалывалась, пауперизируя значительную часть крестьян. Под воздействием всеохватывающих буржуазных отношений «высший класс» — дворянство сходило на нет (как писал В. Шульгин, «был класс, да съездился»). Буржуазные и разночинные элементы все напористее проникали в армию, в государственный аппарат, в общественные организации, требуя еще больше прав. Буржуазная и дворянская интеллигенция всемерно поддерживала оппозицию, боролась за полную демократизацию страны по «западному образцу».

Под ударами народной революции 1905—1907 гг. и давлением буржуазно-либеральной оппозиции самодержавие перешло к обороне, а затем начало отступать. Манифест 17 октября 1905 г., создание Государственной думы превратило самодержавие, по словам В. И. Ленина, в некое «полусамодержавие», в «конституционное самодержавие» [1]. Но как только революция пошла на спад, царизм вновь перешел в наступление. Третьеиюньский переворот 1907 г. свел на нет многое из того, что самодержавие вынуждено было уступить два года тому назад, и эта тенденция продолжалась.

Общественность была взбудоражена, но разъединена идейно и политически: рабочий класс против буржуазии и монархии, крестьянство против помещиков, буржуазия против рабочего класса и самодержавия... Народ жил верой в новый 1905 год.

Были умные головы, которые понимали, что в такой обстановке новая война, тем более большая, может обернуться для царской, буржуазно-помещичьей России катастрофой. Премьер-министр П. А. Столыпин незадолго до смерти (в 1911 г.) писал: «Война будет фатальной для России и для правящей династии». О том же предупреждали бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново, бывший премьер-министр С. Ю. Витте, другие. До самых дней мобилизации в июле 1914 г. колебался и царь. Говорили, что начальник штаба генерал Н. Янушкевич приказал даже отключить телефоны, чтобы оградить себя от противоречивых царских распоряжений.

Но быть или не быть войне, увы, не являлось вопросом только свободного выбора политиков и военных. Слишком глубоко Россия втянулась в тугой клубок международных империалистических интересов и притязаний, слишком велики были аппетиты ее собственных милитаристских кругов. Раздувая милитаризм и шовинизм, они пропагандировали мысль о том, что война приведет не к новому национальному кризису, а, напротив, сплотит общество под неким патриотическим знаменем. При этом правящие круги рассчитывали, что победа в войне укрепит монархию; в либеральном лагере надеялись, что разгром Германии «западными демократиями» укрепит буржуазно-демократические институты в России. И жребий был брошен.

Снова по селам и городам заиграли гармоники, заплакали и запричитали женщины, застучали по рельсам теплушки с молодыми солдатами — «серой скотинкой», как вскоре станут их называть...

Два с половиной года телега романовской монархии все же тянула военный груз. К концу 1916 г. постромки натянулись до предела. Вот картина, нарисованная, пожалуй, лучше всех информированным человеком, последним царским министром внутренних дел А. Протопоповым. В Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. он показывал: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность труда — на громадную убыль; необходимость полного напряжения сил страны сначала не сознана властью, а когда не замечать этого стало нельзя — не было уменья сойти „с приказа" старого казенного трафарета (т. е. действовать самостоятельно.— *Г. И.*). Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение. Двоевластие (Ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам... Зимою 1916 г., вследствие заносов, под снегом было 60 тысяч вагонов с топливом, продовольствием и фуражом. Наборы обезлюдили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность; ощутился громадный недостаток рабочей силы... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало; товара было мало, цены росли, таксы (т. е. цены.— *Г. И.*) развили продажу „из-под

полы", получилось мародерство... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом; рабочих превратили в солдат, солдат в рабочих. Армия устала, недостатки понизили ее дух...»

Что же можно было сделать с этим полным функциональным расстройством режима? Протопопов давал ответ: «Упорядочить дело было некому. Всюду будто бы было начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было и не могло быть при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров. Верховная власть перестала быть источником жизни и света. Она была в плену у дурных влияний и дурных сил. Движения она не давала. Совет министров имел обветшалых председателей, которые не могли дать направления работам Совета. Министры, подчас опытные и энергичные, обратились в искателей наград и ведомственных стражей. Хорошие начинания некоторых встречали осуждение и сверху, и снизу — и они уходили... Работа не шла, а жизнь летела, она требовала ответа; в меха старые нельзя было влить нового вина...»

Когда в той же Чрезвычайной комиссии бывшего премьер-министра Б. В. Штюрмера спросили, какова была его программа, он с удивлением переспросил: «Программа? Как вам сказать? Я полагал, что нужно сохранить то положение, которое было; стараться без столкновений, без ссор поддерживать то, что есть... А завтра будет видно, что будет дальше».

Социально-экономический кризис порождал духовный. Одни газеты «прозревали» чуть ли не апокалипсические видения. «Петроградский листок» 3 декабря 1916 г. писал о «пире во время чумы», 20 декабря пугал «непонятными страхами», «чьими-то рожами», которые корчились и мерещились в сумерках. Другие, напротив, источали сладковатый, елейный оптимизм. Так, «Московские ведомости» в конце декабря благодарили бога за то, что Россия вступала «в новый год при многих благоприятных предзнаменованиях». Третьим казалось, что ничего вообще не происходит, что российская обывательская жизнь плетется своим чередом. В «Русском слове» уже в новом году, в январе, поэтесса Тэффи характеризовала ее посредством наиболее употребляемых «существительных с встречающимися в них глаголами», например: «поезд опаздывает, исправник берет, общество возмущается,

министерство сменяется, дело откладывается, танцовщица живет с..., отечество продают, цены вздувают, комиссия выделяет подкомиссию, женщина добивается, молодежь увлекается, курица дорожает, свинья торжествует». Мрачен был юмор Тэффи.

Невеселым было последнее рождество царской России. То же «Русское слово» 27 декабря писало, что страна зашла «в такой тупик, выход из которого теперь трудно будет найти даже в случае полной перемены политического барометра». Московское «Раннее утро» в первый день нового года напечатало подборку новогодних высказываний «видных общественных деятелей» под рубрикой «На грани грядущего». Что же виделось им за этой гранью? «Современное положение бессмысленное», «некуда идти... душит мрак», «пружина до того натянулась, что вот-вот лопнет». «Мы находимся в тупике». Успокоение искали в истории. В «Биржевых ведомостях» один из публицистов, признавая, что Россия, кажется, стоит на краю пропасти, глубокомысленно писал: «А когда она не стояла на краю пропасти? И ничего — обходилось». Но «обойдется» ли теперь? Политические лидеры всех трех общественных, классовых сил искали выход из всеохватывающего кризиса, поразившего страну, но видели его в совершенно разных направлениях. Выхода из тупика искали все основные группы и их партии, действовавшие тогда на российской политической сцене: царизм, либеральная буржуазия, революционная демократия. Каждая из этих сил предлагала свой путь...

* * *

Перед рождеством, в ночь с 16 на 17 декабря, в Юсуповском дворце на Мойке был убит царский фаворит Г. Распутин. «Сегодня,— сообщала императрица Александра Федоровна царю в Ставку, в Могилев,— скандал в Юсуповском доме. Большое собрание — Дмитрий, Пуришкевич и т. д.— все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что Наш друг (Распутин.— *Г. И.*) убит...» Но до полудня 18 декабря она все еще надеялась «на божье милосердие».

Иногда пишут, что, получив сообщения об убийстве Распутина, Николай II спешно покинул Ставку и направился в Царское Село. Это неточно. Возвращение в Царское Село было запланировано заранее и связывалось с рождеством. Дворцовый комендант В. Н. Воейков позднее вообще уверял, что известие о смерти Распутина не

вызвало у царя «скорби», скорее наоборот — «чувство облегчения». Так или иначе дневник Николая не содержит никаких упоминаний о Распутине вплоть до 21 декабря, когда он записал, что присутствовал на похоронах «незабвенного Григория».

До сих пор еще бытует представление о политике последнего Романова как о полной бессмыслице, являвшейся результатом тлетворного влияния Распутина и невротички Александры Федоровны, а о самом Николае как о стопроцентном ничтожестве, послушном орудии этих двоих. Корни такого представления — в бульварной литературе, наводнившей книжный рынок сразу после крушения царизма. Но это всего лишь удобная и «доходчивая» версия, с помощью которой низкопробная бульварная пропаганда оправдывала февральский переворот и приход режима, сменившего царизм,— режима Временного правительства.

Политика последнего Романова и его правительства определялась не только и не столько личными качествами царской четы и явно преувеличенным влиянием Г. Распутина, а конкретной, реальной ситуацией, в которой оказался весь загнивающий режим,— ситуацией исторического тупика. В самом общем виде эта политика напоминала собой как бы качающийся маятник, быстро поворачивавшуюся стрелку компаса. Когда Штюрмер говорил, что его программа заключалась в том, чтобы «поддерживать то, что есть», он довольно лапидарно обозначил суть этой «компасной», «маятниковой» политики — сохранить статус-кво.

Перед крушением царская власть испытывала сильное давление с двух противоположных сторон. Слева «давила» буржуазно-либеральная оппозиция, укрепившаяся в Думе и «общественных организациях» (земствах, городских думах, военно-промышленных комитетах и др.). Она настаивала на либерализации режима, ответственном министерстве, конституционной монархии. В этом она видела единственную возможность избежать новой революции, приближение которой чувствовалось все сильнее: революционный подъем, начавшийся в связи с ленскими событиями 1912 г., после кратковременного спада, обусловленного вступлением России в войну, резко нарастал.

Но справа «давила» реакция, те монархические элементы, которые видели в конституционных уступках царя путь к дальнейшему развалу «традиционной вла-

сти» и потому требовали возврата к «самодержавному принципу», как к бастиону против новой революции. Наиболее твердую позицию, пожалуй, занимала властная, склонная к истеризму императрица. В письмах к царю она призывала его стать «Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом». «Сокруши их (оппозиционеров.— *Г. И.*) всех,— взывала она.— Как давно, уже много лет люди говорили мне все то же — Россия любит кнут».

Сам Николай II всей душой был привержен самодержавию, однако реальность заставляла его, человека нерешительного, но упрямого, проявлять осторожность, маневрировать между двумя политическими флангами. Даже пресловутая министерская чехарда, перетасовка министров, в которой обычно видят лучшее свидетельство царского маразма, в сущности, была попыткой сбить, погасить политические страсти, бушевавшие справа и «слева». Результат, однако, был плачевный: ни та, ни другая сторона не была удовлетворена; уступки одной стороне вызвали активизацию другой, и круг замыкался снова. Рамки маневрирования сужались, а «верховная власть» все более изолировалась. Однако она не только не хотела сдаваться, но и, отступив, искала теперь возможности перегруппировать силы для перехода в наступление, для реванша.

Убийство Распутина, которое, по расчетам некоторых монархистов, связанных с оппозицией, должно было освободить Романовых от влияния «темных сил» и повернуть их лицом к «общественности», показало, пожалуй, только одно: политическая сила Распутина гиперболизировалась в представлении оппозиции или сознательно ею раздувалась. К концу декабря правый крен правительственного курса значительно усилился. По прибытии в Царское Село царем была проведена новая министерская перестановка. 27 декабря премьер-министр А. Трепов, кандидатура которого при назначении 10 ноября рассматривалась как жест в сторону думской оппозиции, был уволен в отставку. Его заменил «вынутый из нафталина» престарелый князь Н. Голицын — протеже и доверенный Александры Федоровны, известный «либералоед». Но на первый план решительно выдвинулся уже упоминавшийся нами министр внутренних дел Протопопов, перебежчик из думской оппозиции, считавшийся распутинцем. Так укрепив, как он считал, позиции власти, Николай II встречал Новый год. Он аккуратно посещал рож-

дественские елки царскосельских гвардейских полков, слушал, как «усладительно» играл на балалайках и домбрах оркестр Железнодорожного полка, раздавал подарки офицерам и солдатам. 31 декабря записал в свой дневник: «В 6 часов поехал ко всенощной. Горячо помолились, чтобы господь умилостивился над Россией!»

* * *

Еще в начале ноября 1916 г. оппозиционный «Прогрессивный блок» (объединение оппозиционных, главным образом либеральных, партий в Думе), засевший в думских «окопах», покинул их и атаковал царскую власть, неся на своих знаменах лозунг «министерства доверия», которое, по расчетам, должно было стать важным шагом на пути к конституционной монархии. Главный удар наносил П. Милюков. Широко известный своими трудами историк, еще в годы первой российской революции выдвинувшийся в лидеры кадетской партии, едва ли не ключевая фигура думского «Прогрессивного блока», он недавно вернулся из заграничной поездки в составе делегации Государственной думы. В ходе ее он собрал газетные сведения, будто бы уличавшие царское правительство в тайных переговорах о сепаратном мире с Германией. Теперь с думской трибуны Милюков пустил в дело этот «компрометирующий материал», сопровождая свою речь эффектным рефреном: «Что это — глупость или измена?» Он рассчитывал на определенный ответ: «измена!» — и не ошибся. Его речь и речи других «прогрессистов» — В. Маклакова, В. Шульгина — в гектографированных листовках наводняли тыл и фронт.

Ноябрьский словесный «штурм», казалось, принес «Прогрессивному блоку» успех. Ненавистный премьер Штюрмер, подозреваемый в германофильстве, пал. Даже Александра Федоровна должна была признать, что он «играет роль красной тряпки в этом доме умалишенных» (т. е. в Думе) и должен уйти. Но по инерции думская «атака» еще продолжалась по крайней мере до середины декабря. Вдохновленные ею земский и городской съезды в Москве приняли «боевые резолюции», требовавшие «монарха, охраняемого ответственным перед страной и Думой правительством». Однако власть выдержала «атаку» и устояла.

Наступило затишье. Перед рождеством Милюков поехал в Крым отдохнуть, повидаться со старейшиной российского либерализма И. Петрункевичем, жившим в

Гаспре. «Должен признаться,— вспоминал впоследствии Милюков,— что в наших разговорах... о том, что ожидало Россию, было больше гаданий, чем конкретных суждений...»

Царь молился, либералы гадали...

На пути из Крыма в Петроград Милюков остановился в Москве. Здесь в кругах, связанных с «Прогрессивным блоком», «по секрету» на квартирах говорили, что «в ближайшем будущем можно ожидать дворцового переворота». Говорили, что главным организатором является председатель III Государственной думы и лидер октябристской партии А. Гучков, что «втянуты» крупнейший земский деятель князь Г. Львов, кавалерийский генерал А. Крымов и др., что цель «наклевывавшегося» переворота — устранение Николая и Александры Федоровны и замена их наследником Алексеем при регентстве брата царя, великого князя Михаила Александровича. Считалось, что малолетство нового царя и слабохарактерность «либерального» Михаила помогут перейти к конституционной монархии. Но время шло, а ничего не происходило. Председатель городского союза М. В. Челноков, замешанный в заговорщическую среду, потом говорил: «Никто об этом серьезно не думал, а шла болтовня о том, что хорошо бы, если бы кто-нибудь это устроил». И сам Милюков позднее писал: «Интеллигентские круги... могли мечтать о дворцовом перевороте, который не наклевывался».

В первый день нового года в «верхах» произошел скандал. В Зимнем дворце был большой прием. Присутствовал сам царь. Но он так и не узнал о бурном инциденте, случившемся во время приема. Министр внутренних дел Протопопов, этот, по характеристике Милюкова, «ласковый теленок», желавший сосать «двух маток» — думский блок и власть,— подошел для рукопожатия к председателю Думы М. Родзянко. «Родной мой,— вкрадчиво сказал он ему, придержав за локоть,— ведь мы можем столковаться». Большой, грузный Родзянко резко отвел руку Протопопова, гулко пробасив: «Оставьте меня, Вы мне гадки!» Тут же последовал вызов на дуэль. Но она не состоялась. Говорили, что Протопопов не прислал секундантов. Поединка лидеров власти и оппозиции не произошло, они разошлись, и это, вероятно, было символично. В тот же день «весь Петроград» говорил об этом...

Уже после победы Февральской революции, в страхе

наблюдая дальнейший рост революционного движения, правый кадет В. Маклаков скажет: «Если потомки проклянут эту революцию, то они проклянут и нас, не сумевших вовремя переворотом сверху предупредить ее!» А П. Милюков на склоне лет с грустью констатировал: «Мы были неопытные революционеры и плохие заговорщики». Но дело было не только в личных качествах. Были причины поглубже. В. И. Ленин писал: «Ненавидя оттесняющее их от власти правительство, помогая разоблачению его, внося колебание и разложение в его ряды, либералы еще неизмеримо более ненавидят революцию, боятся всякой борьбы масс...» [2]

В сущности, это было трагедией российской либеральной интеллигенции. На протяжении многих лет она писала и говорила о «служении народу». Но когда в 1905 г. этот народ поднялся на революцию, она его не узнала. Это был не тот народ, который рисовался ей в ее идиллических представлениях: он внушал страх своей классовой ненавистью, непримиримостью в борьбе. В глазах заметавшихся либералов революция казалась новой пугачевщиной, повергала в ужас. Нашумевший сборник «Вехи» (1909 г.), представленный чуть ли не лучшими философами и публицистами либерального лагеря, призывал отвергнуть революцию как средство переустройства общества и искать его на путях религиозного просвещения и нравственного самоусовершенствования. В. И. Ленин назвал эту проповедь ренегатством.

Конечно, не все в буржуазно-либеральном лагере разделяли веховские взгляды, не все последовали призыву «благословлять власть», своими штыками ограждающую «общество» от «ярости народной». Кадеты, например, как партия продолжали играть роль «оппозиции его величества». Более того, некоторые кадеты, занимавшие левый фланг, осторожно пытались соединить действия оппозиции с массовым рабочим движением, чтобы попытаться ввести его в думские берега и превратить в инструмент своей политики. Эти попытки встречали понимание и поддержку со стороны лидеров правосоциалистических, как тогда говорили, оборонческих групп, считавших себя выразителями интересов широких революционно-демократических кругов. Особую активность проявлял член IV Государственной думы, трудовик, известный адвокат по политическим делам А. Ф. Керенский. Он был «свой» и среди «умеренных» в «Прогрессивном блоке», и на совещаниях «левых», собиравшихся

обычно на квартирах М. Горького, адвоката Н. Соколова и у самого Керенского в его квартире на Загородном проспекте.

Много лет спустя, уже на закате своих дней, в США Керенский приоткрыл подоплеку своей «надпартийной» деятельности в канун Февраля. Он сдержанно рассказал об организации, построенной по типу масонских лож, к которой принадлежал с 1912 г. Мы, писал Керенский, «работали как союз всех конструктивных сил демократии, как коалиция». В эту коалицию пытались втянуть... даже большевиков через созданное в конце 1914 г. некое «Информационное бюро». Но, как писал руководитель Русского бюро ЦК РСДРП(б) А. Шляпников, большевикам было совершенно ясно, что Керенский и другие «тащились за либералами по всем основным вопросам внутренней и внешней политики, а потому контакт с ними возможен был лишь информационный, технический, от случая к случаю, не больше».

К Новому году становилось все более очевидным, что исход борьбы с царизмом будут решать силы, не связанные с оппозицией и Думой, силы, накапливавшиеся в рабочих кварталах Питера, но Керенский упорно продолжал «направлять энергию каждого на национальное единство, а не на классовый антагонизм». Выступая в Думе 16 декабря, он говорил: «Спасение государства возможно только объединенными силами всего народа, и это спасение государства соединенными силами всего народа, конечно, возможно только тогда, когда между представителями всех живых сил страны, всех творческих ее классов и слоев будет создано активное и действенное соглашение...» Это была утопия: классовые и другие противоречия в российском обществе зашли так далеко, что ни о каком «действенном соглашении» не могло быть и речи. Через несколько месяцев Керенский, поднятый волной Февральской революции к вершинам власти, хорошо ощутит это. А пока за лозунгами примирения и соглашения скрывались боязнь крутых перемен с непредвиденными последствиями, страх перед народной революцией. Но, как говорил хорошо знавший Керенского «беспартийный социалист» Н. Суханов, его «бурнопламенный импрессионизм» перехлестывал через край. «Шуйца» (левизна) Керенского, по свидетельству того же Суханова, имела свою психологическую основу: он уже видел себя «немножко Бонапартом».

* * *

В плане статьи «Уроки войны», составленном в начале 1917 г., В. И. Ленин записал тезис: «Подход социально-экономический. „Not kennt kein Gebot“» [3], т. е. «Нужда не признает никаких законов».

Конец 1916 г. принес рабочему классу, крестьянству и солдатской массе новые тяготы и страдания. Мобилизации, рост дороговизны, длинные «хвосты» за хлебом, оскорбляющие слухи о «пире во время чумы» там, «наверху», о Гришке Распутине. Классовая ненависть, которой так страшились богомольный царь, «плохие заговорщики» Милюков с Гучковым и «бурнопламенный импрессионист» Керенский, вот-вот должна была прорваться наружу. Улица готова была «заговорить».

В начале декабря 1916 г. Русское бюро ЦК РСДРП(б) сообщало В. И. Ленину в Цюрих: «Скоро ли все это кончится? — звучит положительно всюду. Рабочее движение в этом году отличает рост стачек по всей стране». Большевики усиленно работали в пролетарской массе, готовили забастовки и демонстрации 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья — великого урока, полученного питерскими рабочими в трудной школе российской пролетарской борьбы. А в Швейцарии, из «проклятого далека», Ленин все пристальней вглядывался в российскую действительность. Как раз в конце 1916 г. связи с Россией восстановились, значительно укрепились. Ценной информации поступало много, и Ленин с удовольствием писал И. Арманд: «Получены письма Львова и Челнокова (их переслали информаторы В. И. Ленина.— *Г. И.*), все о том же, об озлоблении в стране (против предателей, ведущих переговоры о сепаратном мире) etc. Настроение, пишут, архиреволюционное» [4]. Владимир Ильич тосковал по России. В том же письме И. Арманд он написал: «Хорошо на горах зимой! Прелесть и Россией пахнет» [5].

Во что выльется «архиреволюционное настроение» там, в России? «Империалистические экономисты» — группа Г. Пятакова — Н. Бухарина — К. Радека «предписывала» «чистую» социальную революцию, ненужность борьбы за демократию, уже раздавленную империализмом и милитаризмом. Ленин решительно отвергал это мнение: «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй» [6]. Но пролетариат должен

вести эту борьбу самостоятельно, не связывая себя совместными действиями с оппортунистами, оборонцами. Ленин хорошо представлял себе опасность оппортунизма, силу его политической пошлости. Когда в декабре 1916 г. из России пришло известие, что издатели недовольны резкими ленинскими высказываниями против К. Каутского в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», В. И. Ленин с горечью, но и с гордостью писал: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на „мир" с пошляками» [7].

На рубеже 1916 и 1917 г. в «Черновом проекте тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям» Ленин написал путеводные слова для всех подлинных демократов и революционеров: «Весь опыт мировой истории, как и опыт русской революции 1905 года, учит нас...: *либо* революционная классовая борьба, побочным продуктом которой *всегда* бывают реформы (в случае неполного успеха революции), *либо* никаких реформ... *Единственной действительной силой*, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс...» [8]

* * *

Итак, Россия стояла на перепутье: либо сохранение царизма, который уже завел ее в исторический тупик, либо решительные демократические преобразования, открывавшие перед ней новые исторические перспективы. Еще в октябре 1905 г. В. И. Ленин писал: «Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так „удобно" для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения,— тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия... Хватит ли силы теперь у революционных классов осуществить его, это еще неизвестно. Это решит борьба, критический момент которой приближается с громадной быстротой...» [9] В 1905 г. этих сил не хватило. Но теперь Россия вступала в год 1917-й. И хотя

по сравнению с периодом первой революции либеральный лагерь сдвинулся вправо, опытнее, закаленнее стал лагерь революции. 12 лет классовой борьбы в условиях первой революции, периода столыпинской реакции и нового революционного подъема не прошли для него даром. А неисчислимые тяготы мировой войны, которая длилась уже почти три года, довели социальную напряженность до предела. Развязка приближалась.

Крушение царской власти

Уже в конце 1916 — начале 1917 г. многим в России было совершенно ясно, что без больших перемен из экономического и социально-политического кризиса, в котором оказалась страна, ей не выбраться. Но откуда могли прийти эти перемены? И насколько глубокими они должны стать? Эти вопросы были главными. «Верхи», царское правительство маневрировали, все свои усилия направляя на то, чтобы не допустить ощутимых перемен в политическом строе, так или иначе сохранить статус-кво по крайней мере до конца войны. Цель политики «верхов», по выражению А. Блока, состояла в том, чтобы «ставить заслоны». А официальный придворный историк, генерал М. Дубенский, констатировал в своем дневнике, что от «него (т. е. от царя.— *Г. И.*) ничего не будет». Оппозиционный либеральный блок, столкнувшись с неуступчивостью царизма и опасаясь роспуска Думы в связи с истечением срока ее полномочий, в начале 1917 г. как-то сник, потерял темп. В его политической конфронтации с правительством наступила своего рода пауза.

Мелкобуржуазные революционно-демократические партии и группы (эсеры, меньшевики и др.) за годы реакции и войны организационно ослабли, снизили свой боевой потенциал. Многие их руководители заняли оборонческие, близкие к либералам позиции.

Возникало ощущение, что выхода нет, что страна в тупике...

Но пока в Государственной думе либеральные оппозиционеры и поддерживавшие их некоторые правые социалисты все еще произносили «красивые речи», требуя от правительства хотя бы частичных уступок, на заводах и фабриках, в солдатских казармах, в длинных очередях за хлебом накапливалась могучая революционная энер-

гия. Главным источником, питающим ее, были ненависть к привилегированным классам, военные тяготы, экономическая разруха...

23 февраля 1917 г. грянул могучий социальный взрыв. В этот день на ряде предприятий столицы проводились митинги и собрания, посвященные Международному женскому дню. Большевики и члены других революционно-демократических групп разъясняли причины империалистической войны и продовольственных трудностей, призывали к борьбе против царизма — главного виновника народных бедствий. И хотя на этот день забастовки и демонстрации заранее не планировались, они развертывались стихийно. Большую активность проявляли женщины-работницы, с особой остротой переживавшие страшные невзгоды империалистической войны. Забастовщики и демонстранты по старой революционной традиции устремлялись в центр города, на Невский проспект. Появились лозунги «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!». События нарастали стремительно, подобно цепной реакции. 24 февраля стачки приняли еще больший масштаб, рабочие демонстрации стали более многолюдными, начались столкновения с полицией и поддерживавшими ее войсками.

25 февраля, всего лишь на третий день революции, движение петроградских рабочих переросло во всеобщую политическую стачку, практически парализовавшую жизнь огромного города. Над стачечниками и демонстрантами реяли красные флаги, полотнища с лозунгами «Долой царя!», «Хлеб, мир, свобода!», «Да здравствует республика!».

Районные комитеты РСДРП(б), Петербургский комитет, Русское Бюро ЦК партии большевиков (в котором руководящую роль играл А. Шляпников) на заседании 25 февраля решили поддерживать всеобщую стачку, стремясь при этом объединить рабочих и солдат, без чего, как показала первая российская революция, невозможно было свалить царизм. На решение столь важной задачи и были направлены усилия большевистской партии, а также некоторых других революционно-демократических организаций, например межрайонцев. В открытой борьбе с властями «снизу» складывался левый, революционно-демократический блок. Никто не ждал указаний. Революционная инициатива и революционное творчество рождались в самой толще масс, «рядовые» члены партии действовали в соответствии со складывав-

шейся обстановкой. В этом и сказывались глубокая «почвенность» большевистской партии, ее связь с рабочим классом.

26 февраля (это было воскресенье) царские власти перешли к более активным действиям; в ряде районов города полиция и войска стреляли в забастовщиков и демонстрантов. Охранка нанесла удар по Петербургскому комитету большевиков, арестовав многих его членов. Однако по указанию А. Шляпникова его функции взял на себя Выборгский райком. Но, как оказалось в итоге, расстрелы и репрессии сослужили царизму плохую службу. Большевики и другие революционные демократы избрали правильную тактику: они не призывали рабочих отвечать солдатам огнем, а проникали в казармы и разъясняли им — вчерашним рабочим и крестьянам,— чьи интересы они защищают, стреляя в своих братьев по классу. «Пусть солдаты,— наши братья и дети,— говорилось в одной из большевистских листовок,— идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час романовской монархии». И эти агитация и пропаганда попадали на благоприятную почву: три года империалистической бойни поколебали веру солдатской массы в царя, революционизировали ее.

27 февраля в развитии революции наступил решающий перелом: солдаты Петроградского гарнизона стали переходить на сторону революционных рабочих. К вечеру их уже было около 70 тыс., почти одна треть численности гарнизона. Но и та солдатская масса, которая еще прямо не влилась в революционный поток, уже не представляла собой «опоры трона» — командование потеряло управление ею. Петроград был охвачен восстанием!

В этот день появился манифест ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России», высоко оцененный В. И. Лениным. «Задача рабочего класса,— говорилось в манифесте,— создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя». Манифест требовал конфискации помещичьих земель, введения 8-часового рабочего дня и созыва Учредительного собрания на основе всеобщих выборов.

А на заводах и фабриках по инициативе самих масс уже шли выборы в Советы, так, как это было в 1905 г. В большевистской листовке говорилось: «Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих де-

путатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство».

К концу 27 февраля, и уж во всяком случае к 28 февраля, стало очевидно, что восстание рабочих и солдат в Петрограде победило. Беспомощные попытки военного министра А. Беляева и командующего Петроградским военным округом генерала С. Хабалова взять ситуацию под контроль ни к чему не привели. Не удалось «сохранить» большой отряд, собранный генералом М. Занкевичем на Дворцовой площади. Затем фактически рассеялся отряд лейб-гвардии Преображенского полка полковника А. Кутепова, которому Хабалов приказал, «разбив толпу» на Невском и Литейном проспектах, восстановить порядок в центре города. Воинство Хабалова (в несколько сот человек) после бесцельных переходов из Адмиралтейства в Зимний дворец и обратно бесславно закончило свое существование. Пожалуй, только полковник О. Балкашин некоторое время «держал в руках» Самокатный батальон на Сампсониевском проспекте.

Защищать царскую власть в Петрограде стало некому.

Восставшие массы — рабочие и солдаты — уже 27 февраля избрали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, выражавший волю революционного народа. Большинство в Исполкоме Совета оказалось в руках меньшевиков и эсеров. Этот многозначительный факт иногда объясняют вовлеченностью большевиков в уличные революционные бои в то самое время, когда правосоциалистические партии и группы активно действовали «в верхах», организуя власть. Такого рода объяснения, возможно, имеют под собой основания. Вместе с тем они недостаточно подчеркивают определенную обусловленность превосходства партий-«победителей» на том этапе революции, о котором идет речь. Эти партии пропагандировали примирение, соглашательство классов как политическую целесообразность, политическую необходимость. Такая пропаганда в полной мере соответствовала настроениям широких революционных масс, ждавших от революции решения всех проблем для всех. То было начало революции, для которого действительно свойственно некое классовое единение, исчезающее, как только выясняется, что многие ожидания были, увы, напрасными. Так или иначе, но Петроградский Совет был создан как выразитель интересов революционных масс.

И только теперь либералы, думские лидеры, до сих пор в растерянности, а то и в страхе взиравшие на могучее народное движение в Петрограде, решили примкнуть к революции. Наступил час, о котором писал В. И. Ленин: «Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее» [10]. Но так или иначе, а этот решительный для либералов шаг привел их к власти.

27 февраля, почти одновременно с созданием Петроградского Совета, лидеры буржуазных партий в Государственной думе образовали так называемый Временный комитет, глава которого М. Родзянко уже предпринимал лихорадочные попытки вступить в переговоры с Николаем II (тот находился в это время в Ставке, в Могилеве) с целью склонить его к конституционным уступкам. Родзянко убеждал царя немедленно пойти навстречу старому требованию думского «Прогрессивного блока»: подписать указ о «даровании ответственного министерства», т. е. правительства, ответственного не лично перед царем, но перед «народным представительством» — Государственной думой. Думские политики полагали, что с помощью такого маневра им удастся сбить революционное пламя и наконец осуществить свой план — преобразовать самодержавную монархию в конституционную.

Все еще бытует мнение, что «глуповатый» Николай II чуть ли не безучастно отнесся к событиям, развернувшимся в Петрограде, и отказался от власти так же легко, как какой-нибудь офицер сдает свою часть, свой эскадрон другому офицеру. Это не соответствует фактам. Они, напротив, показывают, что Николай II довольно упорно боролся за власть, постепенно сдавая одну позицию за другой только под давлением обстоятельств, и отказался от власти лишь в тот момент, когда иного выхода практически уже не было. Но и тогда он пошел на это исключительно ради спасения монархии и династии.

Получив первые известия о событиях в Петрограде, Николай II распорядился направить в столицу карательные войска с фронта под командованием генерала Н. Иванова. О генерале говорили, что он — сын каторжанина, знающий «простонародье» и умеющий обращаться с ним. Это «обращение» Иванов продемонстрировал еще в первую революцию при подавлении восстания в Кронштадте.

Одновременно Николай II выехал из Могилева в Царское Село — свою постоянную резиденцию, где находилась его семья. Однако добраться туда он не смог: революционная волна как бы катилась ему навстречу и со станции Малая Вишера два царских («литерных») поезда вынуждены были повернуть назад и двинулись в Псков, где находился штаб Северного фронта. Здесь Николай подвергся сильному давлению со стороны главнокомандующего фронтом генерала Н. Рузского, который, действуя в тесном контакте с начальником штаба Ставки генералом М. Алексеевым и главнокомандующими другими фронтами, убедил царя пойти навстречу требованиям думской оппозиции: «даровать» ответственное министерство.

Ивановские части, авангард которых уже достиг Царского Села, были остановлены приказом Николая II по причине несоответствия поставленной им ранее карательной задачи новой «комбинации», рассчитанной на политическое решение конфликта. Но когда обрадованный Рузский связался по аппарату Юза с Родзянко, чтобы сообщить ему о долгожданной уступке царя, он услышал слова, буквально потрясшие его. Родзянко заявил, что эта уступка уже запоздала, что теперь «ребром» встал вопрос об отречении Николая II в пользу малолетнего наследника — цесаревича Алексея при регентстве брата Николая — великого князя Михаила Александровича.

Два посланца Думы, А. Гучков и В. Шульгин, уже направились с этим требованием в Псков.

Но еще до их прибытия (днем 2 марта) начальник штаба Ставки генерал М. Алексеев, находившийся в постоянном контакте с М. Родзянко, решился принять и эту новую позицию думского Временного комитета и уже сформировавшегося к тому времени Временного правительства. Однако чтобы не брать всю инициативу и ответственность на себя, он, вероятно по совету Рузского, особой телеграммой запросил мнение всех «старших генералов» — главнокомандующих фронтами — относительно возможного отречения царя в пользу наследника Алексея. Телеграмма Алексеева фактически была составлена таким образом, чтобы подсказать положительный ответ. Так в общем и произошло.

В 3 часа дня 2 марта генерал Рузский со всеми телеграммами, полученными от Алексеева из Ставки, и в сопровождении двух генералов — С. Савича и Ю. Да-

Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества, требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

г. Псковъ
2 Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Николай

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Графъ Фредериксъ

Рис. 1. Текст отречения Николая II

пилова — явился к царю. Николай согласился на отречение в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Это, как мы знаем, полностью соответствовало задачам миссии Гучкова и Шульгина. Но когда по приезде в Псков поздно вечером 2 марта они изложили Николаю

свой вариант отречения (в пользу Алексея), он неожиданно для всех присутствующих заявил, что отрекается и за себя и за прямого наследника в пользу брата — Михаила Александровича.

Михаил потерял прямое право на престол еще в 1904 г., после рождения у Николая II сына Алексея. Затем он попал в «немилость», совершив грубый «мезальянс»: женился на дважды разведенной некоей Н. Вульферт. В России ему разрешено было жить только после начала войны, в 1914 г. Михаил командовал Туземной (так называемой Дикой) дивизией, «убыл» с фронта по болезни, был назначен генерал-инспектором кавалерии. Короче говоря, неожиданное решение Николая II нарушало права наследника, являлось потому незаконным и, по мнению некоторых историков, было рассчитано на то, чтобы запутать ситуацию, а в случае перемены обстановки аннулировать псковское отречение. Но доказать это трудно. Скорее можно предположить, что этот религиозно приверженный идее самодержавия человек предпочел совсем устраниться от власти, чем капитулировать перед сторонниками «парламентаризма», по его убеждению органически чуждого России и русскому народу. Впрочем, никакие законы вообще не предусматривали такого факта, как добровольное отречение российского царя. Николай II совершил акт, беспрецедентный в истории России.

Отречение Николая II имело большое значение в определении хода дальнейших событий. Особенно этот акт повлиял на позицию «верхов» армии. Формально оно освобождало генералитет и офицерство от присяги и фактически нейтрализовало возможные реставрационистские попытки в их среде. Потребовалось время, чтобы реакционная, монархически настроенная военщина оправилась от шока первых мартовских дней и начала искать пути для борьбы с революцией.

Ранним утром 3 марта Николай Романов покинул Псков и направился в Ставку. В дневнике он записал: «Кругом измена, и трусость, и обман». Несколько дней бывший царь находился в Ставке. Он рассчитывал вместе с женой и детьми уехать в Англию, но под давлением революционных масс и Петроградского Совета Временное правительство отказало ему в этом. 8 марта прибывшие из Петрограда правительственные комиссары возьмут его под арест и на другой день доставят в Царское Село, где уже арестованной находилась его семья. Они пробу-

дут здесь до конца июля, когда по приказу Керенского их отправят в далекий Тобольск...

Между тем революционные события развивались с такой стремительностью, что и отречение царя в пользу Михаила оказалось «цветами запоздалыми». Когда днем 2 марта лидер кадетской партии П. Милюков на массовом митинге в Таврическом дворце заявил о предстоящем переходе власти к новому царю, в ответ раздались яростные крики: «Долой монархию! Долой Романовых!» Орган Петроградского Совета газета «Известия» писала: «Возврата к монархии быть не может!»

Ко времени отречения Николая II в Петрограде уже было сформировано Временное правительство. Его состав и программа во многом явились результатом переговоров и соглашения между думским Временным комитетом и эсеро-меньшевистским Исполкомом Петроградского Совета, который фактически передал свою власть буржуазным партиям. Определялось это теоретической выкладкой, согласно которой Россия переживает буржуазную революцию, ей предстоит еще долгий путь капиталистического развития и потому социалисты не могут взять на себя управление страной. По убеждениям меньшевистского и эсеровского руководства, на этом длительном этапе необходимо единение всех «живых», «творческих» сил, демократических элементов всех классов и групп (в том числе и буржуазии), ибо в противном случае (при наличии острых социальных противоречий и неустойчивом положении) будет нарастать угроза гражданской войны с ее непредсказуемыми последствиями, не исключающими и угрозу самодержавно-монархической реставрации.

В сущности, такая точка зрения проистекала из страха перед тем, что революция освободит все то отрицательное, что скопилось в обществе за десятилетия его подавления и угнетения, из неверия в созидательные силы народа. Призрак «пугачевщины» терзал российскую интеллигенцию, значительную часть которой представляли меньшевики и эсеры. Но они не понимали или не хотели понимать того, что в исторически переломные периоды, в революционные эпохи реальная опасность для революции и демократии таится не в их развитии и углублении, реализующих коренные интересы народа, а как раз в противном: в торможении и остановке революции, дающих возможность консолидации силам контрреволюции и реставрации. Такова была точка зрения большевиков,

и конфликт этих двух точек зрения, по существу, составит ось политической борьбы между ними и «соглашателями» (меньшевиками и эсерами) на протяжении почти всего 1917 г., вплоть до победы Октября.

А в начале марта меньшевистско-эсеровский Исполком Петроградского Совета одобрил формирование буржуазного Временного правительства, правда оговорив, что будет поддерживать его постольку, поскольку оно не пойдет вразрез с интересами революционной демократии. Конечно, это была сдача позиций буржуазным партиям, но констатировать только это было бы неполной оценкой. Несмотря на свое соглашательство, Исполком Петроградского Совета, а вернее, Петроградский Совет оказывал давление на Временное правительство, вынуждая его проводить более значительные реформы демократического характера, чем ему (правительству) этого бы хотелось.

Возглавил Временное правительство широко известный в либеральных кругах глава земского союза близкий к кадетам князь Г. Е. Львов. Впоследствии некоторые из деятелей Временного правительства считали это большой ошибкой. Львов, с их точки зрения, оказался слишком «мягкотелым», «толстовцем», даже «шляпой», человеком, совершенно неспособным к твердому руководству. Министром иностранных дел стал лидер кадетской партии историк П. Н. Милюков, военным министром — склонный к политическим авантюрам октябрист А. И. Гучков — люди, широко известные в политических кругах. Все другие министры также были октябристы, кадеты или близкие к ним.

Единственным членом правительства — социалистом (трудовиком, а затем эсером) являлся А. Керенский, сумевший добиться санкции Петроградского Совета на занятие поста министра юстиции. В либеральных и правосоциалистических кругах он был популярен как адвокат, успешно проводивший защиту на политических процессах. Весьма энергичный человек, хороший оратор, с некоторыми актерскими наклонностями, как член IV Государственной думы Керенский в дни Февральской революции «эффектно» осуществил арест некоторых царских министров, чем сразу выдвинулся в глазах нахлынувших в Думу масс. Впрочем, была, вероятно, и другая, более глубокая причина «роста» Керенского. В либеральной думской среде его знали как человека, имевшего прочные связи в левых, социалистических кругах, как поборника объединения либеральной оппозиции и рабочего

движения. Это ставило полуэсера-полукадета Керенского как бы в центр антицаристского политического фронта, превращало его в то «звено», которое, по мнению буржуазных политиков, могло бы удержать рвущийся революционный поток в рамках совершившейся буржуазной революции.

Спустя много лет такую «надпартийную» позицию Керенского (как, впрочем, и некоторых других членов правительства) некоторые стали объяснять его принадлежностью к организации русского «политического масонства», а самое Временное правительство — чуть ли не детищем этой организации. Несмотря на то что тема «масоны и Февральская революция» в последние годы довольно широко обсуждается, она все же не выходит из сферы предположений и преувеличений. Недоуменных вопросов здесь возникает намного больше, чем дается ясных ответов. Не исключено, что личные связи, возникшие в рамках деятельности «политического масонства», сыграли какую-то роль при формировании Временного правительства. Но главный, классово-политический источник в данном случае был, конечно, иным. Партийный состав Временного правительства полностью отражал буржуазный этап начавшейся революции, что и нашло свое выражение в блоке вошедших в него октябристов и кадетов. Что касается Керенского, то его появление и быстрое возвышение в составе Временного правительства и вообще на политической арене, конечно, не было случайным. Оно отражало и выражало определенный, начальный этап революции со свойственными ему победной эйфорией, политическими иллюзиями. Как говорил Гельвеций, каждый период имеет своих великих людей, а если их нет — он их выдумывает.

В целом можно сказать, что Временное правительство вобрало в себя цвет российского либерализма — политического авангарда буржуазии. В большинстве своем это были высокообразованные, интеллигентные люди, много лет занимавшиеся политической деятельностью и заранее примеривавшиеся к министерским креслам. Среди них были лично честные люди, искренне считавшие, что только «цензовики», т. е. буржуазные элементы, способны обеспечить буржуазно-демократическое развитие России, образцом которого должен служить Запад.

Буквально с первых же шагов Временное правительство оказалось в состоянии кризиса. Он был вызван мощными антимонархическими, антицаристскими настроения-

ми масс и в известной мере неожиданной формой отречения Николая II. Для «левой», республиканской, т. е. более радикальной, части нового правительства (где главную роль все больше играл Керенский) было очевидно, что у Михаила нет шансов на воцарение, поскольку оно привело бы лишь к дальнейшему росту революционной волны. Другая, «правая», монархическая часть правительства (Милюков, Гучков и др.), напротив, видела в согласии Михаила принять престол ту последнюю соломинку, которая еще могла спасти положение, остановив дальнейшее развитие революции. В случае невступления Михаила на престол Гучков и Милюков грозили отставкой. В конце концов решили поставить вопрос «на благоусмотрение» самого Михаила.

Ранним утром 3 марта несколько членов думского Временного комитета и Временного правительства отправились на Миллионную, 12, где под охраной скрывался Михаил. После короткого раздумья он отклонил мнение тех, кто стоял за принятие им престола, и объявил, что отказывается от него до окончательного решения вопроса о государственном строе России Учредительным собранием, созвать которое надлежало Временному правительству. Чем можно объяснить такое решение Михаила? Было очевидно, что попытка сохранить монархический строй потребует вооруженных действий против революционных масс, потребует кровопролития. Но реальных сил для такого рода действий у сторонников монархии не было. Да и сам Михаил, по выражению присутствовавшего на Миллионной, 12, видного юриста кадета В. Набокова, меньше всего был человеком, «глядящим в Наполеоны». А то решение, на которое пошел Михаил, в сущности, было компромиссным, в тот момент удовлетворявшим всех, кто присутствовал на Миллионной.

Но Алексеев в Ставке и другие генералы во фронтовых штабах были потрясены. Узнав об отказе Михаила от престола, Алексеев посчитал себя обманутым. Он намеревался немедленно созвать совещание высших генералов для выработки общей линии поведения по отношению к «виляющему правительству». Было, однако, уже поздно... На протяжении десятков лет монархически настроенные историки и мемуаристы «не прощали» Алексееву и другим «высшим генералам» «измену царю». Так, В. Кобылин в книге «Император Николай II и генерал-адъютант Алексеев» (Нью-Йорк, 1970) писал: «Они...

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, чрезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа. Михаилъ.

3/III — 1917
Петроградъ.

Рис. 2. Текст отказа от престола Михаила Романова

погубили Россию... Они взяли на себя ответственность, за которую ответят перед господом богом...»

Впервые революционное выступление привело к коренной перемене государственного порядка; управление госу-

царством перестало быть прерогативой монарха. Но то, что эта перемена стала необратимой, выяснилось позднее. А тогда, в первые дни революции, никто еще не мог сказать, что уход Николая и Михаила Романовых означает конец монархии — формально, да и по существу. Формально, юридически Учредительное собрание могло высказаться и за монархию, но несравненно важнее, конечно, было другое. Февральские события заключали в себе две тенденции развития. Одну — революционно-демократическую, направленную на дальнейшее расширение демократизма, на социальные завоевания в интересах масс; другую, пока еще скрытую,— антидемократическую, контрреволюционную, стремящуюся остановить развитие и углубление революции, а по возможности и повернуть ее вспять. Хотя силы реакции в ходе самого февральского переворота были разбиты и деморализованы, они лишь временно ушли со сцены. Им нужно было время для консолидации и для того, чтобы втянуть в свою орбиту новые пополнения из числа выжидающих и тех, кому революция и то неизведанное, чему она открывала дорогу, внушали тревогу и страх. Конфликт, столкновение этих двух тенденций раньше или позже были неизбежны.

Первый «революционный командующий»

В дни, когда думские лидеры в восставшем Петрограде, генералы в Ставке и в штабе Северного фронта в Пскове торопливо обменивались телеграммами, лихорадочно ища выход из создавшегося критического положения, вновь всплыло и замелькало имя генерала Корнилова.

Кто первый вспомнил о нем? Возможно, генерал П. Аверьянов, в 1916 г. заведовавший отделом эвакуации и военнопленных Генерального штаба, а в канун и во время февральского переворота исполнявший обязанности начальника Генерального штаба. Впоследствии Гучков писал, что он уже в первые дни революции задумал «прибрать к рукам» восставший Петроградский гарнизон. Для этого нужен был генерал, прошедший, как тогда говорили, не через «переднюю Распутина» и анфилады царскосельского Александровского дворца, а через все превратности фронтовой жизни. С этой точки зрения Корнилов был отличным выбором. Фронтовой генерал,

бежавший из плена, маленький, сухонький (как Суворов!), да еще с простым, чуть ли не «мужицким», лицом. Солдат, далекий от политики? Но в сложившейся ситуации и это было плюсом: политиканы во главе гарнизона Гучкову были не нужны, он сам был политиком. Он нуждался в «своем» генерале, который бы проводил его, гучковскую линию.

Так или иначе, вечером 2 марта имя Корнилова впервые было упомянуто в связи с февральскими событиями в Петрограде. В этот день, около 6 часов вечера, Родзянко телеграфировал в Ставку генералу Алексееву просьбу командировать в Петроград на должность командующего военным округом генерала Корнилова «для установления полного порядка и для спасения столицы от анархии». Спустя буквально 10 минут уже известный нам генерал Аверьянов направил Алексееву телеграмму «от себя», в которой выразился еще более определенно. Он просил «осуществить меру», изложенную в телеграмме Родзянко, чтобы помочь Временному комитету Думы, «спасающему монархический строй». Примерно через час Алексеев отдал приказ, допускающий «ко временному командованию Петроградским военным округом... генерал-лейтенанта Корнилова». Почему ко временному? Сказались, видимо, два обстоятельства. Известное недоброжелательство Алексеева к Корнилову, связанное еще с разгромом и пленением 48-й дивизии весной 1915 г., а также необходимость согласования этого назначения с командующим Юго-Западным фронтом генералом Брусиловым (ему был непосредственно подчинен Корнилов) и с находившимся в Пскове царем.

Брусилов, по-видимому, разделял точку зрения Алексеева, поскольку сообщил в Могилев, что «по совести» считает Корнилова «малоподходящим» для новой должности из-за «чрезмерной прямолинейности», но возражать тем не менее не будет. Из Пскова от царя вечером же 2 марта поступило распоряжение об «отозвании в Могилев» генерала Иванова, ранее назначенного на пост командующего Петроградским округом, и назначении вместо него Корнилова. К концу 2 марта Алексеев уведомил Родзянко, а затем и Аверьянова о том, что их просьба выполнена. Итак, царь по просьбе думского лидера Родзянко назначил генерала Корнилова командующим Петроградским военным округом, в состав которого входил и восставший Петроградский гарнизон. Поистине оказалось возможным невозможное...

Корнилов прибыл в Петроград 5 марта. Как первый «революционный командующий» (явно по совету Гучкова), через три дня он лично явился в царскосельский Александровский дворец, где взял под арест императрицу Александру Федоровну, пятерых царских детей и придворных. В другой раз он также лично вручил Георгиевский крест произведенному в прапорщики унтер-офицеру Тимофею Кирпичникову, одному из инициаторов выступления Волынского полка в февральские дни, положившего начало восстанию во всем Петроградском гарнизоне. Это были явно демонстративные акции, рассчитанные на поднятие престижа нового командующего в солдатской массе гарнизона. Арест царицы Корниловым не будет забыт в некоторых монархических кругах. Что касается Т. Кирпичникова, то его дороги еще пересекутся если не с самим Корниловым, то с корниловцами. По воспоминаниям белогвардейского генерала Б. Штейфона, летом 1918 г. Кирпичников объявился на Дону в штабе Кутепова, того самого, который безуспешно пытался подавить восстание в Петрограде в февральские дни, а теперь командовавшего Корниловским полком Добровольческой армии. Как пишет Штейфон, Кутепов приказал вывести Кирпичникова из штаба и «через несколько минут во дворе раздался выстрел»...

«Деловая работа» Корнилова шла менее заметно. Когда он занял свой пост, знаменитый приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, фактически выводивший солдат из-под офицерского контроля, уже вступил в силу. Временному правительству и военному министру А. И. Гучкову было ясно, что ликвидировать последствия этого приказа и вернуть гарнизон в былое состояние они пока не в силах. Но и покидать «поле битвы» за солдатскую массу Гучков не собирался. Он сделал ставку на время, рассчитывая на постепенный спад революционного накала в настроениях солдатских масс и на осторожную, исподволь подготовку таких «крепких» формирований, с помощью которых можно будет окончательно прибрать гарнизон к рукам.

Повсюду в армии в это время шел быстрый процесс создания войсковых комитетов. Меньшевики и эсеры, претендовавшие на выражение интересов крестьянско-солдатских масс, не только не препятствовали, но и всемерно содействовали ему. Политический замысел их состоял в следующем: войсковые комитеты под эсеро-мень-

шевистским руководством должны были стать своего рода опорными пунктами этих партий, позволяющими контролировать генеральско-офицерское командование и препятствовать его возможным реакционным устремлениям. Призрак военной контрреволюции, растущей из армейских «верхов», с самого начала тревожил «февральских вождей». В демократизации, базирующейся на войсковых комитетах, они видели гарантию того, что армию не удастся повести по пути контрреволюции и реставрации.

Буржуазные партии и Временное правительство оказались в довольно трудном положении. Открыто выступать против войсковых комитетов в сложившейся ситуации они попросту не могли. Но военному министру Гучкову казалось, что он нашел или найдет выход. Идея демократизации армии, открывшая путь к ее организационной и духовной перестройке, должна была быть подменена идеей либерализации: несколько приукрасить фасад, частично переменить старую, царскую атрибутику, свести деятельность комитетов до положения бытовых армейских учреждений и на этом поставить многоточие, позволяющее при соответствующих обстоятельствах многое повернуть назад. Но и с либерализацией следовало не спешить, не торопиться. И вот вопросы армейской службы и быта, в том числе важнейший вопрос о статусе возникших в ходе революции войсковых комитетов, были «сданы» Гучковым в «комиссию генерала Поливанова», способную, как любая комиссия, утопить всякое живое дело в бюрократических проволочках.

Одновременно Гучков и подчиненный ему Корнилов приступили к «чистке» офицерского состава и «воспитанию менее разложившихся частей»: казачьих, артиллерийских, а также юнкерских училищ. Корнилов с согласия Гучкова и Ставки начал разрабатывать проект создания нового, Петроградского фронта, в который должны были войти войска, находившиеся в Финляндии, Кронштадте, Ревельском укрепрайоне, и Петроградского гарнизона. При этом запасные батальоны, расквартированные в столице, были бы развернуты в полевые полки и бригады, а командующий фронтом получил бы право менять их дислокацию, производить смену фронтовых и тыловых частей. Так революционный Петроградский гарнизон должен был понемногу «раствориться» в контрреволюционных политических расчетах командования, прикрытых стратегическими планами.

Однако для осуществления этих планов нужно было хотя бы какое-то время, а между тем уже во второй половине марта появились отдельные горячие головы, которые, как позднее писал А. И. Деникин, готовы были считать, что «пасхальный перезвон» затянулся и пора «ударить в набат». В Петрограде объявился командир Уссурийской казачьей дивизии генерал А. Крымов. В кругах столичной «общественности» он был хорошо известен: знали, что накануне Февраля он был втянут в число «гучковских заговорщиков», готовивших дворцовый переворот с целью устранения Николая II. Теперь Гучков вызвал его в Петроград с Румынского фронта; дивизия передавалась генералу П. Врангелю. Громоздкий и толстый, во френче, широко распахнутом «для проветривания», в лихо сдвинутой на затылок фуражке, слегка раскачиваясь на кривых, «кавалерийских» ногах, Крымов поспевал повсюду: появлялся то в военном министерстве, то на квартире у Гучкова, то в штабе округа у Корнилова.

Позднее Деникин, который в конце марта также был вызван Гучковым в Петроград и виделся там с Крымовым, рассказал о разговорах, происходивших в ходе крымовских визитов. Крымов по секрету рассказал Деникину, что предлагал «им (т. е. Гучкову и другим министрам) в два дня очистить Петроград одной дивизией, конечно, не без кровопролития». Однако его не поддержали: «Гучков не согласен, Львов за голову хватается. Помилуйте, это вызвало бы такие потрясенья!» Из дальнейшего рассказа Деникина следует, что Корнилов тогда всей душой был на стороне Крымова, полностью разделял его мнение о неизбежности «жестокой расчистки Петрограда», но уйти из гучковской упряжки тем не менее не решался: Гучков представлялся ему опытным политиком и Корнилов, по всей вероятности, считался с необходимостью прохождения под его руководством «политической школы», раз уж он неисповедимыми путями судьбы оказался в высоких сферах политики. Крымов вернулся в армию с повышением: был назначен командиром 3-го конного корпуса. Но, уезжая, оставил при Гучкове своего начальника штаба полковника Самарина. Он стал начальником кабинета военного министра (Гучкова)...

* * *

Наступил апрель 1917 г. Жизнь в Петрограде, казалось, постепенно входила в берега. Никого уже не удивляло отсутствие городовых. Вместо «Боже, царя храни» оркестры гремели «Марсельезу», красные банты украшали шинели, тужурки, фраки; вместо слова «господин» говорили «гражданин» и даже «товарищ». Газеты и журналы выходили с кричащими заголовками о свободной России, о наступившем «царстве свободы», «эре всеобщего братства». Слова «митинг», «революция», «комитет», «комиссар» стали распространенными, даже модными.

Но обыватель, во все времена умевший обживаться, знал, что главное — зрить в корень. А тут переменилось не так уж много. В газетах как бы между прочим сообщалось, что на Марсовом поле «место упокоения жертв революции находится в запущенном виде». И в тех же газетах, как в добрые старые времена, печатались сотни объявлений, свидетельствовавших о том, что обычная деловая и торговая жизнь идет своим чередом.

Кто-то усердно рекламировал усовершенствованные дыроколы: революция революцией, а бумаги подшивать надо.

Страницы многих буржуазных газет и журналов захлестнула бульварщина. Интимнейшие «тайны дома Романовых» знали теперь все. Имена Распутина, Вырубовой, Протопопова варьировались в самых щекотливых сочетаниях, и обывателю становилось совершенно «ясно», почему, отчего и зачем произошла революция: невозможно было терпеть «темные» силы, во главе с Распутиным управлявшие Россией. Теперь они устранены и требуется только одно: единение всех в свободной, обновленной России, управляемой Временным правительством. По вечерам сверкали огнями Мариинка и Александринка, из которых выходили шикарно одетые дамы и господа. Народ попроще валил в кинематографы и цирки, где особым успехом пользовались соревнования по борьбе на первенство мира 1917 г. В цирке Чинизелли, где шли решающие схватки, публика, лузгая семечки, бешено аплодировала. На политическом небосклоне появились новые «звезды». Афиши пестрели именами П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе, союзных послов и парламентариев — Дж. Бьюкенена, Д. Фрэнсиса, Дж. О'Греди и др. В один голос они при-

зывали к сплочению классов «во имя завоеванной свободы» и победы над кайзеровской Германией.

Но если инертная, обывательская масса, приспосабливаясь к некоторым действительным новшествам, засасывалась в житейское болото или напряженно выжидала, то социально активные элементы (а число их неудержимо росло) в обстановке послефевральской политической свободы ускоренными темпами консолидировали свои силы. При этом не менее быстро шел процесс их поляризации. На левом полюсе концентрировались те, чьи коренные интересы не были или практически не были удовлетворены с падением царизма. Тот, кто пропадал в грязных окопах при царском режиме, так и остался в них при новом, Временном правительстве: война продолжалась и ей не видно было конца. Вопрос о земле, волновавший, тревоживший десятки миллионов крестьян, оставался нерешенным: новые министры предлагали и убеждали ждать Учредительного собрания. Бывшие «инородцы» настойчиво требовали самоопределения, автономии, но и им предлагалось ждать слова «хозяина земли русской» — будущего Учредительного собрания, неизвестно когда созываемого. Продовольственное положение в больших городах не улучшалось, даже ухудшалось: хлебный паек урезался, цены росли неудержимо и рост зарплаты не поспевал за ними, «хвосты» за хлебом становились длиннее. Общее экономическое положение оставалось тяжелейшим: транспорт был в состоянии, близком к параличу, поставки сырья сокращались, производительность падала, росла безработица.

3 апреля в Россию из эмиграции вернулся В. И. Ленин. До этого момента, пожалуй, наиболее видными фигурами в партии были бывший руководитель думской фракции большевиков Л. Б. Каменев и член ЦК партии И. В. Сталин, в середине марта вернувшиеся в Петроград из сибирской ссылки. Постепенно они отодвинули на второй план петроградских партийных работников, вынесших на своих плечах февральские революционные бои. Практически в их руках оказалась «Правда». Л. Каменев был опытным политиком, острым публицистом, но по характеру склонным к колебаниям и оппортунизму. По существу, он занял полуменьшевистские позиции, отстаивал поддержку Временного правительства по формуле «постольку — поскольку». Сталин же плыл в его фарватере. Каменевско-сталинская линия была линией сближения с меньшевиками.

Сразу после своего прибытия в Петроград Ленин обнародовал свои знаменитые «Апрельские тезисы». Исходя из политической ситуации, сложившейся в России после Февраля, ленинские «Апрельские тезисы» определяли практические меры решения тех проблем, которые, оставаясь не решенными и в условиях двоевластия, все глубже втягивали страну в кризисное состояние. Выход из него Ленин связал с передовым, наиболее активным классом — пролетариатом и с деятельностью его политического авангарда — большевистской партии. Он считал, что осуществление коренных классовых интересов пролетариата и трудящегося крестьянства посредством перехода всей полноты власти к Советам и радикального решения ими вопросов о мире, земле, рабочем контроле и т. д. является практически единственным средством спасения страны от надвигающейся катастрофы. Иного пути не было. Проводивший свою политику при опоре на дворянство и часть крупной буржуазии царизм завел Россию в исторический тупик. Временное правительство, олицетворявшее власть буржуазии, с самого начала обнаружило свою неспособность вывести ее из этого тупика. История связала теперь классовые интересы российского пролетариата с общенациональными интересами...

В. И. Ленин, однако, хорошо понимал, что осознание этого при тех глубоких противоречиях, которые раскалывали общество, при той остроте политической борьбы, которая шла в нем, при приверженности правых социалистов, да и части большевиков к концепции буржуазного характера переживаемой Россией революции — непростое дело. И он всемерно подчеркивал два важнейших обстоятельства, а именно: речь идет не о немедленном введении социализма, а о шагах, постепенных шагах к нему и осуществлять эти шаги нужно путем терпеливого, систематического разъяснения их необходимости. Короче говоря, Ленин намечал мирный, политический путь борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Вопрос о свержении Временного правительства не ставился. Г. Зиновьев позднее вспоминал, что еще перед отъездом В. И. Ленина и других большевиков из Цюриха в Россию по этому вопросу шли споры. Некоторые «левые» настаивали на лозунге свержения правительства Львова. В. И. Ленин был решительно против. Конкретно меньшевистско-эсеровским Советам предлагалось лишить Временное правительство поддержки, сосредоточить всю

власть в своих руках, после чего большевики намеревались развернуть в Советах политическую борьбу за влияние, за проведение в жизнь своей программы. Мощь ленинского интеллекта и огромная энергия убеждения преодолели колебания сомневающихся. VII (Апрельская) конференция большевиков одобрила ленинские тезисы...

Если бы они не были отвергнуты тогдашним советским большинством — меньшевиками и эсерами,— социалистическая революция в России могла бы пойти иным, менее трудным, менее драматическим путем. Не будет, вероятно, ошибкой сказать, что тезисы Ленина открывали путь созданию многопартийного социалистического правительства. Но «Апрельские тезисы» были объявлены меньшевиками «знаменем гражданской войны», призывом к анархии, просто «бредом». Слишком «неожиданными» показались догматическим умам (в том числе и некоторым большевистским) «Апрельские тезисы», слишком несоединимыми представлялись два слова — Россия и социализм. Меньшевистские и эсеровские лидеры Совета вообще не склонны были принимать большевиков всерьез. Маленькая, но яркая деталь. Г. Зиновьев писал, что когда Ленин и он посетили Исполком для отчета о проезде через Германию, некоторые исполкомовские «корифеи» сделали вид, что не узнают Ленина в лицо. Ему даже не предложили стула. Как мы уже писали, меньшевики и эсеры еще раньше выбрали другую дорогу: политику соглашения, а затем и коалиции не «налево», а «направо» — с буржуазными партиями, политику поддержки Временного правительства. Здесь они рассчитывали найти решение многих политических и социальных проблем мирными, политическими средствами.

Иной путь избрала для себя реакция, правые, боевую силу которых составляли монархически настроенные генералитет и офицерство. В конце февраля — начале марта они в целом поддержали думских лидеров или активно не противодействовали им в надежде на стабилизацию положения и укрепление «порядка» в тылу и на фронте. Однако Временное правительство, по их представлениям, все отчетливее проявляло свою неспособность справиться с обстановкой. Революция углублялась; она представлялась им анархией, угрожавшей разрушить все привычные «государственные скрепы». Вынужденные притаиться или перекраситься в сторонников Временного правительства, они должны были избрать единственно возможную для них тактику: тактику тай-

ного заговора и конспиративной подготовки военного переворота.

Все начиналось с маленьких, едва заметных ручейков. Их трудно рассмотреть и сейчас: почти нет источников, а те немногие, что сохранились, требуют тщательной проверки и перепроверки. Это понятно: в послефевральской обстановке, когда массовые революционные организации были активны и сильны, а Временное правительство вынуждено демонстрировать свой разрыв с «павшим режимом», приверженность революции и демократии, правые силы должны были действовать тайно, практически подпольно. Респектабельные господа — военные и штатские — собирались в квартирах за плотно зашторенными окнами и за чашкой кофе, обсуждали положение, намечали планы. В середине апреля одно из таких собраний состоялось в квартире некоего В. С. Завойко. Это имя было довольно широко известно в кругах промышленников и финансистов, связанных главным образом с нефтедобывающей отраслью.

Карьеру свою Завойко (украинский помещик) начал в середине 1890-х годов, когда, по его собственным словам, был «причислен к лондонскому и парижскому посольствам».

После революции 1905—1907 гг. Завойко, склонный к авантюризму и эскападам, сложил с себя дворянское звание, приписался к крестьянскому сословию и занялся финансовой и промышленной деятельностью. Керенский впоследствии писал о нем как о «распутинце». Февраль 1917 г. застал его на нобелевских промыслах директором-распорядителем компании «Эмбо и Каспий». В Петроград он вернулся в начале апреля 1917 г. Здесь он занялся журналистской деятельностью: организовал издательство «Народоправная Россия», издавал журнал «Свобода в борьбе», по своему направлению близкий к получерносотенному «Новому времени». По-видимому, это и открыло Завойко дверь в кабинет к Корнилову на Дворцовой площади.

Каким образом Завойко прочно оказался в корниловском окружении, сказать трудно. Скорее всего, Корнилов обратил внимание на статьи Завойко, печатавшиеся в «Свободе в борьбе», в которых проводилась мысль о том, что революция лишь усилила в России анархию, безделье, безответственность и хищничество. «Мы вовсе не революционеры,— писал Завойко,— а самые грязные и подлые сволочники». Так или иначе, как позднее ут-

верждал Завойко, он явился к Корнилову и «предложил ему свои услуги и свою работу в качестве человека, знающего страну от края и до края... искусившегося в политической деятельности, располагающего словом и способностью письма». Корнилову импонировали утверждения Завойко о том, что с приходом к власти Временного правительства Россия вступила в эпоху «анархии и безответственности» и что спасут ее не партии и организации, а «чудо и отдельные люди». Отдельные люди!

Помимо хозяина квартиры — самого Завойко — на собрании присутствовали нововременец Б. Суворин, адъютант Корнилова полковник В. Плетнев, нововременский журналист и сотрудник Завойко по «Свободе в борьбе» Е. Семенов (несколько позднее, в 1918 г., он станет одним из тех, кто займется фабрикацией фальшивок о большевиках — «германских агентах», так называемых документов Э. Сиссона, и продажей их за границу), еще несколько человек. Обсуждался вопрос о необходимости положить предел «революционной анархии» посредством установления военной диктатуры. Когда заговорили о кандидате в диктаторы, все сошлись на генерале Корнилове. Присутствовавший на совещании Е. Семенов в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, утверждал, что через несколько дней Завойко и Плетнев сообщили ему о согласии Корнилова с их «программой» и о его готовности «с ними работать». После этого, если верить Семенову, Завойко был определен к Корнилову то ли ординарцем, то ли советником.

В том же месяце (апреле) круг тех, кто видел «спасение России» в установлении военной диктатуры, начал расширяться. В Петроград за новым назначением прибыл генерал П. Врангель и вместе со своими друзьями — графом Паленом, Шуваловым, Г. Покровским — стал создавать «военную организацию», которая должна была вести подготовку к контрреволюционному перевороту. Члены организации усиленно вербовали «своих людей» в Петроградском гарнизоне, военных училищах, военном министерстве. Но им нужен был «вождь», к голосу которого, как писал Врангель, могла бы «прислушаться страна», так чтобы «достаточно решительно заявленное требование его, опирающееся на штыки, было бы выполнено». Сначала в «вожди» котировался проживавший в Петрограде генерал Лечицкий, но после того, как Врангель, Пален и др. «вышли» на Завойко, организация связала свои планы и намерения с Корниловым. Заговор-

щики считали, что в революционной ситуации на эту роль более всего подходит «демократическое имя»; таковым считалось имя Корнилова.

Параллельно шел процесс консолидации правых, контрреволюционных сил и в буржуазных кругах. Повидимому, к концу апреля «штатские» сторонники «твердого порядка» «конституировались» в рамках официальной, легальной организации.

По инициативе одного из крупнейших промышленников и банкиров — А. И. Путилова возникла организация под «аполитичным» названием «Общество экономического возрождения России». В нее вошло немало промышленных и банковских воротил, но фактическое руководство некоторое время спустя стал осуществлять здесь Гучков, который в своих воспоминаниях признал, что общество ставило перед собой исключительно политическую цель. Официально оно стремилось собрать возможно более крупные средства на поддержку правых кандидатов в Учредительное собрание, а также на антисоциалистическую пропаганду в тылу и на фронте. Но в конце концов члены общества, по словам Гучкова, пришли к мысли о том, что собранные средства следует «целиком передать в распоряжение генерала Корнилова для организации вооруженной борьбы против Советов рабочих депутатов». Гучков, однако не полностью обрисовал цель. Другой руководитель общества — А. И. Путилов в своих воспоминаниях уточнил, что членов общества беспокоила явная «слабость» Временного правительства: оно не могло даже выселить большевиков из дворца Кшесинской! Это укрепляло намерение идти по линии создания такой «сильной власти», которая могла бы наконец установить «порядок». Керенский же утверждал, что речь в «Обществе экономического возрождения России» шла не только о борьбе с Советами, но и с Временным правительством.

Карты заговорщиков — родоначальников будущей корниловщины — явно спутал Апрельский кризис. Он был вызван известной «нотой Милюкова», обещавшей союзникам, что Россия будет вести войну до победного конца вместе с ними. Пропагандистская завеса приоткрылась, на какой-то момент «революционная маска» правительства оказалась сорванной: из-под нее выглянул мрачный лик воинствующего империализма. Реакция солдатских масс гарнизона и рабочих столицы была быстрой. Начались многолюдные демонстрации под лозунгами «Долой вой-

пу!», «Долой захватную политику!», «Вся власть Советам!».

Казалось, наступило время, когда военному министру Гучкову и командующему округом Корнилову представился подходящий случай для проверки всей своей предыдущей работы по «обузданию гарнизона». И Корнилов, по-видимому ободренный начавшимися «контрдемонстрациями» в поддержку правительства, рискнул: распорядился вызвать к Зимнему дворцу, на Дворцовую площадь, две артиллерийские батареи из «родного» ему Михайловского училища. Но приказ командующего округом не был выполнен! Солдаты и офицеры училища отказались подчиниться. Решено было направить в Петроградский Совет делегацию для выяснения всех обстоятельств появления этого явно провокационного приказа. Исполком Совета отменил корниловский приказ; более того, было заявлено, что без санкции Совета ни одна воинская часть не может быть вызвана на улицу.

Практически это означало, что командующий округом ставится под контроль Совета, что было выше понимания и сил Корнилова. Ближайший советчик Завойко услужливо напоминал, как он, Завойко, был прав, когда доказывал, что Петроград — «это яма», что тут теперь многого не сделаешь, что место Корнилова на фронте, где несравненно больше возможностей для организации борьбы с «революционной анархией». 23 апреля Корнилов подал в отставку с поста командующего Петроградским военным округом.

И все же петроградский период 1917 г. не оказался для него бесполезным. Здесь, в Петрограде, под руководством Гучкова он, сугубо военный человек, прошел первые ступени школы политики и, вероятно, почувствовал к ней вкус. Конечно, политический уровень его остался невысоким, но дальнейшие события покажут, что считать Корнилова полностью политически «неграмотным» было бы неверно. Так или иначе, не исключено, что мысль о «диктаторстве» пришла Корнилову в голову именно здесь, в Петрограде, весной 1917 г.

Через несколько дней после ухода Корнилова ушел и Гучков. Но перед уходом он предпринял попытку «закрепить» своего протеже поближе к революционной столице: попросил генерала Алексеева назначить Корнилова главнокомандующим Северным фронтом вместо уходившего генерала Н. В. Рузского. Если в первых числах марта, при назначении Корнилова «на Петроградский

округ» Алексеев проявлял колебания (согласился па его временное назначение), то теперь, в конце апреля, он был непреклонен. Гучкову было отвечено, что «назначение генерала Корнилова неприемлемо», поскольку у него нет опыта командования крупными соединениями, к тому же отсутствует авторитет среди войск Северного фронта. Алексеев даже грозил, что в случае назначения Корнилова подаст в отставку. Между Алексеевым и Корниловым пробежала еще одна черная кошка...

В первых числах апреля 1917 г. Корнилов отбыл на Юго-Западный фронт, получив 8-ю армию. За дело здесь он взялся круто. Сразу же поддержал записку служившего в разведотделе штаба армии капитана М. Неженцева, в которой тот излагал свои соображения о причинах «пассивности армии» и «мерах противодействия ей». Ознакомившись с содержанием записки, Корнилов приблизил Неженцева, подолгу беседовал с ним. Поблескивая стеклами пенсне, щурясь и «по-гвардейски» растягивая слова, этот франтоватый офицер увлеченно развивал свои планы «спасения армии». Нужны, конечно, решительные меры, исходящие от верховной власти, но, не дожидаясь их, необходимо самим проявить инициативу.

В середине мая Неженцев начал формирование «1-го ударного отряда»[11], названного «корниловским», с тем чтобы тот своим примером мог оказать влияние на остальные части армии. В августе, уже став Верховным главнокомандующим, Корнилов особым приказом переформировал «корниловский ударный отряд» в «корниловский ударный полк». В стальных касках, с черно-красными погонами, с эмблемой, изображавшей череп («адамову голову»)[12] над скрещенными костями и мечами (она укреплялась на фуражке и рукаве), «корниловцы» одним своим видом должны были наводить страх на тех, кто подвергся влиянию «анархии» и «разложения». Фактически им отводилась роль преторианцев командующего армией.

Такую же роль при Корнилове играл конный Текинский полк, сформированный главным образом из туркмен. О них в шутку говорили, что на вопрос, какой режим они поддерживают — старый или новый, следовал ответ: «Нам все равно, мы просто режем». Корнилов хорошо говорил по-туркменски и по-персидски, что способствовало росту его популярности среди «всадников»-мусульман, выходцев из среднеазиатских и северокавказских регионов России. Слово «бояра» (Корнилова) было

для них законом. Текинцы превратились в его личный конвой. В белых папахах и малиновых халатах, с кинжалами у поясов, они производили внушительное, грозное впечатление.

Корниловщина без Корнилова

Последствия Апрельского кризиса — уход Корнилова с поста командующего Петроградским военным округом и в еще большей степени уход Гучкова и Милюкова из правительства — были ощутимым ударом для правых сил. Правда, политическая карьера Гучкова и Милюкова на этом не кончилась. Пусть не на министерских постах, но они еще долго будут играть важную роль в контрреволюционной борьбе, и мы с ними еще не раз встретимся... Гучков умрет от рака в 1936 г. в эмиграции. Милюков доживет во Франции до второй мировой войны. Будучи глубоким стариком, в 1943 г. призовет к поддержке Советского правительства и Красной Армии... Но вернемся к Корнилову.

Его место в мае 1917 г. занял мало кому известный, фанфаронистый, но блеклый генерал Половцев; однако несравненно худшим для правых сил было то, что Временное правительство теперь пополнилось министрами-социалистами. В глазах реакционных элементов это значительно сдвинуло его «влево», превращало в орган, «подыгрывающий» революции, революционным настроениям масс. Все это вызывало у них глубокое разочарование, но отнюдь не отказ от своих намерений и планов.

Как раз наоборот, апрельские события рассеяли те иллюзии, которые возникли поначалу, иллюзии, во многом вызванные уверениями думских лидеров, что с устранением темных «распутинских» сил и их приходом к власти угроза «революционной анархии» будет остановлена. Теперь становилось яснее, что ставка на Временное правительство как барьер, способный остановить революцию, по-видимому, несостоятельна. Правительство, казалось, еще в большей степени «опутывалось» Советами и другими, по контрреволюционной терминологии, «самочинными», «безответственными» организациями, все больше подпадало под их влияние, открывая дальнейший простор «смуте» и «анархии». Реакция не желала мириться с тем, что Временное правительство вынуждено было маневрировать, искать обходные, «демократиче-

ские» пути, прибегать к полумерам, компромиссам для «разрядки» революционной ситуации, для постепенного «обволакивания» и «приручения» Советов, а в конечном счете полного их низведения.

Тактика политического маневра была чужда большинству этих людей, особенно в среде военных. Они привыкли рубить сплеча, убежденные в том, что мужик и солдат лучше поймут и примут это. Генерал А. Деникин впоследствии не без удивления вспоминал, как он, еще молодой офицер, пытался командовать ротой и вывести ее в лучшие «либеральными мерами». А дисциплина в роте становилась все хуже. Только тогда, когда бывалый фельдфебель Сцепура, выстроив роту, поднял перед ней свой огромный кулак и пояснил, что это «вам не капитан Деникин», порядок в роте стал быстро налаживаться...

Однако и «рубка сплеча» требовала определенной подготовки. Какая политическая сила могла стать ее центром? Конечно, кадеты, после Февральской революции занявшие место фактически самой правой партии. Со многими кадетами и кадетствующими случилось то, что бывает с прекраснодушными мечтателями и краснобаями, охотно болтающими о «невыносимости» старого режима, пока этот режим существует. Но когда наступает драматический момент его краха и развала, а черты нового еще неясны, их охватывают страх и паника. Крушение старого мира рисуется чуть ли не как крушение мира вообще, как апокалипсис. И тогда вчерашние ниспровергатели готовы чуть ли не поклоняться тому, что еще вчера призывали сжечь. Нередко самые махровые реакционеры выходят как раз из бывших либералов. Политически такого рода настроения выливались в неверие в возможность разрешить проблемы демократическим путем, через Учредительное собрание, в поиски путей установления «твердой власти». «Кадетская партия,— писал В. И. Ленин,— есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России. Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах, так (что еще важнее) в аппарате военного и гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т. е. партии революционного пролетариата, потом против Советов» [13].

И все же ориентация крайне правых сил на кадетскую партию после Февраля во многом являлась вынуж-

денной: им не по душе была «втянутость» кадетов в «беззубую» политику Временного правительства, «заигрывавшего» с Советами. Со своей стороны некоторые кадеты, считавшие свою партию демократической и отрицательно относившиеся к ее медленному, но верному дрейфу в правую сторону, тяготились растущим монархическим грузом. Поэтому правая часть кадетской партии предпочитала не афишировать свою приверженность реакционным элементам и идее «твердой власти». Так, член ЦК кадетской партии В. Оболенский в своих эмигрантских мемуарах писал, что П. Милюков уже после ухода из правительства пришел к заключению, что «революция сошла с рельс» и кадеты должны готовиться к борьбе с ней «не внутри возглавляющей ее власти, а вне ее». Но официально речь, как правило, пока шла об укреплении и усилении власти в «законных» рамках Временного правительства. В результате всего этого в крайне правых кругах усиливалась тенденция (не порывая с кадетизмом, используя его) к собственной организации, пусть даже на первых порах прикрытой легальными лозунгами верности Временному правительству. Она нашла выражение в создании трех относительно крупных организаций, деятельность которых к концу лета 1917 г. практически и подготовила корниловский мятеж.

* * *

Одной из них был «Республиканский центр». Его возникновение, вероятнее всего, относится к середине мая 1917 г. Мало кто тогда знал, что в доме № 104 по Невскому проспекту, где помещалось «Общество Бессарабской железной дороги», находилась штаб-квартира этого центра. В его руководящее ядро входили директор Бессарабской железной дороги, путейский инженер Е. Николаевский — глава центра — и его заместители: инженер П. Финисов, А. Богдановский, Л. Рума. Имена для широкой публики в то время малоизвестные, но люди, стоявшие за «Республиканским центром», и не стремились к рекламе, а, напротив, предпочитали действовать без особого шума. В деловых же кругах Николаевского и других хорошо знали, и потому недостатка в средствах у «центра» не было с самого начала: банковские воротилы охотно ссужали ему деньги «на пропаганду».

Вступавших в «Республиканский центр» не спрашивали: «Како веруешь?» Главное, что требовалось,— это

желание бороться с революцией, с большевизмом. Поэтому в центр вступали все — от монархистов до правых эсеров. Официально центр «имел исключительно проправительственное направление» — стремился «помочь Временному правительству создать для него общественную поддержку путем печати, собраний и проч.». И позднее, уже в эмиграции, некоторые бывшие руководители «Республиканского центра» клялись и божились, что они и в мыслях не имели борьбу с «Зимним дворцом», только со «Смольным». Но ведь для всего правого крыла эмиграции, для всех бывших корниловцев лейтмотивом было обвинение Керенского в провокации и предательстве генерала Корнилова, который якобы заносил руку против Смольного, но отнюдь не против Временного правительства. Бывшие «республиканцы» на чужбине, таким образом, шли в том же русле.

Факты показывают, что постепенно в «недрах» «Республиканского центра» крепло ядро правых элементов, все более склонявшихся к мысли о военной диктатуре. Пока эта мысль, может быть, не приобрела четких очертаний, но она вербовала все больше сторонников. Явно благодаря деятельности этого ядра при «Республиканском центре» возник законспирированный военный отдел, который к лету связывал между собой малочисленные военные, преимущественно офицерские, организации: «Военная лига», «Совет союза казачьих войск», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз бежавших из плена», «Союз инвалидов», «Комитет ударных батальонов», «Союз воинского долга», «Лига личного примера» и др. Здесь, в этих «союзах» и «лигах», проходили идейную подготовку силы контрреволюционного реванша.

Через военный отдел «Республиканского центра» прошли по крайней мере два будущих вождя «белого дела». Есть данные, свидетельствующие о том, что с «Республиканским центром» летом 1917 г. был тесно связан генерал Корнилов, а военным отделом одно время руководил вице-адмирал А. Колчак.

В Петрограде он оказался в середине июня, после того как понял свою неспособность остановить революционизирование моряков Черноморского флота, которым командовал с 1916 г. Правые газеты с восторгом писали, как Колчак эффектно бросил в море свою Георгиевскую саблю, протестуя против требований судовых комитетов некоторых кораблей разоружить офицеров, подозреваемых в контрреволюционном заговоре. Колчак спу-

стил свой флаг на флагманском корабле, передал командование контр-адмиралу Лукину и по приказанию Г. Львова и А. Керенского «убыл» в Петроград.

Здесь он и оказался в поле зрения руководства «Республиканского центра». С ним установили прямую связь, несколько раз Колчак присутствовал на заседаниях «центра», о чем он сам дал показания в ходе допроса в Иркутске в феврале 1920 г. Но о содержании и характере этих заседаний Колчак не сказал тогда ничего. Зато сопровождавший его контр-адмирал М. Смирнов впоследствии признал, что «патриотические организации», связанные с «Республиканским центром», обратились к Колчаку с просьбой «стать во главе движения». «Колчак,— пишет Смирнов,— согласился. Началась работа в этом направлении». Цель работы — подавление большевиков и устранение из правительства их «друзей», т. е. меньшевиков и эсеров.

Помимо Колчака, на Невском, 104, не раз видели будущего оренбургского атамана А. Дутова, одним из первых поднявшего мятеж против Советской власти. Бывал здесь и полковник П. Бермонт-Авалов, позднее один из «возглавителей» прибалтийской белогвардейщины. Шли сюда и монархисты-черносотенцы. Их принимали. Когда они выражали смущение по поводу республиканской вывески «центра», их успокаивали: главное пока собрать под одно крыло как можно больше антибольшевистских элементов, а там будет видно... То, о чем в «политической надстройке» «Республиканского центра» предпочитали помалкивать, чтобы не выдать себя и не помешать созданию максимально широкого фронта антибольшевизма, здесь, в военном отделе, обсуждалось довольно прямо. Здесь преобладала такая точка зрения: «Если царский режим был во многих отношениях неудобен, то режим Временного правительства становится нетерпим... Необходимо с ним покончить».

* * *

Примерно в то самое время (в мае 1917 г.), когда в Петрограде промышленно-финансовые воротилы, скрытые монархисты и быстро правеющие либералы создавали «Республиканский центр», в Могилеве в Ставке монархически и правокадетски настроенные генералы и офицеры сколачивали собственную организацию — «Союз офицеров армии и флота». Несомненно, ключевой фигурой в этом деле был генерал М. В. Алексеев, после отречения

и ареста царя назначенный Верховным главнокомандующим. Алексеев, как мы помним, сыграл очень важную роль в деле отречения Николая II. Но Алексеев был монархистом и, способствуя устранению Николая II, делал ставку на нового царя — Алексея или Михаила, с воцарением которых связывал надежды на прекращение революции, продолжение войны и укрепление «монархического принципа». Когда эти надежды рухнули, первым намерением Алексеева было посредством генеральской «стачки» все-таки склонить «виляющее правительство» к провозглашению нового монарха. В Учредительном собрании, о котором заговорило Временное правительство и которое должно было определить будущий государственный строй России, ему виделась катастрофа. Алексеев чувствовал себя обманутым: Родзянко и другие лидеры оппозиции твердили ему, что с уходом Николая II монархия будет спасена, но этого не только не произошло, но, напротив, «развал» пошел семимильными шагами. Крушение своих надежд и свой «грех» Алексеев, по некоторым свидетельствам, переживал тяжело, не мог простить себе, что в конце февраля послушался советов «некоторых людей» и способствовал царскому отречению. Например, генералу Н. Тимановскому он будто бы говорил, что если бы тогда, в конце февраля 1917 г., мог предвидеть, что «революция выявится в таких формах», то поступил бы иначе.

На первый взгляд создается впечатление, что к искуплению своей «вины» Алексеев приступил лишь после Октября, когда сразу после свержения Временного правительства тайно покинул Петроград и прибыл на Дон, в Новочеркасск, где начал формировать Добровольческую армию. Однако обращение к майским событиям, связанным с созданием в Ставке «Союза офицеров армии и флота», показывает, что некоторые глубинные корни донской, новочеркасской деятельности Алексеева лежали здесь. Алексеев занимал пост Верховного главнокомандующего, и вся деятельность по созданию этого «союза», руководство которого должно было находиться при Ставке, шла через него. Он был действительно «крестным отцом» «союза».

Подготовка к созданию «союза» началась еще в середине апреля, когда в могилевской гостинице «Бристоль» собралась офицерская инициативная группа. Ее член полковник С. Ряснянский писал, что никто тут не задавал сакраментального вопроса «како веруешь?». Было

известно, что почти все члены группы — монархисты. Подготовительная работа длилась довольно долго. Офицерский съезд, созванный для создания «Союза офицеров армии и флота», открылся 7 мая, а завершился 22 мая. На нем присутствовали более 300 делегатов, 80% которых составляли фронтовые офицеры. На съезде выступили генерал Алексеев и его начальник штаба генерал А. Деникин.

Еще в процессе подготовки организаторы съезда широко рекламировали аполитичность будущего «союза», стремление превратить его в своего рода военный «профсоюз», который будет печься только об укреплении армии, содействуя в этом Временному правительству. Но это была необходимая ширма. Тот же Ряснянский писал, что хотя многие делегаты говорили о лояльности Временному правительству, но «от души это не шло». Хорошо понимая это, Алексеев и Деникин осторожно и дипломатично, насколько было возможно, подогревали контрреволюционные настроения съезда. Они говорили о «безумной вакханалии», которая врывается в армию под видом демократизации, об «опасности», которая в связи с этим нависает над армией и страной и о необходимости «спасать Россию». Смысл такого рода сентенций был ясен: будущие белогвардейские вожди призывали офицерский съезд и созданный им офицерский «союз» покончить с демократизацией армии, восстановить в ней практически старый порядок — иную армию они просто не мыслили. Съезд довольно сдержанно и прохладно встретил выступление прибывшего в Могилев Керенского, но зато с большим вниманием выслушали черносотенца В. Пуришкевича, особенно прославившегося участием в убийстве Г. Распутина.

С совещательным голосом разрешено было присутствовать на съезде и представителям войсковых комитетов — солдатам. Алексеев и оргкомитет съезда пошли на это, рассчитывая, что такой шаг будет способствовать улучшению отношений солдат и офицеров. Большое впечатление произвело выступление члена Могилевского Совета солдата Руттера, который развивал идею создания не отдельного офицерского, а общевоинского союза. «Мы — Минины,— говорил Руттер,— а вы — Пожарские, пусть мы будем вместе, но не забывайте, что пусть Минины впереди, Пожарские потом. Родина будет спасена, власть будет дана, этой власти будут подчиняться, это будет та конкретная власть, которая не остановится ни

перед чем, но помните, что не Пожарские в первую голову, а Минины».

Обеспокоенный пропагандистским эффектом речи Руттера, Алексеев решил лично побеседовать с солдатскими представителями. Сам выходец из крестьян, он умел говорить с солдатом, находил нужные слова. Пешком пошел в казарму, где они остановились; сняв фуражку с седой головы, низко кланялся им, как «честным, великим русским гражданам, которые выполнили свой долг перед отечеством». Призывал их забыть о «собственных интересах», отдать все «изнемогающему отечеству». «Вы — лучшие люди ваших полков... — искренне волнуясь, говорил Алексеев,— и у меня к вам, как к лучшим людям, просьба, мольба, приказ...». Алексеев обнимался с Руттером, тронутые солдаты клялись воевать до победы и до полного «выздоровления» и «воскресения России». Тем не менее идею создания исключительно офицерского «союза» Алексеев проводил и провел твердо.

На последнем заседании, 22 мая, делегаты избрали руководящий орган «союза» — Главный комитет (из 26 человек) и его президиум. Председателем Главного комитета был избран выходец из московской аристократической среды правый кадет Л. Новосильцев, его заместителями — полковники В. Пронин и В. Сидорин, будущий активный участник корниловщины и донской контрреволюции. Последнее заседание съезда совпало с уходом Алексеева с поста Верховного главнокомандующего: его сменил генерал А. Брусилов. Но в признание особых заслуг Алексеева в деле создания офицерского «союза» он был избран первым почетным его членом. Алексеев уехал из Могилева, был зачислен правительством «в резерв» и на какое-то время отошел в тень. Несомненно, однако, что связей со Ставкой и Главным комитетом «Союза офицеров», который обосновался при Ставке, он не порвал. Не случайно позднее, в дни августовского Государственного совещания, когда организационная подготовка контрреволюционного выступления Ставки практически завершилась, Корнилов предложил встать «во главе движения» Алексееву как создателю «Союза офицеров» — его источнику и ядру. Еще позже, в критическую минуту для Ставки и «Союза офицеров», наступившую после провала мятежа, Алексеев сыграет важную роль: будет делать все возможное, чтобы вывести их из-под удара, максимально сохранить офицерские кадры корниловщины. А еще некоторое время спустя, по

всей вероятности в канун Октября, он приступит к созданию так называемой алексеевской организации, которая займется нелегальной переброской корниловцев на Дон... Вся эта ниточка, проследить которую мы, к сожалению, можем пока только пунктиром, несомненно, берет начало там, в Могилеве, при создании офицерского «союза».

Организационно «союз» состоял из отделов и подотделов, которые создавались при штабах воинских частей, военных округов и военных ведомствах. Они имелись в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Севастополе, Саратове и других городах. Через них очень быстро были установлены связи с фронтами, военным министерством и другими ответственными военными учреждениями. Особое внимание было уделено налаживанию связей с правыми, или, как говорили в Главном комитете, «национально настроенными группами» — политическими, общественными, торгово-промышленными. Взаимоотношения с ними предлагалось строить по следующей формуле: «союз» дает «физическую силу», а «национальные круги» — деньги плюс (в случае необходимости) «политическое влияние и руководство».

Главный комитет «союза» развернул довольно активную антибольшевистскую и антисоветскую пропаганду, стремился сплотить многочисленные военные организации, общества и лиги, пропитанные духом контрреволюционного реванша и черносотенства, приступил к разработке программы создания «ударных батальонов», которые должны были стать ядром новой армии, способной «восстановить порядок».

С самого начала Главный комитет, да и весь «союз» попали под подозрение весьма настороженного, недоверчивого Керенского. Хотя «комитетчики», как уже отмечалось, заявляли о своей лояльности правительству, Керенский как военный министр, несомненно, получал информацию о том, что члены Главного комитета в Ставке, недовольные всей послефевральской политической обстановкой, ищут выхода из нее «через правую дверь». Впоследствии, в эмиграции, некоторые бывшие члены Главного комитета (Л. Новосильцев, С. Ряснянский и др.) своими мемуарами подтвердили эти подозрения. Из их мемуаров следует, что уже при создании «союза» и Главного комитета внутри его сформировалось конспиративное ядро (примерно в 10 человек), вынашивавшее план выдвижения Алексеева в диктаторы. В случае успе-

ха созыв Учредительного собрания отвергался: практически все члены группы были монархистами.

В начале и середине июня некоторые руководители комитета (Новосильцев, Сидорин, Кравченко и др.) побывали в Петрограде и Москве, где установили связи с руководством кадетской партии и организациями, стоявшими правее кадетов,— еще функционирующим Временным комитетом Государственной думы, в котором по-прежнему стремился играть «роль» Родзянко, с некоторыми банковско-промышленными объединениями октябристского толка. Важнее всего, конечно, для «главнокомитетчиков» была позиция кадетов. В общем им дали понять, что, хотя кадеты «сердечно сочувствуют намерениям Ставки», прямо втягиваться в их реализацию они пока не считают возможным, предпочитают выжидать. Часть кадетов еще надеялась, что на рельсах коалиционной политики с социалистами — меньшевиками и эсерами — удастся повернуть ход событий в нужном направлении. Обеспокоенность вызывала у них и склонность ставочных политиканов к поспешным, авантюристическим действиям.

В Петрограде Новосильцев и его спутники установили контакт с вице-адмиралом А. Колчаком, сотрудничавшим с «Республиканским центром». Главный комитет «Союза офицеров армии и флота» поручил Новосильцеву преподнести Колчаку новую саблю взамен той, которую, как мы уже знаем, он демонстративно бросил в море, протестуя против выступлений революционных моряков. В конце июня Колчак записал в своем дневнике: «Явилась ко мне делегация Офицерского союза с фронта и поднесла мне оружие с крайне лестной надписью». Но это, конечно, был только повод. На переговоры с Колчаком члены Главного комитета возлагали особые надежды: их первого кандидата в диктаторы — Алексеева уже не было в Ставке, а новый Верховный главнокомандующий генерал А. Брусилов «не жаловал» «союз». Он вообще был категорически против любых комитетов в армии, к тому же рассуждал вполне логично: если офицерский «союз» практически ведет борьбу с армейскими комитетами за единоначалие в армии, то какое право на существование имеет он сам?

Переговоры с Колчаком имели для членов Главного комитета чрезвычайно важное значение: шел зондаж относительно его отношения к диктатуре и возможного ее «возглавления». Колчак в принципе не отвергал «идеи»,

к которой уже был подготовлен руководством «Республиканского центра», но не спешил: хотел убедиться в «солидности» подготовки, планов, шансов на успех. В его позиции тоже было что-то «кадетское». Флирт Колчака с посланцами офицерского «союза» и шумиха вокруг его имени, поднятая правой печатью, не остались незамеченными в «верхах». Упоминавшийся нами контр-адмирал Смирнов утверждает даже, что их организация была раскрыта Временным правительством. Так или иначе, Колчаку было оказано полное содействие в командировании его за границу (в США) в качестве главы небольшой военно-морской миссии. Но это произойдет в конце июля — начале августа, а пока, ранним летом 1917 г., Колчак, по имеющимся данным, заинтересованно вел переговоры с представителями «Республиканского центра» и Главного комитета офицерского «союза».

Несмотря на то что в ходе своей миссии в Петроград и Москву члены конспиративной группы Главного комитета не встретили полного понимания и гарантированной поддержки на ближайшее будущее, они возвращались в Ставку отнюдь не разочарованными. Как писал С. Ряспянский, они вынесли твердое убеждение в том, что рассчитывать на изменение политики Временного правительства «в сторону укрепления власти и уменьшения вредной деятельности Советов р. и с. депутатов не приходится». Их вывод поэтому был однозначным: ставку нужно делать только на вооруженную борьбу «с Совдепом и его присными».

* * *

В процессе создания своих отделов и подотделов на различных фронтах Главный комитет в конце мая — начале июня «вышел» на офицерскую организацию, возглавляемую уже известным нам генералом А. Крымовым, который, прибыв в Петроград во второй половине марта, брался учинить «расчистку» революционной столицы, «правда не без крови», в несколько дней. Гучков тогда не поддержал Крымова, и он «убыл» на Румынский фронт с повышением: получил 3-й конный корпус, в который входили Уссурийская, 1-я Донская казачья дивизия (командиром Уссурийской дивизии стал генерал барон П. Врангель).

На Крымова, безусловно, работала его популярность во фронтовой среде. Он умело поддерживал свое амплуа «отца-командира»: мог спать, укрывшись собственной

шинелью, готов был есть из солдатского котла, демонстративно площадно распекал офицеров в присутствии солдат и т. п. Вместе с тем Крымову действительно нельзя было отказать в личной храбрости и решительности.

Приняв конный корпус, Крымов приступил к созданию в нем и в частях, расположенных в Киеве и близ него, тайной офицерской организации. Крымов мог считать себя конспиратором: ведь накануне Февральской революции он был активным участником замышлявшегося Гучковым дворцового переворота, имевшего целью отстранение Николая II. Теперь Крымов и его корпусные сообщники задумывали нечто помасштабнее. К сожалению, об этой «крымовской организации» известно немного. Несомненно, помешало самоубийство Крымова сразу после провала корниловского мятежа, в конце августа. И все же некоторые, вполне определенные данные имеются в показаниях и мемуарах Керенского, «Очерках русской смуты» А. Деникина, воспоминаниях некоторых участников самой организации (например, начальника штаба Уссурийской дивизии Г. Дементьева). Первоначальной целью организации ставилось превращение Киева в центр «будущей военной борьбы». Крымов считал, что «разложение армии» зашло так далеко, что спасти ее уже не удастся. Поэтому он полагал необходимым в момент «окончательного падения фронта» занять Киев, сколотить здесь «отборные части», а затем начать отход в глубь страны, наводя там «жесткий порядок» и уже имея в руках списки «кандидатов на виселицу».

Под каким политическим лозунгом этот порядок мыслился? Деникин, в частности, утверждает, что это не слишком заботило Крымова: он, как и будущие «белые вожди», не считал своей задачей предрешение будущего государственного строя. Однако свидетельства самих крымовцев вносят в это существенные коррективы. Так, упомянутый нами начальник штаба Уссурийской дивизии полковник Г. Дементьев прямо утверждал, что Крымов неоднократно говорил о «ничтожестве Керенского», о «преступной работе Петроградского Совета» и высказывался «за необходимость возведения на престол великого князя Михаила Александровича». Нетерпеливый и резкий, он проявлял недовольство брусиловской Ставкой: считал, что там недооценивают внутреннее положение страны, требовал безотлагательных контрреволюционных действий. Иначе, грозил Крымов, «я полезу на рожон, заварю такую кашу, что ее не скоро удастся расхлебать».

Крымов просил начальника штаба Ставки генерала А. Лукомского перебросить его корпус на пути, ведущие к Могилеву, Москве и Петрограду, или в крайнем случае включить его в состав 8-й армии Корнилова, действовавшей на Юго-Западном фронте. Он лично побывал в штабе Корнилова, но вернулся в Кишинев (где находился штаб 3-го конного корпуса) раздосадованным: Корнилов склонялся к тому, чтобы сначала одержать несколько побед над немцами, «а уже после этого расправиться с керенщиной и Петроградским совдепом».

Такой подход нервировал Крымова, и, по имеющимся данным, он некоторое время не считал нужным сообщать Корнилову о своей организации, по-видимому не исключая возможности самому возглавить «движение». Только после того как Корнилов был назначен командующим Юго-Западным фронтом, а затем Верховным главнокомандующим (а это произошло в июле), Крымов признал его первенство. Но решительность Крымова, его контрреволюционная агрессивность, почти откровенный монархизм делали «крымовскую организацию», пожалуй, наиболее правой в составе всего фронта будущей корниловщины. Можно было бы сказать, что Крымов был бо́льшим корниловцем, чем сам Корнилов. И не этим ли объясняется, что Керенский, по-видимому осведомленный о настроениях Крымова, одним из главнейших условий соглашения с Корниловым относительно переброски 3-го конного корпуса к Петрограду (в конце августа) ставил отстранение Крымова от командования? Корнилову он, по-видимому, еще кое-как доверял, Крымову — нет.

Бросим теперь самый общий, «подытоживающий» взгляд на деятельность тех правых сил, которые поставили задачу не только пресечь дальнейшее развитие и углубление революции, но и решительно повернуть события вспять, к дофевральским рубежам. К лету 1917 г. эти силы уже вступили в этап консолидации и организации, но деятельность их тогда можно было бы охарактеризовать как «вялый старт». Благоприятной ситуации для их активности пока не было. Еще только шел поиск «крупной личности», способной стать во главе, еще правые, реакционные силы не преодолели своей политической изоляции. Пролетариат все решительнее шел за большевиками, буржуазные круги «кадетизировались», а кадеты, вынужденные считаться с общей революционной обстановкой, все еще держались политики коалиции

с правыми социалистами. Между этими флангами колыхалась огромная мелкобуржуазная масса, ведомая меньшевиками и эсерами. В ходе Февральской революции эта масса, обладающая естественным механизмом приспособленчества и адаптации, «революционизировалась». Однако при другом стечении обстоятельств она могла столь же быстро и «контрреволюционизироваться».

Национализм и шовинизм — лучшее, опробованное средство для такого рода метаморфоз. Реакция, антибольшевизм, несомненно, делали ставку на них...

* * *

Еще в декабре 1916 — январе 1917 г. царское правительство по согласованию со своими антантовскими союзниками приняло решение о проведении весной 1917 г. наступления на русско-германском фронте. В сочетании с действиями союзных войск на Западе оно должно было привести к полному разгрому Германии. Николай II связывал с этим наступлением большие надежды. Он надеялся, что успех наступления, победа в войне, подняв волну казенного патриотизма и шовинизма, «снимут» давление либеральной оппозиции и серьезно ослабят массовое революционное движение. Февральская революция опрокинула эти надежды. Однако по мере развития последующих событий идея наступления, способного реализовать не только и даже не столько стратегические, сколько политические расчеты власть имущих, ожила вновь, на этот раз в умах министров Временного правительства. Член ЦК кадетской партии В. Маклаков так сформулировал планы, связанные с наступлением: «Если нам действительно удастся наступать... и вести войну так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда быстро наступит полное выздоровление России. Тогда оправдается и укрепится наша власть...»

Меньшевики и эсеры готовы были согласиться с этим. Эсер В. Станкевич также считал, что наступление необходимо, поскольку только ценою войны на фронте можно «купить порядок в тылу и армии». Но в наступлении был и немалый политический риск. А если оно окажется неудачным, если его ждет провал? Ведь Временное правительство и поддерживавшие его партии не могли не понимать, что солдат хотя еще и держал штык наперевес, но он уже вот-вот готов не только воткнуть его в землю, но и повернуть против тех, кто гнал его через колючую проволоку, на германские пулеметы. Что будет,

если именно это случится как результат поражения и разгрома? Не вызовет ли тогда провал наступления на фронте новый подъем революционной волны? Буржуазные политики, конечно, вполне сознавали реальность такого исхода. Но еще существовала уверенность, что у власти достанет авторитета и сил, чтобы остановить эту волну, взвалив вину за военную неудачу на саму революцию, на партию большевиков, подорвавших якобы военные усилия правительства и генералитета.

Так или иначе, но ждать было нельзя. Сам ход событий властно требовал от правительства действий для стабилизации режима. Напрасно буржуазная и правосоциалистическая пресса, митинговые агитаторы кадетов, меньшевиков и эсеров убеждали рабочих, солдат и крестьян, что с созданием коалиционного правительства момент решения наиболее острых проблем — достижения мира, ликвидации помещичьего землевладения, улучшения условий жизни рабочих и др.— приближается. Время шло, а слова и обещания оставались словами и обещаниями. Коалиционное, буржуазно-социалистическое правительство на практике также не сделало ничего, чтобы обрести доверие масс. В итоге пропаганда большевистских лозунгов — мир, земля, рабочий контроль, осуществление которых было возможно только в случае разрыва коалиции меньшевистско-эсеровского руководства Советов с буржуазными партиями и перехода всей власти в руки Советов,— эта пропаганда находила все больший массовый отклик.

В такой ситуации Временное правительство не могло не попытаться переломить ход событий. В наступлении на фронте оно и видело чуть ли не единственное средство такого перелома. Выбора, по существу, у него не было. Нужно было идти и на риск. Особенно усердствовал военный министр Керенский. Казалось, он превзошел себя. По нескольку раз в день выступал на солдатских митингах. Одетый в полувоенную форму без знаков отличия, поднимался на наспех сколоченные помосты (или прямо с сиденья открытой машины) и говорил, говорил речи. У него были немалые ораторские способности, приятный баритон, близорукость придавала ему выражение добродушия и доверчивости. Он говорил, что его министерские полномочия, обязанности государственного деятеля, к сожалению, не дают ему возможности встать в ряды наступающих войск и геройски погибнуть в бою за новую, свободную Россию. Керенскому бурно

аплодировали, нередко даже выносили на руках, но, как правило, это была лишь чисто внешняя, непосредственная реакция. Керенский уезжал, обаяние рядом стоящего «кумира» исчезало, оставалась суровая необходимость завтра или послезавтра идти под огонь германских пулеметов... Но июнь—июль были, пожалуй, апогеем карьеры Керенского. Его «звезда» поднималась, и он верил, что победоносное наступление доведет ее до зенита.

Между тем 3 июня в Петрограде начал работу I Всероссийский съезд Советов, на котором меньшевики и эсеры еще располагали решающим большинством. Один за другим поднимались на трибуну их лидеры, доказывая и убеждая, что у революционной демократии нет иного пути, кроме соглашения, коалиции с буржуазией, буржуазными партиями. Через несколько дней съезд большинством голосов принял резолюцию доверия Временному правительству. Но происшедшие вслед за тем события показали, что резолюции съезда, принятые меньшевистско-эсеровским большинством — это одно, а настроения масс — это нечто иное.

По решению президиума съезда и Исполкома Петроградского Совета на 18 июня была назначена массовая демонстрация, которую лидеры меньшевистско-эсеровского Исполкома, избранного съездом, рассчитывали провести под своими лозунгами, продемонстрировав силу и влияние. Большевики приняли участие в этой демонстрации под своими лозунгами, веря, что массы рабочих и солдат поддержат их. Короче говоря, демонстрация 18 июня практически должна была стать пробой сил политических партий, боровшихся за влияние на массы. Вопрос фактически стоял так: за Временное правительство — значит, за продолжение политики торможения революции и укрепления буржуазного режима, за переход власти к Советам — значит, за продолжение революции, перерастание ее в социалистическую, способную удовлетворить самые насущные требования народа.

Что же показала эта полумиллионная демонстрация, длившаяся почти весь день? Близкая к меньшевикам газета «Новая жизнь» расценила ее как «отрицательный вотум доверия существующему правительству». Прямое недоверие было высказано министрам-капиталистам, а косвенное — и министрам-социалистам. Почти три четверти демонстрантов шли под большевистскими лозунгами, требовавшими передачи власти Советам. В. И. Ленин писал, что ни у кого из видевших эту

грандиозную демонстрацию на Марсовом поле не осталось сомнений в победе большевистских лозунгов «среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России» [14]. Практически они действовали в соответствии с призывами ленинских «Апрельских тезисов» и Апрельской конференции большевиков: «Никакой поддержки Временному правительству!», «Вся власть Советам!»

18 июня судьба правительственной коалиции пошатнулась. Разразился политический кризис не менее, если не более, глубокий, чем это случилось в двадцатых числах апреля. Но если тогда кризис был разрешен созданием коалиционного, буржуазно-социалистического правительства, то теперь спасительным поясом, пожалуй, оказалось уже давно подготовлявшееся Временным правительством наступление на фронте, наступление, с которым, как мы уже отмечали, связывались не столько стратегические, сколько политические планы. Власти рассчитывали, что при успехе наступления шовинистические и милитаристские настроения окажут парализующее воздействие на революционный процесс и будут способствовать стабилизации режима; в случае же провала наступления вину можно будет взвалить на «революционную анархию», Советы, прежде всего большевиков. Тогда для властей открывался путь репрессивных мероприятий и поворот вправо мог стать значительно более крутым.

В. И. Ленин прямо писал, что при всех возможных исходах наступления оно означает «укрепление *основных позиций контрреволюции*» [15]. Естественно, что большевики были против наступления, но отнюдь не призывали к подрыву или развалу армии, в чем их пытались обвинять политические противники. Против наступления — это значило развертывание политической борьбы за его недопущение, за предупреждение новых бессмысленных жертв во имя чуждых народу интересов, во имя укрепления позиций контрреволюции. Это, конечно, не исключало того, что под прикрытием большевистской пропаганды и агитации, под их лозунгами в некоторых воинских частях нередко могли проявиться анархические настроения как в период подготовки, так и в ходе самого наступления. В волнах революции плыло немало шкурников и демагогов.

Поначалу казалось, что расчеты правительства, связанные с успехом наступления, оправдываются. Когда в Петроград поступили первые сведения о переходе в наступление войск Юго-Западного фронта (при поддержке

других фронтов), проправительственные и контрреволюционные элементы, предпочитавшие не выступать открыто, хлынули на улицы и площади города. С лозунгами «Война до победы!», «Доверие Временному правительству!» они двинулись к Мариинскому дворцу — резиденции правительства. Однако эта радость оказалась недолгой. Фактически только 8-я армия генерала Корнилова (особенно входивший в ее состав 12-й корпус генерала В. Черемисова) имела успех, продвинувшись вперед до 30 км по фронту шириной в 50 км. Были взяты Калуш и Галич, масса пленных и вооружение. Но другие армии Юго-Западного фронта (6-я и 11-я), которые должны были войти в прорыв, забуксовали почти с самого начала и остановились уже через несколько дней. Еще более безуспешными оказались наступательные действия других фронтов. А 6 июля германские войска нанесли мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта, осуществив так называемый Тарнопольский прорыв.

Вся грандиозная затея с наступлением, в которую правительство и лично Керенский вложили столько сил и против которой настойчиво предупреждали большевики, обернулась ужасной катастрофой. Начался беспорядочный, порой панический, отход русских войск. Многие части (в том числе и 8-й армии) оказались захлестнуты волной анархии, некоторые городки и села на пути отступления подверглись погромам и мародерству. Тут-то Корнилов показал свою «твердую руку»: приказал вешать дезертиров и мародеров на перекрестках без всякого суда. Колонны отступавших войск видели раскачивающиеся на деревьях и телеграфных столбах трупы солдат...

Тарнопольский прорыв по времени почти совпал с драматическими событиями в Петрограде, известными под названием июльских. Их суть, содержание В. И. Ленин определил как «взрыв революции и контрреволюции *вместе*»[16]. Началось со «взрыва» революции. Динамитом, который произвел его, были все ухудшающееся положение трудовых масс, прежде всего рабочих, попытки правительства и командования под предлогом военных нужд вывести по крайней мере часть революционного Петроградского гарнизона из столицы, первые сведения и слухи о провале так долго готовившегося наступления. Ситуацию, безусловно, «подогрел» и внезапный выход министров-кадетов из правительства якобы по причине

несогласия с сепаратистскими действиями краевой власти на Украине — Генерального секретариата Центральной рады.

В действительности же это был лишь повод. Фактически кадеты отставкой поставили своих партнеров «слева» — меньшевиков и эсеров — перед необходимостью самим держать ответ перед негодующими революционными массами за поражение на фронте. Расчет был довольно продуманным: чтобы уйти от этой ответственности, меньшевики и эсеры станут сговорчивее и пойдут на такое соглашение с кадетами, которое позволит этим последним решительнее действовать в борьбе с революцией. Отставка кадетов, таким образом, являлась политическим маневром, направленным на то, чтобы «умерить» соглашателей и благодаря этому попытаться придать режиму Временного правительства еще более правый крен...

В первых числах июля революционные солдаты и рабочие некоторых заводов вышли на улицы Петрограда с лозунгами устранения Временного правительства и перехода всей власти в руки Советов. Их было более полумиллиона человек! Даже Н. Суханов, далекий от симпатий к демонстрантам и большевикам, писал: «Независимо от политических результатов нельзя было смотреть иначе как с восхищением на это изумительное движение народных масс». Было ли это выступление чисто стихийным? Конечно, нет. Безусловно, сыграла роль вся предшествующая пропаганда большевиков, разъяснявших, что, пока власть находится в руках буржуазии и ее партий, не желавших сколько-нибудь серьезных перемен, трудящиеся массы не добьются осуществления своих жизненных требований. Некоторые члены Военной организации большевиков, Петербургского и районных большевистских комитетов, захваченные революционным порывом, склонны были развивать движение до максимальных пределов. Однако ЦК партии в целом занял другую позицию. В. И. Ленин считал, что в этот период, в эти дни большевики «не удержали бы власти... ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер» [17].

С другой стороны, остаться вне движения, устраниться от него партия тоже не могла. «Если бы наша партия,— разъяснял В. И. Ленин,— отказалась от поддержки стихийно вспыхнувшего... движения масс 3—4 июля, то это было бы прямой и полной изменой пролетариа-

ту, ибо массы пришли в движение, законно и справедливо возмущенные затягиванием империалистской, т. е. захватной и грабительской, в интересах капиталистов ведущейся, войны и бездействием правительства и Советов...»[18] И большевики пошли в массы, чтобы организационно овладеть выступлениями, придать им мирный характер.

Однако полностью осуществить это не удалось. На круто поднявшейся революционной волне закипела ультралевацкая, анархистская пена. С широко известной в Петрограде бывшей дачи бывшего министра внутренних дел Дурново, захваченной анархистами и другими ультралевыми элементами, раздались призывы к вооруженному восстанию, реквизиции предприятий, банков, складов, магазинов. В некоторых районах города открывалась стрельба, появились первые жертвы. Демонстранты направились в Таврический дворец, где заседал ВЦИК, появились в зале заседаний, бурно требовали покончить «сделки с буржуазией», понуждали членов ВЦИК немедленно взять власть. При этом едва не пострадал эсеровский лидер В. Чернов. Чтобы освободить его, некоторые эсеры готовы были пустить в ход пулеметы с броневиков. Лишь вмешательство Л. Троцкого и Ф. Раскольникова предотвратило кровопролитие. Активную роль в умиротворении воинственно настроенных масс у Таврического дворца сыграл Г. Зиновьев, хороший оратор и агитатор, умевший доказывать и убеждать...

Теперь настал момент для развертывания запасного «сценария», учитывавшегося Временным правительством и вообще реакцией при подготовке наступления и затем дополненного кадетами их выходом из правительства.

Позорный провал на фронте теперь можно было отнести на счет «революционной анархии», большевиков и других левых групп и организаций. Контрреволюционная, антибольшевистская печать связала воедино Тарнопольский прорыв на фронте с июльскими событиями в столице, поспешив представить их «большевистской попыткой прорвать внутренний фронт». На «взрыв революции» контрреволюция ответила своим «взрывом». На большевиков и революционные массы обрушились репрессии. В разных местах города демонстранты подверглись вооруженным нападениям, по ним открывали огонь. Кто стрелял? По многим данным, члены тех тайных и полутайных контрреволюционных военных организаций,

которые в большом числе создавались в Петрограде, а также отдельные казачьи патрули. Воинские части громили дворец Кшесинской, где находился большевистский ЦК, типографию «Правды». Многие видные большевики и близкие им (Л. Троцкий, Л. Каменев, А. Коллонтай и др.) были арестованы. В. И. Ленин и Г. Зиновьев ушли в подполье. 7 июля в Петроград вступили вызванные с Северного фронта войска. Один из отрядов подошел к Таврическому дворцу с оркестром, игравшим «Марсельезу». Командовавший им поручик, меньшевик Ю. Мазуренко, демонстративно обнимался с вышедшим навстречу Чхеидзе.

На основе сфабрикованных контрразведкой «показаний» некоего Ермоленко министр юстиции П. Переверзев дал сигнал для яростной кампании по обвинению большевиков в государственной измене, в связи с германским Генеральным штабом. Лидеры ВЦИК Н. Чхеидзе и И. Церетели, опасаясь разгула черносотенных, погромных настроений, рекомендовали редакциям воздержаться от публикации этой «сенсации», как «непроверенной» (не более того!). Но правые газеты не желали прислушиваться к этим рекомендациям. «Разоблачения» пошли в ход, а эсеро-меньшевистское руководство фактически умыло руки...

По прибытии в Петроград с фронта Керенский добился ухода Переверзева в отставку, но отнюдь не за проявленную инициативу в развязывании кампании клеветы, а за преждевременное ее начало: он считал, что опрометчивые действия Переверзева помешали сбору всех «компрометирующих данных».

Ввод в Петроград фронтовых войск и клеветническая кампания все же сыграли свою роль. Часть солдат да и рабочих поддались антибольшевистской, контрреволюционной пропаганде. Проявились и погромные, антисемитские настроения, разжигавшиеся вчерашними черносотенцами с целью отвлечения масс от действительных социальных проблем. М. Горький писал, что рабочие должны твердо заявить юдофобам и шовинистам: «Прочь! Хозяева страны — мы, мы завоевали ей свободу, не скрывая своих лиц, и мы не допустим каких-то темных людей управлять нашим разумом, нашей волей. Прочь!»

Почему в революционной стране, в революционной ситуации стали возможны столь резкие колебания с внезапным креном вправо? Пагубную роль сыграла, конеч-

но, все та же обывательщина, мелкобуржуазность массы, наиболее активная часть которой сначала разгорячила себя ультралевацкими настроениями, а затем, в обстановке «контрреволюционного взрыва», шарахнулась в противоположную сторону. Ее политическая культура была низка, что, в частности, выражалось в полной готовности верить сказанному и напечатанному властями. Определенное содействие этому «откату» оказала и позиция, занятая меньшевиками и эсерами, контролировавшими ВЦИК Советов. Покинувшие правительство кадеты спрогнозировали правильно: меньшевики и эсеры во ВЦИК и Исполкоме Совета крестьянских депутатов приняли резолюцию, которая рассматривала демонстрации в Питере как «удар в спину» воюющей армии, а их инициаторов — как «врагов революции». Только группа левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, возглавляемых Ю. Мартовым, протестовала против антибольшевистской клеветнической кампании. Между тем массы еще верили меньшевикам и эсерам. В. И. Ленин писал, что «тогда даже у большевиков не было и быть не могло сознательной решимости трактовать Церетели и К°, как контрреволюционеров» [19].

Июльские события наглядно показали, как дорого приходится платить революции, когда в ней, пусть даже на какой-то момент, берут верх левацкие элементы, склонные к авантюрам, «вспышкопускательским» действиям...

Июльский кризис внес глубокую перемену в политическую ситуацию. Еще в начале июля сложил с себя «тяжкое бремя» премьерства «толстовец» Г. Львов и удалился в Оптину пустынь для замаливания «грехов». После Октября, впрочем, он снова появится на политической арене в качестве представителя белогвардейских правительств перед их антантовскими союзниками, ходатаем за интервенцию против Советской России. Вот отрывок из его письма Ч. Крэйну, близкому советнику президента В. Вильсона: «Главное, что я хотел бы сказать Вам,— для спасения России необходимо возможно скорое планомерное объединение союзников и дружная борьба их против немцев, одетых в большевистское платье».

Премьер-министром «осколка» Временного правительства (кадеты ушли) стал эсер Керенский. Но переговоры о формировании полного состава правительства затянулись. В течение двух недель (с 7 по 21 июля) в пра-

вительстве председательствовал левый кадет министр путей сообщения Н. Некрасов. Лишь в 20-х числах июля удалось наконец сформировать новое коалиционное правительство, в которое вернулись кадеты, согласившиеся сотрудничать с «хорошо проявившими себя» в июльские дни меньшевиками и эсерами.

Важнейший пункт этого нового соглашения заключался в том, что А. Керенскому предоставлялись неограниченные полномочия, а министры, в том числе и социалисты, освобождались от ответственности перед своими партиями или организациями. Временное правительство, таким образом, в значительной мере уходило из-под контроля со стороны ВЦИК Советов, существовавшего с времен Февральской революции. Произошла передвижка власти в сторону Временного правительства, т. е. в сторону буржуазии, в сторону всего правого лагеря, в котором усилилась контрреволюционная военщина. Передвижка, но не полное обладание ими властью. Если бы это было не так, совершенно непонятной стала бы вся история корниловщины, т. е. заговор реакционной военной клики в целях установления своей диктатуры.

Общая оценка сложившейся ситуации заставляла контрреволюционные элементы смотреть на итог июльских событий как на важную ступень, способствующую их дальнейшей консолидации для нанесения революционно-демократическим силам окончательного удара. Это и произошло в корниловские дни...

Левый, революционный лагерь потерпел крупное поражение. Советы обессилели. На партию большевиков обрушились репрессии. Значительная часть ее попутчиков, сочувствующих, отхлынула от нее; было немало выходов и из самой партии. Но как не была полной победа контрреволюции, так не было полным и поражение революции.

Пройдя через «июльское горнило», большевики приобрели новый, важный политический опыт. Клевета, обрушенная на В. И. Ленина и других большевиков Временным правительством при фактическом непротивлении эсеровского и меньшевистского руководства, полностью рассеивала иллюзии, все еще имевшиеся в рабочей, да и в большевистской среде. Политический противник сам избрал новый путь борьбы: путь насилия. Значит, борьба с ним теперь тоже должна была стать иной. Меньшевистско-эсеровские Советы ясно показали, что они власть брать не хотят, что они защищают

власть Временного правительства, и это исключало самою возможность политической борьбы внутри них.

Мирный путь борьбы за власть Советов, намеченный В. И. Лениным в «Апрельских тезисах» и в решениях Апрельской конференции, отныне становился невозможным. «Данные Советы,— писал Ленин,— провалились, потерпели полный крах... В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией». «Эту власть,— прямо указывал Ленин, имея в виду Временное правительство,— надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, „самообман и обман народа“» [20].

В. И. Ленин предлагал партии крутой тактический поворот, диктовавшийся столь же крутой переменой в ходе политической борьбы. В конце июля проходивший полулегально VI съезд партии принял новые ленинские установки. Важным организационным моментом в работе съезда было принятие в партию группы «межрайонцев» во главе с Л. Троцким. Троцкий прибыл в Петроград из США в мае 1917 г. Его длительная борьба с Лениным и большевизмом была хорошо известна, но теперь, в эти горячие революционные дни, более важными становились его авторитет одного из руководителей Петербургского Совета в первой российской революции, его талант организатора, публициста и несомненное ораторское искусство.

На съезде был избран Центральный Комитет в следующем составе: В. И. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Л. Троцкий, В. Ногин, А. Коллонтай, И. Сталин, Я. Свердлов, А. Рыков, Н. Бухарин, Ф. Артем, А. Иоффе, М. Урицкий, В. Милютин, Г. Ломов. Под руководством этого ЦК и будет совершено Октябрьское вооруженное восстание.

Репрессии и клевета, к которым Временное правительство и Керенский прибегли в борьбе против революционных сил, возглавляемых большевиками, уже вскоре вернулись к ним бумерангом...

Общая политическая ситуация становилась еще более неустойчивой; поляризация политических сил ускорялась, а это предвещало новые «взрывы» революции и контрреволюции.

Как делали «русского Кавеньяка»

В те летние дни, когда Временное правительство и особенно Керенский предпринимали лихорадочные усилия по подготовке наступления, на политическую арену активно вышло так называемое армейское комиссарство. Комиссары рекрутировались главным образом из демократически настроенной интеллигенции, связанной преимущественно с эсерами или меньшевиками. Их кандидатуры утверждались военным министром по согласованию с командованием и военным отделом ВЦИК. Находились они в ведении военного министра, точнее, созданного при военном министерстве политического управления. Их основная задача в армии, в сущности, была посреднической. Они должны были объединить, с одной стороны, усилия командования, часть которого подозревалась в контрреволюционных, промонархических настроениях, и, с другой стороны, войсковых комитетов, за которыми, по мнению правительства, также необходим был глаз: ведь большинство их находилось в слишком тесной связи с эсеро-меньшевистским ВЦИК. Правительственные комиссары, таким образом, стояли как бы в центре армейских «верхов», призванных поднять и бросить огромную солдатскую массу в наступление.

Надо сказать, что для выполнения этой нелегкой задачи от комиссаров требовалось немалое личное мужество. И не только для того, чтобы идти впереди атакующей цепи под огнем противника, хотя и это нередко бывало. Например, помощник комиссара 8-й армии, будущий известный писатель В. Шкловский, личным примером поднял в атаку Ольгинский полк 16-го армейского корпуса, был тяжело ранен и награжден Георгиевским крестом. Главное, пожалуй, заключалось в другом. Очень часто комиссары должны были агитировать за наступление в солдатской гуще, враждебно настроенной к агитаторам, ратовавшим за войну, склонной к неподчинению и бунту. В романе А. Толстого «Хождение по мукам» с некоторым оттенком шаржирования показан комиссар Смоковников (муж одной из сестер — Кати), на солдатском митинге призывавший к наступлению и убитый кучкой разъяренных солдат. Эта картина основана на подлинном трагическом факте: убийстве комиссара Ф. Линде, одного из инициаторов выступления Финляндского полка в дни Апрельского кризиса (позднее Б. Пастернак описал это событие в «Докторе Живаго»).

В. Шкловский в своих мемуарах «Революция и фронт» рассказывает и о других драматических событиях, связанных с митинговыми выступлениями комиссаров. И нельзя не признать, что в том, что Временному правительству вопреки нежеланию и противодействию солдатской массы все-таки удалось осуществить летнее наступление 1917 г., немалая заслуга принадлежала армейским комиссарам.

Будучи «правительственным оком» в армии, комиссары должны были осуществлять лишь политические функции. И хотя командование обязано было держать их в курсе подготовки и хода боевых операций, в вопросы назначения и смещения комсостава, а также стратегии и тактики им предписывалось не вмешиваться. Однако на практике такое разграничение оказалось крайне трудным: после Февральской революции политика со все возраставшей силой вторгалась в армию, влияла на всю ее жизнь. То важное место, которое занимали правительственные комиссары в армейских «верхах», создавало благоприятную почву для проявления порой непомерных амбиций тех из них, кто был склонен к политиканству и политическому авантюризму. Этим людям казалось, что русская революция с ее сокрушительной ломкой всего старого, с зыбкими, еще не определившимися перспективами дает им хороший шанс, чтобы попытаться вытянуть свой счастливый, «наполеоновский» жребий. Кажется, что они мысленно рядились в костюмы комиссаров Французской революции, особым образом стилизовали язык своих речей и донесений. Двое из них — Б. Савинков и М. Филоненко — оставили наиболее заметный след в событиях 1917 г., в том числе и связанных с корниловщиной.

Эсеровский боевик, непосредственный участник ряда террористических актов против высших чинов царского режима еще в период первой революции, Савинков был сильным и властным человеком, но с метущейся душой. По воспоминаниям людей, близко знавших его, в нем было нечто гипнотическое. В 1906 г. в Севастополе его выдал полиции «шеф» Боевой организации эсеров Е. Азеф (Савинков был его правой рукой). Савинкова приговорили к повешению, но за несколько дней до казни он сумел распропагандировать часового и бежал на лодке в Румынию, перебрался в Париж, а затем вернулся в Россию. Вновь эмигрировал в 1911 г. В эмиграции (во Франции) Савинков разочаровался в революционной

деятельности и, обладая литературным талантом, стал писать романы (под псевдонимом В. Ропшин), в которых отвергал не только терроризм, но и революционную борьбу вообще. В апреле 1917 г. он вернулся в Россию стопроцентным оборонцем, сторонником продолжения войны до победного конца. Естественно, что для него ввиду его прошлых «антисамодержавных» заслуг и новой политической позиции почти сразу же нашлось место в «эшелонах власти»: в мае 1917 г. он — комиссар 7-й армии на Юго-Западном фронте.

Новая «ипостась» Савинкова — комиссарство, та реальная власть, которая наконец оказалась у него в руках, вероятно, наталкивали бывшего террориста на мессианские мысли. Ему грезилось «спасение России», в котором он, Савинков, сыграет не последнюю роль. Что же для этого нужно? Сильная власть, установить которую можно, только устранив влияние Советов на Временное правительство и, напротив, усилив воздействие на него «мужественного и решительного человека», стоящего во главе армии. В этом замысле проглядывали очертания военной диктатуры. Впоследствии, уже после корниловщины, Савинков признáет, что та политическая структура, которая, по его мысли, должна была «оздоровить» и «спасти Россию», виделась ему «под красным флагом Керенского и крепкой рукой Корнилова». Понимал ли он, что крепкая рука Корнилова раньше или позже вырвет флаг из ослабевших рук Керенского? Наверняка понимал. В Керенском он не видел человека власти. Ф. Степун, заведующий политотделом военного министерства, вспоминал, что Савинков иронично называл Керенского «жен-премьером», имея в виду его успех у дам. И не исключено, что на будущих развалинах временного симбиоза Керенского и Корнилова Савинкову рисовалась и собственная, быстро увеличивающаяся тень. В июле 1917 г. Савинков уже стал комиссаром Юго-Западного фронта.

Его слишком активная деятельность на этом посту не раз вызывала резкие протесты Верховного главнокомандующего А. Брусилова и главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Гутора. То и дело они докладывали Керенскому, что считают «совершенно недопустимым» вмешательство Савинкова «в область стратегии», в вопросы смещения и назначения генералов и тем более организацию им «слежки» за командным составом.

Именно здесь, на Юго-Западном фронте, пути Са-

винкова пересеклись с Максимилианом Филоненко, комиссаром 8-й армии, которой командовал генерал Корнилов. О Филоненко в исторической литературе известно немного. Траектория движения Филоненко по политическому небосклону бурного 1917 года прочертилась на коротком отрезке времени: июнь—сентябрь 1917 г. После Октября его имя в отличие от имени его «шефа» Савинкова в общем-то исчезает, растворяется в череде событий.

Сын известного корабельного инженера и сам инженер, честолюбивый и склонный к авантюризму, Филоненко бросился в политику, рассчитывая именно здесь «сыграть роль». Это был человек, который на пути «к своей звезде» не брезговал никакими средствами, главным из которых была (как отмечалось в одной из его характеристик) «приспособляемость» к тем, у кого в настоящее время «сила и власть». «Калибр» Филоненко был несравним с «калибром» Савинкова. Завороженный «магнетизмом» Бориса Викторовича, его самоуверенной и мрачной решимостью, Филоненко с полной готовностью пошел за ним, сделал на него ставку. Доверенным лицам он говорил, что Савинков — сильный человек с большим государственным умом, а Керенский уже выдохся. Копируя Савинкова, Филоненко как комиссар 8-й армии, довольно бесцеремонно вмешивался в оперативные вопросы, подавая разного рода «советы» относительно действий не только «своей» армии, но и других армий Юго-Западного фронта. Дело дошло до того, что главнокомандующий фронтом Гутор потребовал от Керенского либо удалить Филоненко, либо освободить его от командования фронтом.

Возможно, именно он, «комиссарм-8», обратил внимание Савинкова на своего командующего, Корнилова, как на генерала, способного установить твердый порядок в обстановке хаоса и развала, вызванного Тарнопольским прорывом немцев. Не исключено, что не без влияния Савинкова и Филоненко командующий Юго-Западным фронтом генерал Гутор был смещен, а вместо него назначен Корнилов. Савинков рекомендовал его военному министру Керенскому как человека, «который сможет взять на себя всю тяжесть проведения решительных мер». Надо сказать, что Брусилов, согласившись на замену Гутора Корниловым, требовал «убрать» и Филоненко, но последнего ему сделать не удалось.

Однако политическая стремительность, с которой па-

чал действовать новый командующий фронтом, по-видимому, не могла не встревожить самих его правительственных покровителей — Савинкова и Филоненко. Их явную тревогу вызвала телеграмма, с которой Корнилов, едва заняв новый пост, обратился к правительству. Требуя незамедлительного введения смертной казни на фронте, он угрожал, что в противном случае «вся ответственность падет на тех, кто словами думает править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушие и себялюбие». Это был явный намек на правительство, вероятнее всего — на самого Керенского. Никаких сомнений в том, кто писал этот напыщенный текст, у Савинкова и Филоненко, наверное, не существовало. Стиль корниловского «ординарца» В. Завойко, прибывшего в штаб Корнилова после того, как они в начале мая расстались в Петрограде, выдавал автора, можно сказать, с головой.

У Савинкова это вызывало определенную тревогу. Как он, так и Филоненко, очевидно, не склонны были считать Завойко лишь простым литературным оформителем речей и воззваний главкома. Они подозревали, что его влияние весьма ощутимо и простирается гораздо дальше чисто литературных дел. Корнилов, по их мнению, был человеком сугубо военным, неспособным к самостоятельной политической роли. Завойко же, пользуясь «простодушием» генерала и руководствуясь какими-то «другими соображениями», мог попытаться превратить этого сугубого «солдафона» в «политическую фигуру». Это настораживало Савинкова и Филоненко. Они двигали Корнилова исключительно по собственным расчетам; политической пружиной всех действий Корнилова должны были стать именно они, и никто другой, а линия этих действий должна была развиваться не в обход Временного правительства, но в его фарватере, вернее — в фарватере Керенского. Короче говоря, по замыслу Савинкова и Филоненко Корнилову, скорее всего, отводилась роль той силы, которая должна содействовать Керенскому в стабилизации режима установлением на фронте и в тылу «твердого порядка». Авантюрист Завойко, казалось, мог стать не только препятствием на пути претворения этого «чертежа» в жизнь, но и «мотором» какого-то иного политического замысла, развивавшегося вне бдительного комиссарского ока.

Буквально на другой день после назначения Корнилова главкомом Юго-Западного фронта Савинков и Фи-

лоненко прибыли в его штаб в Каменец-Подольске. Нервы были взвинчены до предела. Савинков даже опасался ареста. Его помощник эсер В. Гобечиа с кавказской горячностью говорил, что, как «старый революционер», не может вынести диктаторских замашек Корнилова, пойдет к нему и, пожертвовав собой, убьет. Немало волнений было и на другой стороне. Опасаясь «насилия» со стороны комиссаров, Завойко увез куда-то свою семью. В напряжении находился и сам Корнилов. Все, однако, обошлось. Конфликта не произошло: обе стороны понимали, что нужны друг другу. Савинков позднее уверял, будто бы он решительно заявил Корнилову, что «расстреляет его» в случае попытки установить свою диктатуру. В ответ Корнилов заверил, что к диктатуре он не стремится. Своеобразной гарантией этого стало соглашение об устранении Завойко из штаба Юго-Западного фронта. «Ординарец» вынужден был уехать из Каменец-Подольска, впрочем только на время. Скоро он опять появится в ближайшем корниловском окружении...

* * *

Нетрудно понять, почему Корнилов «отверг» Завойко и заключил блок с тандемом Савинков-Филоненко. Все-таки они представляли официальную, правительственную власть и союз с ними был стратегически и тактически выгоден Корнилову, если у него имелись свои планы. Савинков и Филоненко, действуя от имени правительства, Керенского, рассчитывали использовать Корнилова в своих политических интересах, а он, Корнилов, со своей стороны надеялся получить их поддержку в осуществлении собственных намерений, зародившихся еще в Петрограде, в сотрудничестве с Гучковым, в беседах с Завойко.

Укоренилось мнение о полной некомпетентности Корнилова как политика и дипломата. Так, по всем данным, считали Савинков и Филоненко, так позднее писали Керенский, Милюков и др. В расхожем представлении Корнилов — туповатый солдафон. Это далеко не так. Он был весьма образованным офицером. Имел печатные труды, владел несколькими восточными языками, да и история его быстрого, прямо-таки стремительного продвижения по служебной лестнице летом 1917 г. показывает, что этот, склонный к «зарывчатости» генерал, когда требовали его интересы, умел сочетать напористость с готовностью на компромисс и даже с податливостью.

В самом деле, удаление Завойко по требованию Са-

винкова не прекратило той «телеграммной войны», которую Корнилов еще в начале июля повел против правительства. Какой же смысл был в этой войне, если то, что Корнилов столь настоятельно и даже грозно требовал от правительства, оно само в общем-то намерено было провести в жизнь? Суть корниловских «ультиматумов» сводилась пока к требованию введения смертной казни и учреждения полевых судов на театре военных действий, на что Корнилову (как и Верховному главнокомандующему Брусилову, настаивавшему на том же) было твердо заявлено, что в принципе этот вопрос решен. В чем же дело? Почему в своей «телеграммной войне» Корнилов упорно не менял образа «сильного человека», вынуждавшего «мягкотелое», колеблющееся правительство на решительные меры во имя спасения армии, а значит, и отечества? Можно думать, что, поощряемая сперва Завойко, а затем и самим Савинковым, эта «кампания», проникая в прессу, с одной стороны, создавала Корнилову рекламу, поднимала его авторитет в правых кругах, а с другой — должна была подтолкнуть и Керенского на форсирование долгожданной программы «наведения порядка».

Вместе с тем напористое, можно даже сказать вызывающее, поведение Корнилова, «телеграммная бомбардировка» правительства сочетались с довольно отчетливым стремлением занять позицию, наиболее соответствовавшую линии Керенского—Савинкова. Особенно полно это проявилось в ключевом вопросе об отношении командования к войсковым комитетам. Фактически почти все высшие генералы держались той точки зрения, что именно существование этих комитетов, поддерживаемых правительством, составляло главную причину «разложения армии», с особой силой проявившегося в ходе июньско-июльских боев.

Когда в середине июля Керенский созвал в Ставке военное совещание для обсуждения прежде всего военно-стратегических вопросов, приглашенные генералы (А. Брусилов, М. Алексеев, А. Лукомский, А. Деникин и др.) «перевернули» повестку дня и на первый план фактически выдвинули политический вопрос: меры по восстановлению боеспособности армии. Верховный главнокомандующий Брусилов прямо заявил, что «работа комитетов и комиссаров не удалась», и решительно потребовал восстановления единоначалия в армии. Он нашел полную поддержку у Деникина и — в более осто-

рожной форме — у других генералов. Комитеты, да и комиссарство должны быть устранены — таков был лейтмотив выступления Деникина. Фактически это был прямой призыв покончить с демократизацией армии, начатой Февралем, и вернуть ее к старым, дореволюционным порядкам.

Пожалуй, наиболее «левую» позицию в вопросе о войсковых комитетах занял... Корнилов. Он не присутствовал на совещании, свои соображения изложил в телеграмме. Разделяя взгляды большинства на необходимость усиления власти «начальников», Корнилов в то же время предлагал провести «основательную и беспощадную чистку» всего командного состава, роль комиссаров даже усилить, а войсковые комитеты сохранить, введя их, однако, в строго обозначенные рамки. Присутствовавший на совещании Савинков в выступлении выразил солидарность с мнением Корнилова, тем самым особо выделив его в глазах Керенского. Действительно, деникинская точка зрения, как впоследствии справедливо оценил ее Керенский, была «музыкой» военной реакции, которая чуть позднее вдохновляла корниловщину. Корниловская же точка зрения, казалось, во многом соответствовала видам Временного правительства на установление «твердого порядка» при сохранении буржуазно-демократического декорума Февраля. Чем же объяснить, что Корнилов проводил именно эту точку зрения, мало свойственную его мыслям, да и натуре? Можно предположить, что тут сказалось влияние Савинкова, советовавшего Корнилову поступить именно таким образом. И Корнилов принял совет своего комиссара. Он, по-видимому, понял, что путь к дальнейшей карьере и реализации своих планов может быть открыт только во взаимодействии с Савинковым, имевшим тогда значительное влияние на Керенского. В политической игре, которую вели все ее участники, Корнилов как бы жертвовал пешку, чтобы в дальнейшем пройти в ферзи. И не ошибся.

17 июля специальный поезд уносил Керенского из Могилева в Петроград. В салоне были все «свои»: министр иностранных дел М. Терещенко, начальник военного кабинета и шурин Керенского полковник В. Барановский, Савинков, по некоторым сведениям — Филоненко. Приватно обсуждали вопрос о затянувшемся формировании нового состава правительства и создании в нем руководящего ядра, некоего малого кабинета с участием

Керенского, Терещенко и Савинкова. Политический смысл этого замысла состоял в том, чтобы сгруппировать вокруг Керенского «своих людей», способных проводить «бонапартистскую» политическую линию, не отталкивающую левых, но и обеспечивающую поддержку правых. Задача была трудной, и Барановский несколько позднее (когда 25 июля правительство уже было сформировано) передавал по телефону возвратившемуся в Ставку Филоненко, что «настроение у всех гадкое, т. к. чувствуется, что новый кабинет не даст того, что нужно».

Несомненно, однако, что обсуждение состава правительства связывалось с вопросом о новом Верховном главнокомандующем, так как положение Брусилова пошатнулось после неудачи наступления, с которым связывалось столько надежд. У Керенского был и «личный счет» к Брусилову. Он чувствовал в его отношении к себе презрительную раздражительность. Например, по прибытии на совещание в Ставку Брусилов не встретил Керенского, как военного министра, на вокзале, а прислал своего адъютанта. Для Керенского это не было мелочью: он углядел в поступке Главковерха намеренный вызов.

Кто же должен был сменить Брусилова? Сам Брусилов позднее утверждал, что мысль о назначении на этот пост Корнилова принадлежала Савинкову, что именно он, Савинков, «проводил» Корнилова. И по всем данным это было так. В салоне идущего в Петроград специального поезда Савинков и Филоненко уверяли Керенского, что как раз «линия» Корнилова больше всего соответствует правительственным видам восстановления «порядка» не путем «удара топора» по «революционной анархии», а путем «резания саля́ми». Корнилов, доказывали они, счастливо сочетает в себе признание «завоеваний революции» со стремлением примирить офицерство с солдатской массой.

19 июля вопрос был решен. Меньше чем за две недели Корнилов проделал поистине головокружительный путь: от командующего армией до Верховного главнокомандующего! Высокие назначения получили Савинков и Филоненко. Савинков стал управляющим военным и морским министерством (военным министром номинально остался Керенский), а мало кому известный Филоненко получил пост «комиссарверха»: верховного комиссара правительства в Ставке. Дебют и миттельшпиль полити-

ческой игры, рассчитанной на парализацию дальнейшего развития революции, закончились. Все основные фигуры (глава правительства Керенский, управляющий военным министерством Савинков, Верховный главнокомандующий Корнилов, «комиссарверх» Филоненко) заняли свои места.

Керенский явно рассчитывал, что «связка» Савинков—Филоненко будет удерживать Корнилова в случае, если его претензии и амбиции начнут выходить из-под контроля. Савинков, по образному выражению одного из современников, одну руку держа у козырька, другой водил Керенского за нос, имея собственные планы. Корнилов со своей стороны, по-видимому, подсчитал, что та же «связка» Савинков—Филоненко поможет ему продвигаться вперед, по крайней мере до необходимого ему рубежа.

Тем не менее, получив сообщение о своем, можно сказать, сенсационном назначении, Корнилов, пожалуй, с еще большим вызовом повторил эскападу недельной давности, при назначении главкомом Юго-Западного фронта. В «телеграммной войне» против правительства им был произведен новый залп. На имя главы правительства Керенского пошла телеграмма, содержавшая совершенно невероятные «кондиции», лишь при выполнении которых Корнилов... соглашался занять новый пост. Самой поразительной была та, в которой он заявлял, что будет нести ответственность не перед правительством, его назначившим, а «перед собственной совестью и всем народом». Упоминание о народе было, естественно, риторикой, а вот заявление о том, что Верховный главнокомандующий желает отвечать только перед самим собой,— это было, конечно, вызовом (остальные две «кондиции» — невмешательство правительства в назначения высшего комсостава и распространение жестоких карательных мер на тыл — фактически конкретизировали и развивали эту первую). И вновь эта действительно сенсационная телеграмма «просочилась» в прессу, рекламируя твердую, «железную» руку нового Верховного, которого правые газеты и до этого уже прочили в «спасители государства». После корниловских «кондиций» прямо вставал вопрос: кто же будет возглавлять государство — правительство или Верховный главнокомандующий?

Совершенно очевидно, что за этот поступок Корнилова следовало немедленно отстранить (и Керенский действительно был в ярости), но политическая ситуация не позволяла этого сделать: только что был разрешен тяже-

лый правительственный кризис путем возобновления коалиции соглашателей с представителями «цензовых» (буржуазных) элементов; устранение Корнилова, все более и более становившегося их кумиром, могло отрицательно повлиять на эту с таким трудом достигнутую политическую комбинацию. Дело предпочли замять. В Бердичев, в штаб Корнилова, срочно выехал «комиссарверх» Филоненко, который, надо отдать ему должное, сумел «урегулировать» конфликт. Корниловская «кондиция» была интерпретирована таким образом, что она якобы и подразумевала ответственность перед Временным правительством — «полномочным органом народа».

Но, «отходя», отступая, Корнилов дал бой Керенскому, так сказать, по кадровому вопросу. Правительство назначило главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерала В. Черемисова, не поставив в известность нового Верховного. Корнилов посчитал это нарушением своих прав и потребовал от Керенского отменить назначение. Тогда взыграли амбиции у Черемисова. В разговоре с Филоненко по Юзу (телеграфному аппарату) он заявил, что свое право будет «защищать хотя бы с бомбой в руках». Дело кончилось тем, что Черемисов был оставлен на посту «главкомюза» впредь до распоряжения правительства, после чего вскоре его перевели в резерв. Он, по-видимому, не забыл этой обиды Керенскому, не исключено, что она сыграла определенную роль через несколько месяцев, в дни Октября...

Савинков и Филоненко, которым было поручено ликвидировать весь этот конфликт, считали (как, впрочем, и Черемисов), что за спиной Корнилова в данном случае стояли какие-то «темные силы», прежде всего Завойко, державшийся пока в тени. Борьба двух линий вокруг Корнилова — «савинковско-филоненковской» и «завойковской» — обострялась. Какая из них возьмет верх: первая, связывавшая Корнилова с Временным правительством, или вторая, толкавшая Корнилова на путь крайней реакции, заносившей руку как против Советов, так и против правительства,— это был вопрос времени.

Но В. И. Ленин, умевший видеть дальше других современных ему политиков, анализируя ситуацию еще в начале лета 1917 г., точно предсказал дальнейшее развитие событий. Он показал, что в России классовые отношения складываются таким образом, что неизбежным становится появление «российского Кавеньяка» — генерала, который раньше или позже предпримет попытку

«расстрелять революцию» и удушить февральскую демократию. Это произойдет, писал Ленин, из определенного взаимодействия трех борющихся сил: буржуазии (кадетов), которая стремится положить конец революции, пролетариата (большевиков), стремящегося «к безболезненному развитию революции», и мелкой буржуазии (меньшевиков и эсеров), колеблющейся и в конце концов из-за боязни довериться пролетариату, массам примыкающей к буржуазии. Вот эта позиция мелкой буржуазии в конечном счете и создавала политическую основу для появления «Кавеньяка». «Было бы болото,— писал Ленин,— а черти найдутся. Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия,— появление Кавеньяков обеспечено» [21].

Обращаясь к меньшевистским лидерам, еще в июне с тревогой писавшим о том, что «в воздухе носятся явные признаки мобилизующейся контрреволюции», Ленин спрашивал: а что же они сами сделали для борьбы с этой угрозой? И отвечал: «Вы заняты были борьбой с опасностью слева. Вы пожинаете то, что посеяли, господа. Так было, так будет — до тех пор пока вы будете продолжать колебаться между позицией буржуазии и позицией революционного пролетариата» [22]. Упования соглашателей на некий «третий путь», будто бы возможный посредством блока «широкой демократии» с буржуазией, на деле вели к сползанию «направо», взрыхляя почву для роста контрреволюционных сил. «Вот в чем суть,— писал Ленин.— Не Церетели или Чернов лично и даже не Керенский призван играть роль Кавеньяка — на это найдутся иные люди, которые скажут в надлежащий момент... „отстранитесь“,— но Церетели и Черновы являются вождями такой мелкобуржуазной политики, которая делает возможным и необходимым появление Кавеньяков» [23].

«Легальный заговор»

Прибытие Корнилова в Ставку в 20-х числах июля вдохновило Главный комитет «Союза офицеров», находившийся здесь же, в Могилеве. Как мы уже писали, ушедший в отставку Брусилов не очень-то жаловал могилевский офицерский комитет, как и вообще все комитеты. На Корнилова же члены Главного комитета крепко рассчитывали. Буквально через несколько дней почти весь

состав президиума комитета появился в кабинете нового Верховного. По воспоминаниям некоторых членов президиума — участников встречи полковников Л. Новосильцева, С. Ряснянского и др., при обсуждении политической ситуации Корнилову был прямо поставлен вопрос: не считает ли он возможным «принять на себя единоличное правление»? В ответ Корнилов заявил, что подобный вопрос ему уже и ранее задавали «некоторые лица» и даже предлагали «организовать переворот»[24], но он не считал и не считает это «сейчас полезным». На вопрос — а в будущем? — Корнилов несколько уклончиво ответил: «При известных условиях, возможно». Он добавил, что лично власти «не ищет», но вполне понимает, что положение может спасти только диктатура, и если уж придется брать власть, то он, Корнилов, избегать этого не станет.

Так как большинство присутствовавших на беседе членов президиума Главного комитета были скрытыми монархистами, они осторожно позондировали почву и относительно возможной реставрации Романовых. Снова Корнилов дал не вполне определенный ответ, хотя и указал, что он лично этого бы не желал. Однако такая позиция не вызвала у собеседников Корнилова неприязни. Они сознавали, что поднимать «движение» под монархическим лозунгом в той революционной, антимонархической обстановке, которую переживала страна, означало бы уже с первых шагов обречь его на провал. Не надо было быть большим политическим стратегом и тактиком, чтобы сообразить, что для сплочения сил, враждебно настроенных или настраивающихся против революции и большевизма, лучшим знаменем может стать шовинистическое знамя «порядка» во имя «спасения» гибнущей России. Монархическое знамя же следовало пока держать в чехле. Но в дальнейшем... Как признавался председатель Главного комитета Л. Новосильцев, он лично считал, «что нам Романовых не избежать». Конспираторы из Главного комитета могли быть довольны беседой с Корниловым. Тот же С. Ряснянский писал, что его ответы были поняты как согласие на то, чтобы со временем стать «правителем».

После этой встречи то небольшое конспиративное ядро, которое образовалось при формировании Главного комитета офицерского «союза» еще в конце мая — начале июня, стало тайно именовать себя «корниловским», «корниловской группой».

Между Ставкой, с одной стороны, и Петроградом — с другой, началось оживленное двухстороннее движение. В Могилев прибыли представители «Республиканского центра» К. Николаевский и полковник Л. Дюсемитьер. Они были приняты Корниловым, который после этого выделил полковника Л. Новосильцева и В. Сидорина в качестве связных между Ставкой и «Республиканским центром». Затем через посланца генерала Крымова — полковника Г. Дементьева была установлена связь Ставки и с «крымовской организацией».

Так, в конце июля начал завязываться узел корниловского заговора, участниками которого стали члены конспиративной группы («корниловской») Главного комитета «Союза офицеров армии и флота» в Ставке, офицеры «крымовской организации» и члены «Республиканского центра» с его организациями-«спутниками».

Не вполне ясно, как конкретно осуществлялось финансирование заговора и его головки. Имеющиеся сведения (главным образом мемуарные) отрывочны и часто противоречивы. Все же можно считать установленным, что этот вопрос решался через «Республиканский центр», связанный с промышленно-финансовыми кругами как непосредственно, так и через гучковско-путиловское «Общество экономического возрождения России».

Названные организации и группы явились прямыми организаторами корниловского выступления в конце августа 1917 г.

Более сложным представляется вопрос о степени вовлеченности в корниловщину партии кадетов. Милюков и некоторые другие кадеты позднее утверждали, что их отношение к Корнилову можно выразить формулой «сочувствие, но, к сожалению, не поддержка». Однако из кадетского же лагеря раздавались и другие голоса. В. Маклаков, например, опровергая Милюкова, считал, что, если бы не «поощрительная позиция» кадетов, Корнилов, вероятно, «не поторопился бы» и что кадеты фактически подтолкнули его «на то решение, которое было принято им позже» (т. е. в конце августа).

Думается, что истина лежит где-то посередине. ЦК кадетов не мог не опасаться, что выступление контрреволюционных генералов и офицеров обернется авантюрой и тогда провал ее, в случае если кадеты окажутся к ней причастными, нанесет партии непоправимый удар. К тому же левой части кадетов в генеральском путче и установлении военной диктатуры виделось попрание тех

либеральных и демократических принципов, которым они были искренне привержены.

Вместе с тем многим кадетским лидерам, и прежде всего Милюкову, уже после Апрельского кризиса становилось ясно, что революция (в их понимании!) «сошла с рельс», что «спасение» надо искать не на путях коалиции с социалистами, а «вне ее». Но «вне» этой коалиции был правый лагерь с его идеей «твердой власти», военной диктатуры.

Не вполне четкая линия кадетской партии по отношению к возможному военному перевороту отражала отсутствие единства, наличие в партии правой и левой группировок. И все же кадетская равнодействующая в отношении к корниловщине смещалась вправо. Явные симпатии большинства были на стороне Корнилова. Многие считали, что только генералы и военная диктатура могут «спасти положение». Им очень бы хотелось, чтобы генералы совершили переворот, покончив с «революционной анархией», но они в то же время страшились, что неудачная попытка этого переворота приведет к еще большей «анархии».

Тем не менее корниловские заговорщики и путчисты имели основания рассчитывать, что в случае успеха кадеты окажутся на их стороне и помогут им политически организоваться. Они знали: воспользоваться плодами переворота кадеты не откажутся. И были правы. Уже в эмиграции на одном из заседаний членов ЦК кадетской партии в Париже Милюков признал, что «корниловской попытке переворота» кадеты «сознательно шли навстречу...»

Корнилов круто взялся за дело, отодвинув стратегию на задний план. Уже через неделю после прибытия в Ставку, на совещании некоторых ставочных генералов и приехавших в Могилев министров Временного правительства П. Юренева и А. Пешехонова, он прямо заявил, что для поднятия боеспособности необходимы не одна, а три армии: «армия в окопах... армия в тылу и армия железнодорожников». Все три армии, напористо говорил Корнилов, должны быть подчинены «железной дисциплине», которая установлена для армии, держащей фронт. Основой дисциплины должно было стать решительное применение смертной казни не только к «мятежникам» или «неповинующимся», но и к «агитаторам», что давало возможность обрушить жестокие репрессии на любого «политически неблагонадежного».

Надо сказать, что все это не представляло собой исключительно творчества одного Корнилова. Сходные или подобные предложения ранее высказывали и другие генералы, в том числе М. Алексеев и А. Брусилов. Но «корниловская программа» — программа милитаризации всей страны — была, пожалуй, наиболее систематизированной и последовательной. Ясно, что ее осуществление предполагало решительное устранение всех революционных и демократических организаций, возникших в результате свержения царизма и дальнейших завоеваний революции. Ясно также, что, открыто выступая с такой программой, Корнилов решительно выходил за рамки своей военной, стратегической компетенции (очерченной его статусом Верховного главнокомандующего) и столь же решительно вторгался в «неположенную» ему политическую сферу. Словом, Корнилов формулировал не столько военную, сколько политическую программу.

Подробную разработку ее «военной части» он поручил ставочным генералам: начальнику штаба Ставки А. Лукомскому и генерал-квартирмейстеру Плющик-Плющевскому, а «гражданской» — «тыловым специалистам». Понятно, что эта «гражданская часть» должна была пройти прежде всего через руки управляющего военным министерством Б. Савинкова и «комиссарверха» М. Филоненко, представлявших перед военными Временное правительство и его главу — Керенского. Соответствующий доклад был подготовлен в Ставке необычайно быстро, в какие-нибудь 2—3 дня. С ним Корнилов предполагал в начале августа выехать в Петроград для окончательной «утряски» и представления Временному правительству.

Выступление Корнилова со своей «военно-политической программой» не могло не встревожить министров, присутствовавших на совещании в Ставке, и, конечно, Керенского: фактически оно продолжало и поднимало на новую ступень ту «ультимативную линию», которую Корнилов повел по отношению к Временному правительству с момента своего пребывания на посту командующего Юго-Западным фронтом. От безапелляционного требования немедленного введения смертной казни на фронте и в тылу (в начале июля) через заносчивую декларацию о своей ответственности только перед собственной совестью (в середине июля) Корнилов теперь (в конце июля — начале августа) перешел к откровенно политическим претензиям общегосударственного характера, поскольку эти

претензии предполагали резкую перемену правительственной политики. Керенский, по-видимому, все более утверждался в мысли, что «ультимативная линия» поведения Корнилова объясняется не только особенностями его «зарывчатого» характера, но что в ней имеется определенный политический расчет — на активизацию сил, стоявших правее правительства и уже смотревших на Верховного как на своего потенциального лидера, «вождя».

Нет сомнения, что за Корниловым и его окружением в Ставке с самого начала было установлено наблюдение. Главную роль должны были играть верный подручный Савинкова «комиссарверх» М. Филоненко и его небольшой штат, находившиеся в Ставке. Трудно сказать, удалось ли им действительно напасть на какой-то след заговорщиков, или настороженный, подозрительный Филоненко стал жертвой своей подозрительности. Так или иначе, в Петроград (к Савинкову, а через него, по-видимому, и к Керенскому) поступали не очень ясные, но тревожные сведения о каких-то секретных разговорах в Ставке и в офицерском «союзе», о малопонятных передвижениях войск в направлении к Могилеву, о подозрительном поведении начальника штаба А. Лукомского, начальника военных сообщений Ставки генерала Тихменева и т. п.

Наконец, Савинков получил от Филоненко следующее зашифрованное сообщение, наверняка способное поразить читателя какой-то опереточностью. «То, что Ваня, Федор, Генрих, Эрна, Жорж делали тогда с Запада теперь может быть в шатре с востока. Конь бледный близко, так мне кажется. Пожалуйста, исполните все то, что завтра утром вам передам». Очевидно, что Филоненко не нагромоздил бы эту словесную абракадабру, если бы она не являлась шифром, заранее согласованным с Савинковым. Названные лица — герои его романа «Конь бледный», и он должен был понять следующее: то, что эти «книжные лица» готовили для России «с Запада», т. е. революционный заговор и переворот, теперь другие, «ставочные» люди готовят для России с «востока в шатре», т. е. речь идет о противоположном, контрреволюционном заговоре в Ставке.

Но Филоненко все-таки «перешифровался». Савинков сообщил ему, что смысл полученной шифровки ему не вполне ясен. В ответ Филоненко пообещал направить доверенного солдата с секретной депешей, а пока просил вызвать в Петроград для допроса начальника военных

сообщений генерала Тихменева. И снова на условном языке доносил, что этот генерал «ведет под уздцы коня бледного для Лавра» (т. е. для Корнилова), к тому он, Филоненко, имеет «много оснований...». «Я очень рад,— сообщал далее Филоненко,— что у Фонвизипа (заместитель Филоненко как «комиссарверха».— *Г. И.*) чрезвычайно музыкальный слух; я, конечно, сделаю то, что надо человеку решительному и благовоспитанному. Примите во внимание, что я не хочу есть неспелую грушу, но вместе с тем знаю, что созревший фрукт, падая с дерева без воли стоящего под деревом, может больно ушибить». Филоненко, таким образом, декларировал свою и Фонвизина готовность продолжать наблюдение за ходом подготовки заговора.

В Петрограде, в военном министерстве, где заседал Савинков, явно насторожились. Тихменев был вызван в Петроград, но затем вызов отменили. Решили, вероятно, что при тех отрывочных и невразумительных сведениях, которые поступали от Филоненко из Ставки, такой шаг может стать преждевременным: только «спугнет» заговорщиков. Но главное, по-видимому, все-таки заключалось в другом. Корнилов со своей программой «оздоровления» фронта и тыла был нужен Савинкову (и Керенскому), и на основании каких-то, пока еще маловразумительных, сигналов от Филоненко ломать столь тщательно вынашиваемый план ликвидации «революционной анархии» они не хотели. Они рассчитывали на полюбовное соединение «красного флага» Керенского с «крепкой рукой» Корнилова. Филоненко дали понять, чтобы он не осложнял отношений со Ставкой, что, конечно, не означало прекращения наблюдения за ней. К тому же информацию о том, что там происходит, Савинков получал и по другим каналам, в частности через начальника контрразведки штаба Петроградского военного округа и военного министерства, а до этого преподавателя санскрита, доцента Московского университета Н. Миронова. Этот Миронов через «агентов наружного наблюдения» и дворников установил также слежку за квартирой Завойко в Петрограде. Они установили, что в ней во время наездов в Петроград будут бывать адъютант Корнилова полковник В. Голицын и даже сам Корнилов. В поле зрения агентов Миронова попал и некий «Союз монархистов», хотя установить его связь со Ставкой не удалось. Подозрения, таким образом, не только оставались, но, пожалуй, и усиливались.

Это с полной очевидностью обнаружилось во время встречи Керенского с Корниловым, который 3 августа прибыл в Петроград для представления Временному правительству своего доклада с разработанной в Ставке программой милитаризации тыла по образцу фронта. В ходе беседы, состоявшейся в Зимнем дворце, Керенский как бы между прочим поинтересовался мнением Корнилова: стоит ли ему, Керенскому, при складывающихся обстоятельствах оставаться во главе государства? Корнилов дал уклончивый ответ. Он сказал, что, несмотря на то что влияние Керенского явно «понизилось», тем не менее, «как признанный вождь демократических партий», он должен все же оставаться у власти.

Между тем, предварительно ознакомившись с докладом Корнилова, Филоненко и Савинков посчитали его неудачным, а именно слишком прямолинейным, не учитывающим «условий политического момента». Такого же мнения держался и сам Керенский, в предварительном порядке также прочитавший доклад. С его точки зрения, там был изложен целый ряд мер, «вполне приемлемых», но «оглашение» их в такой редакции и с такой аргументацией вполне могло привести к «обратным результатам», т. е. спровоцировать революционные выступления. Решено было, чтобы Савинков и Филоненко «доработали» доклад в нужном направлении и через неделю, 10 августа, представили его правительству на утверждение. Поэтому на правительственном заседании 4 августа Корнилов ограничился лишь характеристикой положения на фронтах. И тут произошел примечательный эпизод. Когда Корнилов стал говорить о предполагаемых стратегических планах Ставки, Савинков, а затем и сам Керенский записками предупредили его, что с этим «нужно быть осторожным», так как некоторые министры связаны с теми членами ВЦИК Советов, «кои заподозрены в сношениях с противником». Трудно удержаться от мысли, что это не было сознательным провоцированием и без того уже кипевшего яростью Верховного.

Раздраженный и обескураженный Корнилов уехал в Могилев. Савинков и Филоненко остались в Петрограде, но направили в Ставку Фонвизина, предписав следить за тем, чтобы оттуда за подписью Верховного не выходило ничего, что не соответствовало, казалось бы, согласованной ориентации (имелся в виду будущий, «сбалансированный» савинковско-корниловский доклад, подлежащий рассмотрению 10 августа). Однако слухи о его милита-

ристском, контрреволюционном содержании уже проникли в печать. Левые газеты забили тревогу. Казалось, что начинается кампания за смещение Корнилова с поста Верховного главнокомандующего. В ответ (не исключено, что по инициативе, исходящей из Ставки) развернулась оглушительная прокорниловская кампания. Те правые организации, которые группировались вокруг «Республиканского центра» («Совет союза казачьих войск», «Союз георгиевских кавалеров», Главный комитет офицерского «союза» и др.), выдали настоящий залп резолюций, угрожавших немедленно «отдать боевой клич», если «истинно народный вождь», «единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения», будет смещен.

Телеграмма примерно такого же содержания была направлена на имя Корнилова и от только что образовавшегося «Совещания общественных деятелей» — правой организации, объединившей политиков от кадетов до бывших октябристов и монархистов включительно. Руководящую роль в ней играли М. Родзянко, П. Струве, В. Маклаков, другие будущие идеологи «белого дела». Эти люди прямо заявили, что всякое покушение на подрыв авторитета Верховного главнокомандующего они будут рассматривать как преступление. Популярность Корнилова в контрреволюционных кругах резко шла вверх. Ставка становилась местом паломничества тех, кто связывал свои надежды, замыслы и планы с именем Верховного...

Тем временем Филоненко по поручению Савинкова спешно переделывал и шлифовал корниловский доклад, корниловскую «записку». Это важный документ. Он, так сказать, из первых рук показывает тот рубеж, на котором должны были сойтись Керенский и Корнилов в их обоюдном стремлении повернуть страну от дальнейших революционных перемен к режиму «твердой власти».

В «военном разделе» «записка» требовала в полной мере восстановления дисциплинарной власти начальников; институт комиссаров хотя и сохранялся, но его функции сводились к функции «врачей», которые «по оздоровлении армии» должны были считать свою задачу выполненной; до этого они только «часть государственного механизма». Сохранялись и войсковые комитеты, однако им предлагалось действовать в точном соответствии с предполагаемым положением, по которому они стави-

лись перед альтернативой: «либо проводить в сознание масс идеи порядка и дисциплины, либо поддаться безответственному влиянию масс и тогда нести кару по суду». Митинги в армии запрещались вообще, собрания допускались только с разрешения комиссара и комитета.

«Записка» гневно обрушивалась на тыловые гарнизоны (прежде всего на Петроградский), которые стали (по терминологии авторов) «бандами праздношатающихся». Предлагалось немедленно установить одинаковый режим как для фронта, так и для тыла, распространив на него закон о смертной казни. Для расформирования неповинующихся частей следовало создавать «концентрационные лагеря с самым суровым режимом и уменьшенным пайком».

«Гражданская часть» «записки» требовала объявить железные дороги, а также бóльшую часть заводов и шахт на военном положении. Митинги, стачки, забастовки запрещались, точно так же как и вмешательство рабочих в «хозяйственные дела». За невыполнение установленной нормы должна была следовать отправка рабочих на фронт.

«Указанные мероприятия,— говорилось в «записке»,— должны быть проведены в жизнь немедленно с железной решимостью и последовательностью...» «Руководительство судьбами государства» должно осуществляться «спокойной и сознательной твердостью людей мощной воли, решившихся во что бы то ни стало спасти свободную Россию».

Если попытаться кратко определить смысл «записки», то его, по-видимому, надо свести к следующему: речь шла о милитаризации страны, осуществляемой если не одним диктатором, то небольшой группой «людей мощной воли». Сохраняя некоторые, выхолощенные «демократические структуры» (войсковые комитеты, комиссарство) и псевдодемократическую терминологию («свободная Россия» и т. д.), предлагавшиеся меры наносили тяжелый удар по всем революционно-демократическим организациям, в сущности, ставили на них крест.

10 августа Корнилов вновь прибыл в Петроград для обсуждения и утверждения «записки» в правительстве. Его сопровождал личный конвой — эскадрон текинцев с пулеметами. Это свидетельствовало о растущей напряженности: Корнилов опасался покушений на свою жизнь. На частном заседании (присутствовали Терещенко и Некрасов) Керенский заявил, что с большинством

мер, предлагаемых в «записке», уже подписанной Корниловым, Савинковым и Филоненко, он согласен, однако вопрос о милитаризации заводов и железных дорог поставлен все же слишком резко и потому требует дополнительной проработки; кроме того, по его мнению, встает очень важная проблема «темпа» проведения предлагаемых мер. Во всяком случае, необходимо время, чтобы превратить все это в законопроект и закон.

Керенский даже не счел нужным проинформировать обо всем правительство. В курсе дела, в курсе взаимоотношений главы правительства и Верховного были лишь Терещенко и Некрасов. Что же произошло? Почему Керенский опять «притормозил»? Трудно ответить со всей определенностью, но не исключено, что за прошедшую неделю к Керенскому поступила какая-то новая неблагоприятная информация об обстановке в Ставке, о том, что Корнилов все больше подпадает под «антиправительственное» влияние некоторых ее генералов и офицеров. Под влиянием ближайших советников — Некрасова и Терещенко — усилились, вероятно, и колебания Керенского по поводу того, как бы не качнуть политический маятник слишком вправо раньше времени. Ведь он неоднократно клялся и божился, что не допустит условий, при которых «демократия должна была бы отойти в сторону». Он все еще думал усидеть на двух стульях, уравновешивая оба. Как раз в это время появились сенсационные сведения об открытии некоего монархического заговора, нити которого якобы протянулись даже в Тобольск, куда в начале августа из Царского Села была переведена арестованная семья Романовых. Аресту подверглись несколько человек из окружения бывшего царя и великий князь Михаил Александрович, проживавший как частное лицо в Гатчине.

Но была, по-видимому, еще одна (может быть, главная) причина, объясняющая уклончивость Керенского. Через несколько дней должно было открыться Государственное совещание, и Керенский не хотел предпринимать весьма ответственный политический шаг до получения на нем «всероссийской поддержки». «Пробуксовка», которую он, по-видимому, сознательно старался устроить «записке» Корнилова, имела своей целью сначала укрепить собственное положение у власти, а уже потом запускать в ход корниловские меры.

Недовольный Корнилов вновь «убыл» в Могилев. Недовольство проявил и Савинков, подавший в отставку.

Фактически только вмешательство Корнилова предотвратило ее.

В дни, непосредственно предшествующие Государственному совещанию, состоялось еще одно совещание: собрались «общественные деятели» несоциалистического толка — кадеты, октябристы, националисты, торгово-промышленники, отставные генералы. Происходила, таким образом, консолидация правых сил. Керенский подозревал, что мотором этой консолидации являются кадеты, прежде всего Милюков. Он обвинял его в том, что Милюков снова, как перед Февралем, «организует Прогрессивный блок», но на сей раз не против Николая II, а против Временного правительства. Действительно, «Совещание общественных деятелей» вынесло резолюцию, осуждавшую коалицию с социалистическими партиями, поскольку она ведет страну «по ложному пути». Резолюция требовала создания «единой и сильной центральной власти», независимой от Советов и комитетов, и приветствовала генерала Корнилова. «Мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой»,— говорилось в резолюции.

Большевики бойкотировали Государственное совещание, более того, призвали пролетариат Москвы к забастовке протеста.

Государственное совещание открылось 12 августа в Москве, в Большом театре, торжественно, даже помпезно. Партер и ложи заполнили около 2,5 тыс. делегатов, представлявших различные общественные слои, политические и другие организации. Но уклон получился явно правый: Исполкомы Советов крестьянских и Советов рабочих и солдатских депутатов были представлены менее чем 250 делегатами (местные Советы на совещании не были допущены вовсе).

Временное правительство, Керенский рассчитывали придать совещанию значение голоса «всей земли», как это бывало в России в стародавние времена. Как сказал Керенский в своей вступительной речи, цель совещания заключалась в том, чтобы, увидев «картину великого распада, великих процессов разрушения», охвативших страну, оно — совещание — указало бы пути выхода из этого состояния. Но, ожидая «государственного совета», «совета земли», Керенский в общем рассчитывал получить от делегатов вполне определенный ответ. «Этого,— говорил он,— можно достичь только великим подъемом любви к своей родине, завоеваниям революции, любви и беззавет-

ной жертвенности и отказа от всех своих своекорыстных, личных и групповых интересов, во имя общего и целого...» В переводе на язык практической политики, Керенский ожидал, что Государственное совещание благословит керенщину, т. е. политическую структуру, суть которой состояла в коалиции всех партий (за исключением «крайне левых» большевиков и «крайне правых»), в бонапартистском лавировании между классовыми интересами «верхов» и «низов».

Получилось, однако, иное. Февральская революция обнажила и вывела на поверхность глубокие социальные противоречия. В ходе последующей политической борьбы они все больше обострялись. Пышные адвокатские словоизлияния Керенского уже никого не удовлетворяли, в том числе консолидирующийся правый лагерь и представлявшее его большинство Государственного совещания. Вера (если она вообще была) этих людей в том, что Керенский своими цветистыми призывами к «всеобщему согласию» отведет революционный порыв масс в тихое русло и растворит его там, почти иссякла. Их взоры теперь были обращены к Корнилову. Они ждали не «слова» Керенского, а «дела» Корнилова.

Корнилов прибыл в Москву на Александровский (теперь Белорусский) вокзал 13 августа. Как только остановили поезд, из вагонов на перрон выскочили текинцы, составлявшие конвой Верховного, угрожающе встали у всех дверей. Корнилову была устроена восторженная встреча. Приветствовавший его кадетский златоуст Ф. Родичев закончил речь призывом к Корнилову «спасти Россию». «Благодарный народ увенчает Вас!» — патетически пообещал он. Миллионерша Морозова упала перед Корниловым на колени. С вокзала на площадь офицеры несли его на руках. Сохранилась фотография: Корнилов стоит в открытом автомобиле, усыпанном цветами; рука, в которой он держит фуражку, поднята в приветственном жесте. Готовый диктатор приветствует толпу...

Керенский, конечно, понимал это. Он не мог воспретить выступление Верховного главнокомандующего в Большом театре, но он все-таки мог не допустить политического характера этого выступления. И действительно, до сведения Корнилова было доведено, что в своей речи на совещании он должен коснуться только стратегических вопросов. Корнилов коротко и резко ответил, что настаивает на свободе в выборе содержания своего выступления, хотя от «резкостей и нападок» воздержится.

Вступительная речь Керенского была, как обычно, длинной и цветистой. На ней лежала печать некой «заболтанности», впрочем характерная для всей деятельности Временного правительства и особенно его главы. Говоря о «процессе распада и распыления», поразившем государство, о «смертельной опасности», которую оно переживает, Керенский почти истерически призывал явить всем «зрелище спаянной великой национальной силы, прощающей друг другу во имя общего». При этом он, по существу, грозил и налево и направо, хорохорясь, заявлял, что всякого, кто бы ни предъявлял ему ультиматумы, сумеет «подчинять воле верховной власти» и лично себе, «верховному ее главе». Главная угроза шла, конечно, налево, в сторону незримо присутствовавших большевиков. Но предупреждение посылалось и прокорниловским «верхам» армии, как мы знаем, уже давно находившимся у Керенского на подозрении. «И вам здесь, приехавшим с фронта,— говорил он,— вам говорю я, ваш военный министр и ваш верховный вождь, я правлю, как член Временного правительства, и его волю передаю вам, и нет воли и власти в армии выше воли и власти Временного правительства... Все будет поставлено на свое место, каждый будет знать свои права и обязанности, но будут знать свои обязанности не только командуемые, но и командующие...»

На заседании 14 августа Керенский предоставил слово Корнилову. Присутствовавший на заседании П. Милюков вспоминал: «Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым, пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя „верховного“». Не поднялась только относительно немногочисленная левая сторона. С правых скамей туда яростно кричали: «Хамы! Встаньте!» Оттуда неслось презрительное: «Холопы!» Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале. Уже этот инцидент отчетливо показал, сколь безнадежны выспренние призывы Керенского к «прощению друг друга ради общего», как глубок классовый, социальный раскол в стране, переживавшей великую революцию, как агрессивен ненавидевший ее правый лагерь.

Речь Корнилова (ее написал М. Филоненко и «правил» В. Завойко) выгодно отличалась от речи Керенского краткостью и прямолинейностью, хотя по тактическим

соображениям он, конечно, не выразил того, что в действительности думал. Совершенно четко, однако, им было заявлено, что основной причиной «развала» в армии (да и во всей стране) он считает «законодательные меры», проведенные после «переворота» (т. е. после Февральской революции). Корнилов открыто угрожал неизбежными новыми поражениями, прежде всего на побережье Рижского залива, где возможная сдача Риги могла открыть немцам путь на Петроград. Поразительный пассаж для Верховного главнокомандующего! Но он становится понятным, если иметь в виду, что для Корнилова теперь главным врагом был не «враг внешний», а «враг внутренний». Угрожая падением Риги, он давал ясно понять: нужно провести мою программу в жизнь — и Рига, Петроград, а с ними и Россия будут «спасены». Далее он кратко изложил содержание своей «записки» (уже подписанной, как мы знаем, Савинковым и Филоненко), содержащей меры, необходимые, по его мнению, для спасения армии и страны, подчеркнув, что «разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть». И, заканчивая свою речь, явно имея в виду Керенского, Корнилов заявил: «Времени терять нельзя... нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер».

То, чего в силу своего высокого официального положения не мог сказать Корнилов, досказал донской атаман генерал А. Каледин. Он прямо потребовал упразднения Советов и комитетов (кроме разве самых низовых, которые должны быть превращены в хозяйственно-бытовые органы), удаления политики из армии и т. д. И также прямо высказал сомнение в способности существовавшей власти — Временного правительства — провести эти меры в жизнь. Их, как он сказал, могла осуществить только «твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми интересами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы...».

Если перечитать всю обширную стенограмму Государственного совещания, то нетрудно увидеть, что, может быть, за небольшим исключением почти все выступления сводились к требованию установления порядка через «твердую власть». Таков был «голос» той «земли», которая собралась по зову Временного правительст-

ва в Большом театре. Но стенограмма в то же время обнаруживает и определенный водораздел между самими носителями этой идеи.

Одни еще считали возможным идти к «порядку», к «твердой власти», действуя при поддержке «общественных сил», «общественных организаций». Так, выступивший на Государственном совещании лидер меньшевиков И. Церетели говорил: «Нельзя купить порядка ценой потери веры народа в силы народные, силы демократии. Если бы вы создали такой порядок в стране, это был бы порядок не живого борющегося государства, а это был бы порядок кладбища, похороны судеб России. Это было бы потерей всей России». В общем, наверное, точный, правильный прогноз. Но прокорниловский лагерь требовал «отсечения» общественных организаций (прежде всего Советов) от власти или низведения их до бессильных придатков к ней. Как сказал Каледин, «расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел».

В этой новой структуре вряд ли нашлось бы место и самому Керенскому, вся политика которого строилась на политической дозировке, балансировании между правым и левым (правосоциалистическим) флангами. Не желая рвать ни с тем, ни с другим, Керенский оказывался как бы в центре, в промежутке, надсадно взывая к единству и сплочению всех и вся. Он призывал к единению тех, кто был разделен ненавистью. И если «левых» (меньшевиков и эсеров) эти призывы устраивали, то у правых (корниловцев) они все больше вызывали раздражение. В их представлении «линия Керенского» была потакапием «самочинным организациям», которые якобы и являлись ответственными за «развал».

В дни Государственного совещания правая газета «Утро России» откровенно указывала источник, откуда, по ее мнению, должна прийти настоящая «твердая власть». «Нужна сильная власть, твердая, незыблемая... она должна начаться с армии и распространиться на всю страну... Кто другой так мучительно сейчас нужен для дела, для работы на спасение гибнущей армии и с ней вместе родины, как не военные народные герои, украшенные белыми крестами...»

Сознавали ли меньшевистско-эсеровские вожди, претендовавшие на руководство «революционной демократией», к какому политическому повороту может привести

такая точка зрения, поддержанная явным большинством Государственного совещания? Как опытные политики, они не могли этого не понимать. Да и правые, в том числе кадетские, газеты не считали нужным скрывать подлинный смысл этого поворота, призывали перейти от методов терапии в «лечении общества» к «хирургической операции». Но лидеры Советов слишком уверовали в политику соглашения всех «живых сил России», слишком боялись нарушить ее дальнейшими революционными преобразованиями, чтобы стать преградой этому грозному повороту.

«Каледин,— писал В. И. Ленин,— издевался над меньшевиками и эсерами, которые вынуждены были молчать. Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: „божья роса!“» [25].

Когда 15 августа Керенский произнес свою заключительную речь, еще более цветистую, но такую же пустую, как и при открытии совещания, раздались аплодисменты, слышались крики: «Да здравствует революция! Ура! Да здравствует Керенский!» Однако все это было не более чем выражением официальных, казенных чувств. Трезвым политикам, делающим политику не в парадных залах, а за кулисами, при закрытых дверях, было ясно: Государственное совещание, задуманное Керенским как мера сплочения и единения вокруг правительства, напротив, обнаружило углубляющийся общественный раскол. Оно к тому же показало крепнущую силу правого лагеря и нерешительность, половинчатость позиции соглашателей, поддерживающих Керенского, но явно не желающих «ожесточать» правых. Все прочнее складывалась убежденность: Керенский теряет престиж, шансы Корнилова растут.

Корнилов, по-видимому, так и понял. Во время Государственного совещания в своем поезде, стоявшем на Александровском вокзале, он вел конфиденциальные переговоры с рядом лиц, на которых мог рассчитывать в дальнейшем. Здесь побывали такие люди, как генерал М. Алексеев, промышленно-финансовые воротилы А. Путилов и А. Вышнеградский, кадетский лидер П. Милюков, черносотенец В. Пуришкевич и др. О чем шла речь? В разговоре с Алексеевым Корнилов будто бы предложил ему встать во главе «движения», как создателю «Союза офицеров» — сердцевины заговора. Если дело обстояло действительно так, то почти наверняка Корнилов рассчитывал получить от Алексеева отрицательный ответ: по

преклонным годам, по личным качествам и по своему положению (он находился в отставке) Алексеев никак не годился на роль диктатора. И Алексеев действительно отказался.

Беседа с «деловыми людьми» — Путиловым и Вышнеградским — носила «меркантильный» характер: Корнилов просил денег на затеваемый им переворот. «Надо собрать офицеров, юнкеров,— говорил он.— Нужны деньги, чтобы разместить людей перед выступлением, кормить». Деньги были твердо обещаны. Побывал в поезде Корнилова и «сам» Милюков. Позднее он признал, что уже тогда ему стало ясно, что «момент открытого конфликта с правительством Керенского представлялся в уме Корнилова совершенно определившимся вплоть до заранее намеченной даты 27 августа». Корнилов, по словам Милюкова, просил политической поддержки со стороны кадетов, но Милюков якобы предупредил Корнилова против выступления «насильственного и кровавого характера». Есть, однако, данные о том, что Милюков не был вполне искренним. Еще перед Государственным совещанием на заседании ЦК кадетов Милюков говорил, что в назревающем конфликте между военным командованием и правительством нужно взять сторону военных. Он не исключал, правда, и «двуумвирата» (Керенский + Корнилов), но более склонялся к мысли, что лучшим вариантом будет власть без Керенского. Вполне можно допустить, что во время встречи с Корниловым в дни Государственного совещания Милюков обещал ему поддержку.

Можно предположить, что именно после Государственного совещания, по возвращении в Ставку, Корнилов принял важнейшее решение: начать прямую борьбу за диктаторство, в жертву которой могли быть принесены не только ненавистные ему большевики, лидеры «самочинных организаций», но при определенных обстоятельствах и «виляющий» Керенский. К сожалению, трудно документально подтвердить это решение, но оно становится вполне осязаемым в таком важном эпизоде, как предпринятое Ставкой форсирование переброски и сосредоточения воинских частей в пунктах, напрямую ведущих к Петрограду.

Это была старая, еще со времени командования Петроградским военным округом, идея Корнилова. Тогда, как мы помним, он (вместе с Гучковым) бился над осуществлением замысла ликвидации революционного гарнизона Петрограда. В конце концов родился «обходной» план,

Поскольку в случае захвата немцами Риги могла возникнуть угроза Петрограду, по приказу Корнилова в штабе округа начали разрабатывать проект формирования отдельной Петроградской армии с включением в нее войск, расположенных в Финляндии, Кронштадте, районе Ревеля, и... Петроградского гарнизона. Это открывало путь для его переформирования.

Бывший тогда Верховным главнокомандующим М. Алексеев одобрил проект. Однако в начале мая Корнилов «убыл» в 8-ю армию, вскоре началась подготовка к наступлению на Юго-Западном фронте, и дело застопорилось. Но, став в конце июля Верховным, Корнилов вспомнил о своем апрельском плане. Теперь он приобретал для него, пожалуй, еще большее значение. Включив в проект пункт об изъятии Петроградского военного округа из ведения военного министра (так было еще с царских времен) и подчинении его Верховному главнокомандующему, можно было дать возможность Ставке стягивать в район Петрограда воинские части по собственному усмотрению, а в самом Петрограде устанавливать любой режим, вплоть до введения осадного положения.

Еще перед Государственным совещанием, 6 августа, Корнилов направил в Петроград «военмину» телеграмму, в которой просил в связи с предполагаемым наступлением немцев на северо-западном участке фронта подчинить Петроградский военный округ Ставке. Но, не дожидаясь ответа, он отдал приказ о переброске 3-го конного корпуса генерала А. Крымова, а также Туземной дивизии генерала князя Д. Багратиона с Юго-Западного фронта в район Великие Луки — Невель — Новосокольники. Другим приказом, отданным в те же дни, с Северного фронта в район между Выборгом и Белоостровом должна была быть переброшена 5-я Кавказская дивизия из состава 1-го конного корпуса, которым командовал генерал князь В. Долгоруков.

Даже для начальника штаба Ставки генерала А. Лукомского приказ о переброске войск с Юго-Западного фронта был неожиданным и непонятным. Ведь Петроградская армия по первоначальным наметкам должна была формироваться главным образом из частей, расположенных в близлежащих к столице районах. Почему же вызываются войска с Юго-Западного фронта, из района Проскурова? И почему эти кавалерийские части концентрируются в районе Невель — Великие Луки — Новосо-

кольники? Если уж они так необходимы в качестве подкреплений Северному фронту, то их лучше придвинуть ближе к фронту, а не держать в его глубоком тылу. Проницательный Лукомский заподозрил, что у Корнилова имеется какой-то другой расчет, о котором он не говорит, очевидно, не вполне доверяя даже своему начальнику штаба. Лукомский решился на откровенный разговор. И Корнилов, вернувшись с Государственного совещания, признал, что он действительно передвигает кавалерию с Юго-Западного фронта не столько по стратегическим, сколько по политическим соображениям. Он сказал, что, хотя проектирует создание особой Петроградской армии для обороны столицы, это предполагает и «очистку» города от «тыловых учреждений и запасных частей», вообще — целый ряд мер по «оздоровлению Петрограда».

«Оздоровление» же, в свою очередь, вполне может привести к «недоразумениям» (например, сказал Корнилов, есть сведения контрразведки о том, что к концу августа ожидается «выступление» большевиков), с которыми Временное правительство может не справиться. А между тем «пора с этим кончать. Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтобы он нигде и не собрался». Вот для этого и потребуются части, сосредоточиваемые теперь на путях, ведущих к Петрограду. Не исключено при этом, что после подавления «беспорядков» придется «оказать некоторое давление на правительство» и принять личное участие в создании новой, «твердой» власти. Теперь все становилось на свои места. Передвижение 3-го конного корпуса и Туземной дивизии к Петрограду перестало быть для Лукомского загадкой.

«Крымовская организация» еще до назначения Корнилова Верховным установила связи со Ставкой, с Главным комитетом «Союза офицеров армии и флота», и Крымов, естественно, должен был стать одной из ключевых фигур готовившегося переворота. Корнилов сказал Лукомскому, что руководство всей операцией будет поручено Крымову, так как он «не задумается перевешать весь состав Совета».

Пока части 3-го конного корпуса двигались в назначенный для них район, Крымов прибыл в Ставку. Он явно ждал здесь возвращения Корнилова с Государственного совещания и дальнейшего развития событий. Ко-

мандир Туземной дивизии князь Багратион, так же как и Крымов, в 20-х числах августа прибыл в Ставку.

По некоторым данным, приблизительно 18 августа в Ставке происходило какое-то секретное совещание с участием Крымова и некоторых членов Главного комитета «Союза офицеров». В это время две дивизии 3-го конного корпуса — 1-я Донская и Уссурийская — соответственно уже находились близ Пскова и Великих Лук; Туземная дивизия, 22 августа переформированная в корпус,— в окрестностях станции Дно. Отсюда в эшелонах они должны были быть продвинуты на рубеж Царское Село — Гатчина — Красное Село, т. е. на расстояние прямого перехода к Петрограду.

19 августа Корнилов направил Керенскому и Савинкову новую телеграмму, в которой уже настаивал на передаче Петроградского округа Ставке и сформировании Петроградской особой армии «для защиты подступов к Петрограду».

Если для Корнилова и его окружения в Ставке Государственное совещание стало своего рода акселератором в ходе подготовки к решительному выступлению, то и в политическую линию Керенского оно тоже внесло коррективы. В общем она сдвинулась вправо. Керенский не мог не учитывать явного усиления правых сил, что требовало от него, если он хотел остаться в седле, определенных «контрлевых» демаршей. Проблема состояла только в том, чтобы нажим на левый фланг, и прежде всего удар по большевикам, на который он уже давно был готов, осуществился без каких-либо потерь лично для него: Керенский все-таки не мог не считаться с эсеро-меньшевистским ВЦИК, со многими лидерами его он был тесно связан. Короче говоря, новая атака против революции не должна была заходить так далеко, чтобы сам Керенский и керенщина в целом оказались под угрозой.

Когда уже после Государственного совещания Керенский получил от Корнилова новую телеграмму с требованием безотлагательного введения мер, изложенных в его «записке» от 10 августа, оттягивать решение дальше он уже не счел возможным. 17 августа, вернувшись в Петроград из Москвы, он вызвал Савинкова и сообщил ему, что принципиально согласен с «запиской» и потому даст поручение разработать соответствующий законопроект. Вместе с тем он выговорил Савинкову за то, что «контрреволюция подняла голову» и что он, Савинков, тоже виноват в этом, поскольку выдвижение Корнилова—

это его рук дело. Керенский обвинял Савинкова в стремлении к власти за спиной Корнилова.

Но мотор корниловского заговора был уже запущен. Ход событий явно способствовал замыслам Корнилова и корниловцев. Еще 18 августа немцы начали наступление на фронте 12-й армии, и утром 20 августа Рига была оставлена русскими войсками: предвидение Корнилова, высказанное им на Государственном совещании, сбылось. Говорили, что Ставка намеренно пошла на это, чтобы, еще больше осложнив положение, развязать себе руки в контрреволюционных действиях. Трудно сказать со всей определенностью, но то, что потеря Риги явно играла на руку генералам, для которых политические интересы теперь преобладали над стратегическими,— это факт.

Между тем в Ставку поступали разведданные о возможности дальнейших операций немцев — на Ревель и даже непосредственно на Петроград. Они проникали в печать, сея панические слухи, подогревая контрреволюционные настроения. Распространялись сведения об ужасных взрывах на пороховых заводах и артиллерийских складах в Петрограде, Одессе, Казани. В Казани, например, было уничтожено 12 тыс. пулеметов. Потрясали сообщения о событиях в Особой армии, где разложившимися, анархиствующими солдатами были убиты потерявший в боях обе руки генерал К. Гиршфельд и правительственный комиссар Ф. Линде. Угроза развала, разгула анархии становилась все реальнее. Наступала ситуация, определяемая реакцией четкой формулой: «чем хуже, тем лучше». Чем хуже внутреннее положение, тем больше шансов у тех, кто требует установления «твердой власти» как единственного средства против «анархии», демагогически отождествляемой с демократией и революцией.

Корниловцы стремились предстать перед страной, прежде всего перед огромной обывательской массой, «партией порядка», противостоящей «партии развала», возглавляемой Керенским. 22 августа из Ставки на имя Керенского и Савинкова пошла новая телеграмма. Корнилов требовал «крутых мер» и немедленного подчинения ему Петроградского военного округа. Иначе, грозил он, будет поздно.

Таким образом, замысел Ставки определился. Она намеревалась осуществить переворот под прикрытием стратегической необходимости обороны Петрограда и с согласия... Временного правительства.

Между тем Керенский, располагая, вероятно, какими-то новыми тревожными данными из Ставки, все больше оказывался во власти подозрений. По свидетельству видевших его, в эти дни он находился в нервическом состоянии. Поэтесса З. Гиппиус, в доме которой он иногда бывал, нашла, что «впечатление он производил совершенно гнетущее. От него веяло состоянием большой растерянности и недоверия решительно во всем».

На 24 августа в Могилеве было запланировано совещание с целью обсуждения проекта нового положения о комиссарах и армейских комитетах.

На совещание должен был выехать управляющий военным министерством Б. Савинков (Филоненко уже находился в Ставке). Перед отъездом Керенский вновь пригласил Савинкова и дал ему поручение, которое касалось не частного вопроса — проекта о комиссарах и комитетах (этот вопрос уже фактически был решен), а всей проблемы своих взаимоотношений с Корниловым, Ставкой. Керенский наконец выразил согласие на включение частей Петроградского военного округа в состав формируемой Петроградской армии и подчинение его таким образом Главковерху, но с одной важной оговоркой: из округа выделяется сам Петроград, который по-прежнему останется в ведении военного министра (иначе нас здесь «скушают», сказал Керенский). На тот случай, если в соответствии с имеющимися сведениями в городе в конце августа произойдет новое «выступление большевиков», Савинков должен был «испросить» у Ставки кавалерийские части для проведения в жизнь военного положения и разгрома большевиков. По этим инструкциям выходило, что намерения Керенского и Корнилова в значительной степени совпали, ведь Корнилов, как мы знаем, уже отдал приказ о переброске 3-го конного корпуса, Туземной дивизии и других частей поближе к Петрограду. Более того, они уже начали движение к нему. Но, идя навстречу Корнилову в важнейшем вопросе подвода фронтовых войск к революционной столице, Керенский выставил свои условия: чтобы особо подозрительный для него Главный комитет «Союза офицеров» был «выведен» из Ставки. Для проведения этого второго пункта, точнее, для предварительного негласного расследования деятельности «Союза офицеров» с Савинковым и сопровождавшим его помощником военного министра (шурином Керенского) В. Барановским выехал начальник контрразведки Миронов.

23 августа они прибыли в Ставку. Тут же из Ставки были удалены Завойко и некий профессор Яковлев, разрабатывавший здесь аграрную и продовольственную программы. Совещание о комиссарах и комитетах в общем не очень интересовало как Корнилова, так и Савинкова. В присутствии только высших чинов Ставки (генералов А. Лукомского, И. Романовского и др.), а то и с глазу на глаз они договаривались о совместных действиях.

Довольно быстро договорились о выделении Петрограда и его окрестностей (так называемого Петроградского военного губернаторства) из пределов Петроградского военного округа, который передавался в подчинение Ставки. Какой был смысл Корнилову возражать против этого, если в Петроград, пусть подчиненный военному министру, вводились его, корниловские войска? Далее Савинков в соответствии с поручениями Керенского заявил: поскольку у правительства существует опасение, что при введении в действие законопроектов, основанных на корниловской «записке», могут возникнуть «серьезные осложнения», усугубленные ожидаемым в конце августа «выступлением большевиков», то необходимо принять соответствующие меры. Правительство просит поэтому отдать распоряжение, чтобы 3-й конный корпус и другие части были «подтянуты» к столице. В случае если большевиков поддержат Советы рабочих и солдатских депутатов, говорил Савинков, придется действовать и против них. При этом, подчеркнул он, «действия должны быть самые решительные и беспощадные», на что получил ответ Корнилова, что «иных действий он не понимает и что инструкции будут даны соответствующие». В. Барановский тут же поддержал Савинкова и Корнилова. «Конечно,— сказал он,— необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы почувствовала вся Россия». Окончательно договорились так: когда войска будут подтянуты к Петрограду (приблизительно 27—28 августа), Корнилов телеграфно сообщит об этом Савинкову, и Петроградское военное губернаторство должно быть объявлено на военном положении. Все, таким образом, вращалось вокруг предполагаемого «выступления большевиков». На нем строились все расчеты.

Савинков затем передал личную просьбу, даже требование Керенского — не вводить в Петроград «Дикую» дивизию, так как «неудобно», чтобы «русские дела» решали «инородцы», и, самое главное, не ставить во главе 3-го конного корпуса генерала А. Крымова, поскольку,

как сказал Савинков, с его именем связываются такие побуждения, которыми он, может быть, и не руководствуется. Это означало, что Крымову, как подозреваемому в монархизме, выражается персональное недоверие. Любопытный, примечательный факт, особенно для историков, отводящих важную роль в событиях 1917 г. некоему «масонскому сообществу». По имеющимся данным, масонами были как Керенский, так и Крымов; и казалось бы, между ними должно было существовать полное взаимопонимание. На деле было иначе...

Не все, однако, в ходе бесед Савинкова с Корниловым шло гладко. Сказывались обоюдные недоверие и подозрения. В разговоре «с глазу на глаз» Савинков упорно добивался от Корнилова заверений в полной лояльности Керенскому, на что получал довольно резкие ответы. Керенскому, прямо говорил Корнилов, я больше не верю, необходимо изменить состав правительства таким образом, чтобы из него были изгнаны «социалисты», да и роль самого Керенского, вероятно, уменьшена. Савинков соглашался с тем, что из состава правительства действительно должны быть удалены социалисты, но без Керенского правительство пока невозможно. На этом как будто бы поладили. Корнилов заверил Савинкова, что Керенский получит его полную поддержку, если решительно встанет на путь создания «твердой власти». В общем договорились и по вопросу о «высылке» из Могилева Главного комитета «Союза офицеров». Однако откомандировать в Петроград нескольких офицеров — его членов — Корнилов решительно отказался, пригрозив даже арестом Миронова.

24 августа Савинков уехал из Могилева. Несомненно, в Ставке должны были ликовать. Ведь несмотря на некоторые оговорки и условия (устранение Крымова, «ликвидация» Главного комитета «Союза офицеров» и др.), Керенский, по существу, не только санкционировал действия Ставки, уже двинувшей войска к Петрограду, но и как бы легализовал их. Это был почти невероятный подарок. Генералу А. Лукомскому показалось даже, что тут какой-то подвох, «подкоп». Он поделился своими сомнениями с Корниловым, заметив, что предложения, переданные Савинковым, выглядят так, словно в Петрограде хорошо осведомлены о намерениях Ставки и провоцируют ее. Однако пребывавший в эйфории Корнилов отвел эти подозрения. По его мнению, получилось долгожданное совпадение намерений правительства и Ставки; что же касается Кры-

мова, то Керенский и Савинков просто боятся, чтобы он «не повесил лишних 20—30 человек».

В общем, в Ставке и Главном комитете потирали руки. Немедленно вернулся Завойко. В тесном кругу начались совещания, на которых прикидывали будущую форму правления. Решили создать «Совет народной обороны», обладающий всей полнотой власти. Во главе, конечно, Корнилов, его помощник — Керенский, другие члены — генерал Алексеев, адмирал Колчак, Савинков, Филоненко. В исполнительный орган — правительство — намечали широкое представительство: от бывших царских министров — «либералов» М. Покровского и П. Игнатьева до... Г. Плеханова. Не забыли, конечно, и «своих» — Завойко и др. В общем замышляли «надпартийное» правительство под диктаторской рукой генерала Корнилова. Впрочем, для окончательного решения этого вопроса решили пригласить в Ставку таких «общественных деятелей», как М. Родзянко, П. Милюков, В. Маклаков и др.

Тем временем, пока Савинков и Филоненко добивались урегулирования отношений Керенского и Корнилова и, казалось, уже добились этого урегулирования, договорившись о совместных действиях, скрытая линия подготовки заговора развертывалась своим чередом.

Члены Главного комитета офицерского «союза» Л. Новосильцев, В. Сидорин, В. Пронин, Роженко, К. Сахаров, Д. Лебедев и др. активизировали свою деятельность. Эти люди, как мы уже знаем, имели прямые связи с петроградским «Республиканским центром», его военным отделом, «крымовской организацией» и другими прокорниловскими военными организациями.

Еще в середине августа в Петроград для поддержания прямых контактов между «Республиканским центром» и Ставкой прибыл полковник В. Сидорин. Совместно с руководителем военного отдела «Республиканского центра» полковником Дюсемитьером он распределял между прокорниловскими организациями деньги, получаемые от таких банковских воротил, как А. Путилов, Ф. Липский, А. Вышнеградский, А. Белоцветов и др. На эти деньги шла подготовка к контрреволюционному перевороту в Петрограде, который планировалось осуществить синхронно с подходом к городу корниловских войск. Как часть этой подготовки, из Ставки в Петроград под разными предлогами должны были направиться десятки вызванных с разных фронтов офицеров. Им «разъясняли», что в Петрограде готовится восстание большевиков,

арест правительства, резня офицеров; они должны ехать в Петроград, чтобы «смягчить ужасы надвигающихся событий», конкретно — взять под свой контроль мосты, телеграф, банки и т. п. Там им следовало поступить в распоряжение полковника Сидорина, полковника Дюсемитьера, председателя «Военной лиги» генерала Федорова.

В Петрограде, таким образом, сколачивался ударный кулак, в ходе переворота призванный сыграть роль «пятой колонны». Сигналом для нее должно было стать все то же мифическое «выступление большевиков». Его ожидали с таким вожделением, что в случае, если бы оно задержалось или не произошло, руководители «пятой колонны» готовы были пойти на любую провокацию, вплоть до того, чтобы самим сыграть роль «восставших большевиков». Руководить этой «операцией», по некоторым данным, должен был председатель «Союза казачьих войск» будущий атаман Оренбургского казачества А. Дутов.

По свидетельству одного из руководителей «Республиканского центра» — П. Финисова, примерно к 20-м числам августа подготовка к перевороту казалась завершенной. Предполагалось захватить важнейшие пункты города, «арестовать Смольный» и ждать прибытия войск из Ставки. Затем по указанию Корнилова предстояло изменить состав Временного правительства. Для окончательного согласования в Ставку вызвали руководителей «Республиканского центра». Поехали Финисов и Липский. Они прибыли в Могилев как раз тогда, когда здесь только что завершил свою «согласительную миссию» Б. Савинков. Корнилов принял посланцев «Республиканского центра» немедленно. Присутствовали генералы А. Лукомский, А. Крымов, И. Романовский, несколько полковников из офицерского «союза». Корнилов сообщил, что он только что согласовал свои действия с Савинковым, за исключением кандидатуры генерала Крымова и участия в операции «Дикой» дивизии. «Центристы» посоветовали вызвать в Ставку Керенского, поскольку в офицерской среде против него существует «крайнее озлобление» и дело может кончиться убийством. Пытались они обсудить и вопрос о будущем правительстве, однако Корнилов сказал, что этот вопрос он обсудит позже и по договоренности с Керенским.

На другой день, 25 августа, Финисов и Липский вернулись в Петроград. А воинские эшелоны с частями кор-

пуса Крымова и «Дикой» дивизии медленно продвигались к столице. В Петрограде Савинков ждал от Корнилова телеграмму о сроке введения военного положения, а офицеры Сидорина и Дюсемитьера — подхода корниловских войск, для того чтобы в случае необходимости ударить в спину Советам и правительству. Телеграмма Корнилова, по предварительным расчетам, ожидалась 27 августа. Близилась развязка драматических событий, последствия которых могли стать для революции роковыми. Произошло, однако, непредвиденное.

«Львовиада»

Здесь мы подходим, пожалуй, к наиболее туманному эпизоду истории корниловщины — событиям, приведшим к открытому и внезапному разрыву Керенского с Корниловым. Этот разрыв сыграл очень важную роль в провале корниловского путча. С одной стороны, он, безусловно, содействовал деморализации карательных войск, по приказу Корнилова уже подходивших к Петрограду, с другой — вне зависимости от намерений Керенского способствовал созданию общедемократического фронта, о который и разбилась корниловщина.

Но многие факты, связанные с этим эпизодом, так и не вышли из-за политических кулис своего времени, остались частью айсберга, скрытой под водой. Речь идет прежде всего о деятельности Владимира Николаевича Львова в коротком промежутке между 22 и 26 августа. Она отдает такой детективностью, такой буффонадностью, что ее впору назвать «львовиадой»...

В. Львов был человеком, широко известным в «высших сферах». Член III и IV Государственных дум, он примкнул там к «партии центра», занимавшей место между кадетами и октябристами, и приобрел известность своим участием в антираспутинской кампании. В первом коалиционном правительстве Г. Львова (однофамильца В. Львова) он занял пост обер-прокурора Синода. (Надо попутно отметить, что параллельно с карьерой В. Львова все более видную «общественную» роль начинал играть и его брат Николай: в июле 1917 г. он возглавил правую организацию «Союз земельных собственников», объединявшую крупных землевладельцев, активно действовал в «Совещании общественных деятелей».)

Как министр В. Львов ничем особенно себя не про-

явил. За ним закрепилась репутация довольно легкомысленного, словоохотливого, если не сказать больше, человека. Вместе с тем «обходительность» В. Львова, говоря современным языком, коммуникабельность его характера вызывали к нему вполне доброжелательное отношение. Львов не упускал случая славословить Керенского, что, впрочем, не уберегло его от отставки. Во второе коалиционное правительство, сформированное в конце июля, В. Львов не вошел. Его сменил профессор богословия правый кадет А. Карташев. Министерская карьера В. Львова оборвалась. Похоже, что после этого он круто изменил отношение к своему бывшему кумиру — Керенскому. Министр иностранных дел М. Терещенко говорил, будто В. Львов после своего ухода из правительства сказал ему: «Керенский — мой смертельный враг». Так или нет, но не подлежит сомнению, что В. Львов искал возможности вновь «играть роль». И случай, казалось, представился...

Не успел еще Савинков, уезжавший в Ставку, покинуть Петроград, как в тот же день, 22 августа, в Зимнем дворце у Керенского появился Владимир Львов. Керенский не мог не принять его: старый знакомый, бывший министр — коллега по правительству. Знал, конечно, Керенский и то, что В. Львов (во всяком случае, через брата Николая) связан с теми кругами, представители которых составляли правую часть Государственного совещания.

Для чего же явился В. Львов? Что же он сообщил Керенскому? Керенский и Львов впоследствии (в показаниях следственной комиссии и в мемуарах) рассказывали об этом с такими акцентами, которые считали наиболее выгодными для себя. Тем не менее можно считать установленным следующее. В. Львов, указав Керенскому на потерю им «популярности» как в рядах «революционной демократии», так и у значительной части правых кругов, поставил перед ним вопрос: согласен ли он, Керенский, войти в контакт с некоей группой «общественных деятелей», имеющих «достаточно реальную силу», чтобы обеспечить ему прочную поддержку справа? В ответ Керенский, естественно, попросил разъяснить, о какой конкретной группе идет речь. Не получив ответа (Львов заявил, что он пока не вправе об этом говорить), Керенский тем не менее сказал, что в принципе он заинтересован в создании правительства, «опирающегося на твердую основу», и практически согласился на то, чтобы В. Львов

продолжил переговоры с этой «группой общественных деятелей».

Такая позиция Керенского не представляется неожиданной и легкомысленной. Дело в том, что осторожные разговоры о концентрации им всей власти в своих руках или разделении ее лишь с несколькими людьми (т. е. о создании диктатуры или директории) велись с ним уже по раз и до визита В. Львова. Позднее Керенский сам свидетельствовал об этом. И подобные разговоры не вызывали у него неприязни, напротив, он с любопытством и интересом прислушивался к ним. Как остроумно заметил Н. Суханов, Керенский в принципе не отвергал корниловщины, но только при условии, что роль Корнилова будет выполнять он сам. Керенскому не стоило, конечно, труда понять, что под «группой», о которой говорил Львов, имелись в виду какие-то прокорниловские круги. А если это так, то ему не было никакого смысла пренебрегать даже самой малой возможностью для их политического зондажа.

Итак, «блок» Керенский — В. Львов был, по всей видимости, заключен. Но возникает важный вопрос: был ли визит к Керенскому 22 августа личной инициативой В. Львова, или за его спиной кто-то стоял? К сожалению, до сих пор нет определенного, достоверного ответа. Не исключено, конечно, что В. Львов при своем экспансивном стремлении «играть роль» сам решился на такой шаг. Но и в этом случае он, несомненно, был «навеян» той средой, в которой В. Львов теперь вращался, прокорниловскими настроениями, так ярко проявившимися в «Совещании общественных деятелей», а затем и на Государственном совещании. Для правых делегатов этого совещания (впрочем, как и для всех других) не могла остаться незамеченной повышенная нервозность, даже истеричность Керенского. Было очевидно, что она — прямое отражение неустойчивости режима, судорожно пытавшегося «усидеть между двумя стульями». В этих правых кругах, естественно, могла явиться мысль: не наступил ли решительный момент для оказания «нажима» на Керенского в духе «корниловской программы»? Здесь, конечно, не знали, что Керенский только что направил в Ставку Б. Савинкова для выработки совместных действий с Корниловым, и поэтому должны были искать собственных контактов с Керенским. Такова, думается, была политическая почва, на которой мог «возникнуть» Владимир Львов.

Известно, что 22 августа он прибыл к Керенскому в Петроград из Москвы, где находился во время работы Государственного совещания. Проживая в гостинице «Националь», он встречался здесь со многими участниками совещания и теми, кто «делал дела» в его кулуарах. Среди них особо следует выделить трех лиц: И. Добрынского, А. Аладьина и Николая Львова. Последний нам уже известен: брат В. Львова, тесно связанный с «общественными деятелями» правого, прокорниловского лагеря. И. Добрынский возглавлял владикавказское отделение «Союза георгиевских кавалеров», часто бывал в Ставке, имел личные контакты с генералом А. Крымовым, председателем Главного комитета «Союза офицеров» Л. Новосильцевым и В. Завойко. А. Аладьин — бывший депутат I Государственной думы от «трудовой группы», в 1906 г. эмигрировал в Англию, занимался там коммерческой деятельностью, из «левого» постепенно превратился в монархиста, стал корреспондентом правых русских газет в Англии. Не все ясно в деятельности Аладьина в этот период. Он вернулся в Россию после 10-летней эмиграции в форме английского офицера. Говорили, что он привез рекомендательные письма от английского военного министра Мильнера и главнокомандующего генерала Робертсона. Так или иначе, в правых кругах к нему сразу был проявлен интерес, он был представлен Корнилову и приглашен в Ставку.

Содержание бесед В. Львова по крайней мере с этими людьми, как показывают имеющиеся источники, сводилось как раз к тому, о чем В. Львов говорил с Керенским по прибытии к нему в Зимний дворец. Констатировалось, что положение складывается таким образом, что Керенский должен наконец освободиться от влияния Советов и взять правый курс. Иначе те, что не могут примириться с идущим у них на глазах «развалом государства», предпримут свои меры. В. Львов позднее утверждал, что ему ясно давали понять о готовящемся в правых кругах перевороте.

Что же могло произойти дальше? Конечно, нет данных, что И. Добрынский и др., действуя по поручению каких-то третьих лиц, прямо попросили В. Львова встретиться с Керенским. Можно, однако, предположить, что он воспринял беседы с Добрынским, Аладьиным и др. как поручение тех, с кем, как он знал, они были тесно связаны.

Реакция Керенского во время беседы в Зимнем дворце

22 августа явно вдохновила В. Львова. Казалось, завязывается клубок такой важной интриги, которая может привести к крутому политическому повороту, после которого и он, В. Львов, вновь станет одной из ключевых фигур. А. Аладьин позднее утверждал, что В. Львов рассчитывал на пост министра внутренних дел...

Покинув Керенского, В. Львов спешно возвратился в Москву. Здесь он повидался с Добрынским, Аладьиным, братом Николаем, которым сообщил, что получил от Керенского полномочия на переговоры с Корниловым о перестройке правительства путем «привлечения правых групп». Н. Львов тут же встретился с П. Рябушинским, С. Третьяковым, М. Родзянко и др., т. е. с людьми, игравшими ведущую роль в «Совещании общественных деятелей», и информировал их о переговорах В. Львова с Керенским. Этот факт может рассматриваться как некоторое свидетельство в пользу того, что и о самом визите В. Львова к Керенскому 22 авгута было известно, по крайней мере названным лицам. По-видимому, было решено, что беседа В. Львова с Керенским столь важна, что о ней срочно необходимо сообщить в Ставку. И снова В. Львов буквально на несколько часов разминулся с Савинковым: 24 августа Савинков уехал из Могилева, а поздно вечером того же дня В. Львов прибыл туда вместе с Добрынским и Аладьиным.

Знал ли Корнилов о предстоящем визите В. Львова? И. Добрынский в Чрезвычайной следственной комиссии показал, что знал. Затем он, правда, изменил это показание, заявив, что его неверно поняли: он якобы имел в виду, что для Корнилова не было неожиданностью содержание рассказа В. Львова, а не сам факт его визита. Прямых доказательств того, что Корнилов был заранее информирован о приезде В. Львова, таким образом, нет. Почему же в таком случае он сразу принял В. Львова, которого знал весьма поверхностно? Ведь, казалось бы, все вопросы взаимоотношений с Керенским были только что решены с Савинковым. Зачем же теперь потребовался малоизвестный Корнилову Львов? В эти дни Корнилова посещало много людей. 25 августа тут побывал и командующий Московским военным округом протеже Керенского генерал А. Верховский. В беседе Корнилов как бы между прочим коснулся вопроса о его, Верховского, отношении к «твердой власти» — военной диктатуре. Верховский, по его показаниям в Чрезвычайной следственной комиссии, ответил резко отрицательно и заявил, что, если

Ставка что-либо предпримет в этом направлении, он двинет против нее войска. Корнилов, по свидетельству Верховского, ничего на это не ответил и только «сел поглубже в кресло».

Когда Корнилову было доложено, что прибыл В. Львов, рекомендующийся чуть ли не «порученцем» Керенского, это, после переговоров с Савинковым и беседы с Верховским, не могло не вызвать у него обостренного интереса. Ведь нельзя было исключить, что Керенский, послав в Ставку В. Львова, намерен сообщить что-то новое, что-то значительное, связанное, возможно, с новыми уступками правительства. Получить дополнительную информацию особенно важно было и потому, что кавалерийские части — 3-й конный корпус и Туземная дивизия — уже шли к Петрограду, находились на марше. Этим нельзя было рисковать.

Эйфория, царившая в Ставке, ощущение собственной силы давали уверенность, что на Керенского можно дополнительно «нажать коленом», предъявив ему новые требования. С этой точки зрения неожиданный визит В. Львова был даже кстати: давал возможность «скорректировать» линию Ставки. Все это, как представляется, говорило в пользу того, чтобы Корнилов выслушал В. Львова.

Между тем обстановка в Могилеве произвела на В. Львова весьма тревожное впечатление. В гостинице «Париж» мест не оказалось, и Добрынский поместил Львова у своего знакомого, есаула И. Родионова — члена Главного комитета «Союза офицеров». То ли есаул был «под градусом», то ли не считал нужным скрывать своих истинных чувств, но в беседе с Львовым он будто бы прямо говорил, что офицерство в Ставке ненавидит Керенского и, окажись он здесь, его немедленно повесят. Под впечатлением этого ночного разговора в гостинице взволнованный В. Львов наутро явился к Корнилову.

Переговоры В. Львова с Корниловым затуманены следственными показаниями и мемуарами точно так же, если не больше, как и переговоры В. Львова с Керенским. На них тоже лежит отпечаток последующих попыток самооправдания, стремления предстать в «нужном свете» перед следствием и историей. И все-таки суть их можно установить. На заявление В. Львова о том, что он прибыл от Керенского с целью выяснения той «конструкции власти», которая нашла бы поддержку Верховного главнокомандующего, Корнилов ответил (по его собственному

показанию), что «единственным исходом из тяжелого положения страны является немедленное установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении». Правда, Корнилов добавил, что он лично не стремится к власти и не исключает диктатуру даже во главе с Керенским. Главное — это создание «твердой власти», кладущей конец «анархии» как на фронте, так и в тылу. Львову было также сказано, что в случае «беспорядков», которые могут произойти в Петрограде при введении там военного положения, Керенскому и Савинкову может угрожать опасность, почему Корнилов приглашает их в Ставку, где можно спокойно и окончательно обсудить все вопросы.

Сопоставляя переговоры Корнилова с Савинковым и Корнилова с В. Львовым, отчетливо видишь: несмотря на то что их разделяют какие-то часы, может быть, сутки, требования Корнилова в переговорах с В. Львовым значительно радикальнее и категоричнее. В переговорах с Савинковым речь шла о совместных действиях с правительством, о поддержке правительства Ставкой на вполне определенных условиях; в переговорах же с Львовым вопрос был поставлен о введении новой, диктаторской власти, причем, поскольку для его обсуждения Керенский и Савинков приглашались в Ставку, совершенно ясно было, кто именно в этом случае сыграет первую скрипку.

Днем 25 августа В. Львов уезжал из Могилева. Его провожал Завойко, который настойчиво внушал ему то главное, что он должен передать в Петрограде: отставка министров, диктаторская власть, приезд Керенского и Савинкова в Ставку для выработки окончательного соглашения.

Примерно тогда же, когда В. Львов, взволнованный от переполнявших его полученных в Ставке сведений и впечатлений, собирался покинуть Могилев, в Петрограде Савинков докладывал Керенскому о своей поездке и ее итогах. Он оценивал свою миссию как немалый политический и дипломатический успех и, хотя не скрывал, что общее настроение в Ставке «напряженное», выражал уверенность, что после прохождения в правительстве «корниловской программы» и осуществления мер, согласованных в Ставке, политическая стабилизация будет наконец достигнута. Савинков имел все основания рассчитывать на полное удовлетворение Керенского, но, к своему удивлению, столкнулся с другим. Керенский, который только несколько дней тому назад как будто бы

выражал готовность осуществить меры, намеченные в «записке» Корнилова, а теперь после возвращения Савинкова получил твердое заверение в том, что Ставка обеспечит ему полную поддержку, вдруг снова заколебался. Получил ли он в отсутствие Савинкова какую-либо новую тревожную информацию, усиливавшую его давние подозрения? Насторожило ли его замечание Савинкова о «напряженном» настроении в Ставке? Трудно сказать. Скорее всего, Керенский все отчетливее осознавал, что наметившийся альянс с Корниловым, Ставкой и теми, кто шел за ними, в конце концов может обернуться для него политическим провалом. Опубликование корниловских «законов» наверняка привело бы к потере им своего авторитета в рядах революционной демократии, а возможно, и к новому выступлению масс. Но если бы с помощью корниловских войск, шедших к Петрограду, и удалось провести эти «законы» в жизнь, это означало бы резкое усиление позиции Корнилова, поскольку стало бы ясно, что он, Керенский, уступил давлению правого лагеря. По существу, Керенский оказался в положении человека, обязанного сделать выбор из двух путей, ни один из которых не сулил ему ничего хорошего. Устранить Корнилова и Савинкова? Это означало оттолкнуть от себя весь правый, прокорниловский лагерь. Пойти с Корниловым? Значит, порвать с «революционной демократией»?

Издергавшийся Керенский мучительно, лихорадочно искал «спасительного» решения. В этот момент, днем 26 августа, к нему второй раз и явился В. Львов, только что прибывший из Могилева. Этот визит, вернее то, что сообщил В. Львов, и толкнуло Керенского на шаг, который в тот момент казался ему выходом из безвыходного положения.

На вопрос Керенского, пришел ли В. Львов по тому же делу, что и четыре дня тому назад, он ответил: «Нет, теперь все по-другому, обстановка изменилась». Далее Львов сообщил, что привез «формальное предложение» Корнилова, содержание которого сводится к следующему. Генерал Корнилов предлагает: объявить Петроград на военном положении; уйти всем министрам в отставку; передать всю власть — военную и гражданскую — Верховному главнокомандующему, который и составит новый кабинет министров. Кроме того, Львов передал Керенскому приглашение Корнилова приехать вместе с Савинковым в Ставку, добавив от себя, что этого делать не следует, так как в Могилеве Керенский будет арестован или

даже убит. Без сомнения, все это в целом было сенсационной информацией!

Если сопоставить корниловские «предложения», по просьбе Керенского изложенные В. Львовым на бумаге, с тем, о чем Львов действительно говорил с Корниловым в Ставке, расхождение бросится в глаза. Да, Корнилов, как мы помним, вел речь о необходимости диктаторской власти, но не выражал это в категорической форме и не ставил вопроса о том, чтобы эта власть была передана именно ему (хотя, конечно, не мог не понимать, что в случае согласия Керенского самим «ходом вещей», скорее всего, получит ее).

Почему же В. Львов столь произвольно сформулировал «предложения» Корнилова? Строго говоря, то, что говорил Корнилов Львову во время их встречи в Ставке, давало некоторые основания для истолкования сказанного им в том духе, в каком это преподнес Керенскому Львов, тем более если принять во внимание сумбурное, возбужденное состояние, в котором пребывал Львов. Укрепить его в таком толковании могла и последующая встреча там, в Могилеве, с Завойко, который, как мы знаем, по отношению к Керенскому был настроен экстремистски. Не исключено, что именно нахрапистый Завойко и некоторые другие лица, с которыми Львову довелось говорить там, в Ставке, индуцировали в его закружившуюся голову те три четких пункта корниловских требований, которые Керенский потом квалифицировал как ультиматум.

Так или иначе, но выходило, что Корнилов своими руками разрубал тот узел, развязать который мучительно старался Керенский. В передаче В. Львова Корнилов как бы говорил Керенскому и в его лице Временному правительству: «Иду на вы!» Блок с правым, корниловским лагерем, заключенный при помощи Савинкова после стольких препятствий, осложнений и колебаний, нарушила «корниловская сторона»! Казалось, все подозрения относительно того, что Ставка вынашивает замыслы не только против Советов и большевиков, но и против самого Керенского, разом подтвердились. В этот момент Керенскому нужно, необходимо было поверить в это, он хотел поверить в это.

«...Исчезли у меня последние сомнения!.. — писал он позднее.— Все предыдущее: деятельность разных союзов, хлопоты вокруг Московского совещания, печать, донесения о заговорах, поведение отдельных политических дея-

телей, ультимативная кампания Ставки... недавняя телеграмма Корнилова, настаивавшие на передаче Ставке петербургских войск — все, все осветилось сразу таким ярким светом, слилось в одну цельную картину. Двойная игра сделалась очевидной...» Но если «двойную игру» вел Корнилов, то и Керенский поступал так же. Выражаясь кодовым языком Филоненко, он вел корниловского коня в «поводу» для собственных целей, но, когда, как он считал, обнаружилось, что этот конь является троянским, он прекратил свои тонкие политические маневры...

Существовала ли в действительности эта «двойная игра» со стороны корниловской Ставки и поддерживавших ее правых офицерских и буржуазных организаций? Белоэмигрантские и многие западные историки склонны считать, что ее не было, что Керенский, воспользовавшись вторым визитом В. Львова как предлогом, неожиданно выступил против Корнилова, предал его. Однако совокупность всех фактов, относящихся к «делу Корнилова», как представляется, позволяет считать, что «двойная игра» со стороны корниловской Ставки все-таки была. Не отвергая усилий Савинкова и Филоненко, направленных на совместные действия с Керенским, корниловское окружение одновременно вело скрытую деятельность, целью которой было выступление «в обход» Керенского и режима керенщины. И Керенский, как нам кажется, если точно и не знал, то правильно улавливал это...

Его реакция на «ультиматум» Корнилова была юридически «профессиональной», он действовал как опытный детектив. После того как В. Львов письменно зафиксировал корниловские «требования», Керенский решил добиться их подтверждения самим Корниловым. Вечером того же 26 августа он прибыл в военное министерство и по аппарату Юза вызвал Корнилова. В. Львова рядом с Керенским не было (по его утверждению, он «запоздал» к началу переговоров, хотя, скорее всего, просто опасался их), но это не помешало ему заявить Корнилову, что оба они (с В. Львовым) находятся у аппарата. Говоря за Львова, Керенский попросил Корнилова подтвердить «то определенное решение», о котором он, Львов, должен был известить Керенского. Корнилов на другом конце провода подтвердил, что он действительно просил Керенского «приехать в Могилев». Тогда Керенский, говоря уже от себя, передал, что он понимает ответ Корнилова как подтверждение слов, переданных ему Львовым,

т. е. включил в «корниловское подтверждение» все три пункта «ультиматума», о которых Корнилову в разговоре ничего сообщено не было! Поскольку никаких вопросов со стороны Корнилова не последовало, Керенский ликовал: Корнилов сам расписался под своим «ультиматумом»!

Остальное, как говорится, было делом техники. Встретив опоздавшего Львова уже на обратном пути в Зимний, Керенский пригласил его к себе, привел в свой кабинет, где попросил еще раз (!) повторить содержание корниловского «ультиматума». Как только Львов закончил свой рассказ, из-за ширмы, стоявшей в кабинете, появился начальник петроградской милиции полковник С. Балавинский, который по просьбе Керенского подслушивал весь разговор. Теперь у Керенского был и прямой свидетель. Тут же Львов был арестован. С этого момента события стали раскручиваться с невероятной быстротой. Придя в Малахитовый зал, где шло заседание Временного правительства, Керенский сообщил оторопевшим министрам о случившемся, квалифицировал действия Корнилова как мятеж и потребовал чрезвычайных полномочий.

Не располагавшие до сих пор какой-либо точной информацией об отношениях Керенского и Ставки, практически поставленные перед фактом, министры вынуждены были удовлетворить требование Керенского. По его предложению, все формально подали в отставку, но временно остались на своих местах. Но министры-социалисты и министры-кадеты руководствовались все же разными соображениями. Если социалисты хотели развязать Керенскому руки в предстоявшей борьбе с Корниловым, то кадеты, по всем данным, готовы были создать министерский кризис, который должен был дать возможность Корнилову (в случае его успеха) формировать новое правительство. Ведь их чувства были на стороне Корнилова...

Так или иначе, второе коалиционное правительство, образовавшееся в 20-х числах июля, практически перестало существовать. Теперь Керенский совещался фактически только с А. Терещенко и особенно с Н. Некрасовым. Этого последнего позднее даже стали считать «злым гением» Керенского в корниловские дни...

Ранним утром 27 августа в Ставку пошла телеграмма: «Генералу Корнилову. Приказываю вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому... Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград. Керенский». На теле-

грамме не было ни исходящего номера, ни официальной подписи Керенского как премьер-министра. Наверняка забыли поставить второпях...

Керенский вернулся в свой кабинет, чувствуя себя победителем. Если верить В. Львову, находившемуся тогда в соседней комнате под охраной часового, он всю ночь не мог заснуть: Керенский громким голосом распевал бравурные мелодии... «Львовиада» завершилась.

Осталось сказать лишь несколько слов о дальнейшей судьбе В. Львова. После Октябрьской революции Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства под разными предлогами начала освобождать своих подследственных. «По болезни» освободили и В. Львова. Он уехал в Сибирь, затем эмигрировал. Во Франции влачил жалкое существование, чуть ли не бродяжничал. В 1921 г. примкнул к сменовеховцам и вернулся в Россию. Здесь бывший обер-прокурор Синода русской православной церкви стал... безбожником, занялся антирелигиозной пропагандой. «Неисповедимы пути господни» для таких, как Владимир Николаевич Львов...

Ставка против правительства

Но хорошее настроение царило пока не только в Зимнем, но и в Ставке. Корнилов не заподозрил ничего худого в том, что говорил ему Керенский от своего и В. Львова имени. Напротив, создавалась уверенность, что все идет как по маслу. Казалось, что теперь сам Керенский подтвердил договоренности, достигнутые в ходе переговоров не только с Савинковым, но и с Львовым. Последние детали вот-вот будут согласованы лично с Керенским после приезда его в Ставку. Власть, по всем данным, перейдет к Корнилову, крымовские войска с помощью военных организаций, группировавшихся вокруг «Республиканского центра», войдут в Петроград, большевики, Советы и другие «безответственные организации» будут сокрушены.

Корнилов, как было договорено с Савинковым, приказал телеграфировать в военное министерство, что 3-й конный корпус и Туземная дивизия, уже находившиеся в эшелонах, подойдут к столице 28 августа, что 29 августа ее можно объявить на военном положении, и... пошел спать. Гром в Ставке грянул утром 27-го...

Когда Корнилову доложили содержание телеграммы Керенского, увольнявшего его от должности Верховного

главнокомандующего, он, как и многие из его окружения, вначале не поверил. У срочно вызванного Завойко даже явилась мысль, что это германская провокация. Впопыхах прибежавший Филоненко едва ли не готов был согласиться с этим, так как сразу учуял грозную опасность для себя и всего своего эквилибристского танца между двумя «геркулесовыми столбами» — Керенским и Корниловым. Затем пришли к заключению, что произошло какое-то недоразумение. Однако и эта версия вскоре отпала: в разговоре с Филоненко по Юзу Савинков подтвердил подлинность телеграммы. Вскоре Корнилова также по Юзу вызвали из Петрограда Савинков и Маклаков, еще надеявшиеся мирно уладить конфликт и не допустить полного разрыва Ставки с правительством. Корнилов выражал готовность обсудить случившееся.

Но уже к вечеру 27-го конфликт вырвался наружу. В Ставке узнали о том, что в газетах появилось официальное сообщение («от министра-председателя»), обвинявшее Корнилова в попытке «установить государственный порядок, противоречащий завоеваниям революции». В качестве доказательств приводились показания В. Львова и, самое главное, указывалось на движение корниловских войск к Петрограду.

Ранним утром 28 августа по радио из Ставки было передано написанное Завойко заявление Корнилова, в котором он отрицал, что посылал В. Львова к Керенскому, утверждая, что, напротив, В. Львов прибыл в Ставку как посланец Керенского. Поэтому действия Керенского расценивались в заявлении «как великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества». А далее открыто следовало то, что так долго таили корниловские заговорщики. «Русские люди! — взывал Корнилов.— Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба...» Корнилов звал всех, «кто верит в бога, в храмы», молить «господа-бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли». Он клялся, что ему, как «сыну казака-крестьянина», лично ничего не надо, его цель — довести народ до Учредительного собрания, на котором и будет выбран «уклад новой государственной жизни».

Прямым дополнением к этому «объявлению» стало обращение Корнилова (также написанное Завойко) к же-

лезнодорожникам, имевшее целью парализовать приказы Керенского, требовавшие всеми средствами блокировать движение войск Крымова на Петроград. Корнилов требовал «безусловного исполнения» только своих распоряжений и предупреждал, что в случае неподчинения «будет карать беспощадно».

Оба документа были опубликованы утром 28 августа. Этот момент, вероятно, и следует считать началом корниловского мятежа. До сих пор корниловцы, организуя выступление, имевшее целью ликвидацию большевизма, разгон Советов и реорганизацию Временного правительства на началах диктаторской власти, взаимодействовали с правительством. Конечно, и на том этапе за пазухой у них лежал камень: ясно, что, если бы корниловцам удалось, так сказать, легально добиться своих целей, они бы без особого труда освободились от своего временного попутчика и партнера — Керенского. Но утром 28 августа партнерство было открыто нарушено. Даже поверхностный анализ первых корниловских обращений с несомненностью подтверждает это. Временное правительство было открыто обвинено в предательстве и измене («действует в полном согласии с планами германского генерального штаба»). Поддержка его также объявлялась «изменой родине», подлежащей беспощадной каре.

В этих двух документах в сжатой форме была изложена корниловская идеология, составившая впоследствии основу идеологии «белого дела». Ее главными, ключевыми элементами были великодержавный шовинизм («спасать Россию» приглашались только православные, верящие «в бога, в храмы»), милитаризм (война до победы над «германским племенем»), воинственный антибольшевизм (большевики объявлялись главной опасностью, так как под их влиянием оказались не только Советы, но и... Временное правительство), бонапартизм, «вождизм» (Корнилов брал на себя функцию «спасения страны» и руководства народом), псевдодемократизм, демагогия (указание на народное, крестьянское происхождение «вождя», заявление о том, что народ сам будет решать свои судьбы), сокрытие, отрицание контрреволюционных замыслов (так называемое непредрешенчество, заверение, что цель «вождя» — довести страну до Учредительного собрания).

Возникает важный вопрос: могли ли Корнилов и корниловцы с такой идеологической и политической платформой рассчитывать на успех в той революционной си-

туации, в которой пребывала тогда Россия? В ситуации, характеризовавшейся глубочайшим классовым расколом, острейшей политической борьбой, стремлением рабочего класса, крестьянских и солдатских масс к подлинно демократическим преобразованиям, к миру? Впоследствии, уже после того как корниловский мятеж закончился провалом, общее мнение (в том числе и сочувствовавших Корнилову кадетов) сводилось к тому, что у Корнилова не было шансов: будучи плохим политиком, к тому же окруженный авантюристами, он не учел реальную обстановку, форсировал выступление и потерпел поражение. Постфактум, вероятно, это справедливая оценка, но отсюда еще не следует, что корниловцы, те, кто, по выражению генерала А. Деникина, «дерзнул» и «занес руку» над революционным Петроградом, обрекли себя с самого начала. Мы не должны упускать из виду, что по крайней мере по договоренности с Б. Савинковым (а то и раньше этого) Корнилов мог считать и считал свои действия вполне «легальными», санкционированными правительством. Только рядом непредвиденных обстоятельств (вмешательство В. Львова, антикорниловские действия Керенского) Корнилов оказался как бы «втянутым» в открытый мятеж.

Но, конечно, не это главное, что поддерживало в сторонниках Корнилова веру в успех. Начальник дипломатической канцелярии Ставки, опытный политик князь Трубецкой в телеграмме, посланной в МИД ранним утром 28 августа, указывал на те силы, которые, по его мнению, могли оказать Корнилову широкую поддержку. «Трезво оценивая положение,— писал Трубецкой,— приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону станет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах растущее недовольство существующими порядками, в большинстве же народной и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушие, которое подчиняется удару хлыста». Ничего не скажешь, в этой характеристике положения наряду с явно поверхностными оценками имелись и верные наблюдения. Особенно это касается расчета на эффект «удара хлыста».

Временное правительство за полгода своего правления невероятно утомило, раздражило страну бесчисленными посулами и обещаниями. Экономическое положение непрерывно ухудшалось, что находило выражение в росте безработицы, углублявшемся продовольственном кризисе. На этой почве главным образом в широких мелкобуржуазных слоях населения (но не только в них!) усиливались политическая апатия, неверие в возможность улучшения жизни на послереволюционных, послефевральских путях. Во все времена это становилось хорошей социально-психологической почвой для появления «тоски по прошлому», по старым порядкам, а затем по «порядку» вообще, настроений, которые умело использовала реакция. Тут обычно и возникал «генерал на белом коне» с хлыстом в руках. Разочаровавшаяся в революции, в демократии политическая незрелая масса готова была подчиниться его удару.

Корниловцы, учитывая это, стремились представить себя «партией порядка». Расчет при этом делался и на антантовских союзников, заинтересованных в установлении «твердой власти» в России, прежде всего для активизации ее военных усилий. Союзные представители в Петрограде и в Ставке внимательно следили за развитием событий и, по имеющимся данным, были достаточно хорошо осведомлены о замыслах реакции. Сразу же после Государственного совещания в Лондон и Париж стали поступать сведения о назревающем военном перевороте. Например, в 20-х числах августа в Лондон сообщал об этом посол Д. Бьюкенен и представитель в Ставке генерал Ч. Бартер. Бьюкенен ссылался на побывавшего у него А. Путилова, а Бартер — на самого Корнилова, который конфиденциально довел до его сведения, что в ближайшие дни Петроград будет объявлен на осадном положении.

Консервативная западная пресса развязала откровенно контрреволюционную кампанию. По сообщениям эсеровской газеты «Дело народа», в Англии, Франции и Италии правая печать неоднократно писала то о «здоровом монархическом чувстве крестьянской массы», то о некоей «верной гвардии», то о «консервативном инстинкте казаков», то о «патриотизме действующей армии», которые должны положить предел «зарвавшейся революции».

Симпатии официальных кругов союзников были, конечно, на стороне Корнилова. Английское правительство

приняло решение особой нотой рекомендовать Керенскому прийти к соглашению с Корниловым, но каких-либо практических шагов предпринято не было. В Ставке, однако, существовала полная уверенность, что при успехе переворота союзники будут на его стороне.

28 августа в Ставке казалось, что положение явно складывается в ее пользу. Стали известны телеграммы четырех главнокомандующих фронтами (А. Деникина, В. Клембовского, П. Балуева и Д. Щербачева), решительно высказавшихся против смещения Корнилова с поста Главковерха. Главнокомандующий Северным фронтом Клембовский отклонил предложение Керенского (сделанное после отказа генерала Лукомского) занять место Корнилова. Только главнокомандующий Кавказским фронтом генерал М. Пржевальский и командующий Московским военным округом полковник А. Верховский заявили, что находятся на стороне правительства.

Заручившись поддержкой большинства «старших генералов», Корнилов дал новый телеграфно-пропагандистский залп, обнародовав обращения и воззвания к казакам, к армии и к народу. В воззвании к казакам объявлялось, что Корнилов не подчиняется приказу Временного правительства и «идет против него и против тех безответственных советников его, которые продают родину». Это находилось в полном соответствии с «объявлением» Корнилова, написанным днем раньше, в котором он клеймил Временное правительство как агентуру германского Генштаба. Но в воззваниях к армии и к народу содержалось нечто такое, что у всякого мало-мальски способного мыслить критически по меньшей мере могло вызвать недоумение. В них Корнилов, снимая с себя обвинение в контрреволюционных замыслах, приглашал Временное правительство в Ставку, чтобы здесь совместно с ним «выработать и образовать» новый состав правительства, которое привело бы «народ русский к лучшему будущему». Таким образом, Корнилов выражал готовность вести переговоры с теми, кого он сам объявил... германской агентурой! Это уже свидетельствовало о неразберихе, а то и панике, царивших в Ставке. Сделав решительный шаг по пути разрыва с Временным правительством, Корнилов, видимо, испытывал какие-то колебания, неуверенность, в отдельные моменты словно бы порывался снова ухватиться за правительственное колесо. Объяснялось это, скорее всего, тем, что в Могилеве плохо знали о том, что в это время происходило в Петрограде.

Город затих. Ждали Корнилова; одни с надеждой, другие с ужасом. Наводили панику слухи о вступлении в Петроград какой-то «Дикой» дивизии, состоящей из горских головорезов. Керенский вспоминал, что был момент, когда он практически остался в единственном числе, поскольку создалась такая атмосфера, когда многие полагали «более благоразумным быть подальше от гиблых мест». 28 и первая половина 29 августа стали, по его словам, временем «наибольших колебаний, наибольших сомнений в силе противников Корнилова, наибольшей нервности в среде самой демократии». Вплоть до 29 и даже 30 августа на Керенского шел сильный нажим с целью склонить его к уступкам Корнилову или даже оставить свой пост. Кадетский лидер П. Милюков и срочно вызванный из Смоленска бывший Главковерх генерал М. Алексеев прибыли в Зимний и настойчиво предлагали Керенскому свое посредничество. На одном из заседаний правительства министр юстиции А. Зарудный призывал сделать все возможное, чтобы не допустить столкновения с корниловскими войсками. Выход из положения некоторые министры готовы были видеть в замене Керенского генералом Алексеевым. Но ничего этого в Ставке не знали.

Тут ожидали, что правительственные войска по приказу Керенского и лидеров ВЦИК вот-вот двинутся на Могилев. В связи с этим Корнилов 28 августа приказал объявить Могилев и десятиверстную зону вокруг него на осадном положении. Листовки с приказом, подписанные Корниловым и комендантом Могилева полковником Самариным-Квашниным, были расклеены по всему городу. В силу этого приказа Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов официально должен был прекратить свою деятельность, однако члены Совета работу не свернули.

Гарнизон Могилева, состоявший из трехбатальонного Корниловского ударного полка (командир — капитан Неженцев), пяти сотен Текинского конного полка (командир — полковник Кюгельхен) и Георгиевского батальона (командир — полковник Тимановский), был приведен в боевую готовность [26]. Корнилов устроил смотр могилевским воинским частям. Их вывели на небольшую площадь перед губернаторским дворцом, в котором располагалась Ставка, построили без интервалов. Обойдя фронт, Корнилов приказал окружить его вплотную, а ему принести стул. Вставая на него, оступился и чуть не упал.

В стоявшей рядом группе офицеров кто-то довольно громко сказал: «Плохой знак». Корнилов был неважным оратором: речь его была быстрой, отрывистой. В ней он, в сущности, повторил то, что содержалось в его, написанных Завойко, «объявлениях» и обращениях. Говорил о бессилии правительства, доведшего страну до гибели своим соглашательством с «агентами немцев», о провокации Керенского и, несмотря на это, о своей готовности ликвидировать конфликт путем переговоров с Керенским и другими министрами здесь, в Ставке. «Я — сын казака-крестьянина,— почти кричал Корнилов,— не иду против народа, а стою на страже его благополучия. Кто верит мне, тот пусть идет за мной». Текинцы и корниловцы кричали «ура!»; георгиевцы, уже подвергшиеся революционизированию, встретили речь молчанием. Раздосадованный, недовольный Корнилов ушел во дворец.

В тот же день была направлена телеграмма на Дон в Новочеркасск с предложением донскому атаману А. Каледину открыто поддержать Корнилова. Специального курьера на автомашине направили в Киев. Он вез приказ Корнилова генералу А. Драгомирову, предписывавший ему взять власть в городе в свои руки. Курьер, однако, не добрался до Киева: был арестован по дороге. Главнокомандующему Западным фронтом генералу Балуеву было приказано занять конными частями Оршу и Витебск, чтобы блокировать возможную переброску войск с фронта на помощь Временному правительству.

Все эти телеграммы, обращения и приказы Корнилова дали Керенскому и Временному правительству полное основание публично квалифицировать его действия как восстание против «законной» власти и «измену родине». Днем 28 августа Керенский приказал железнодорожному начальству на фронте и в тылу «никаких распоряжений бывшего Верховного главнокомандующего Корнилова, изменившего родине, открыто восставшего против Временного правительства, не исполнять». Тогда Ставка за подписью Корнилова обнародовала телеграмму, не уступавшую своей категоричностью телеграммам Керенского. «Изменники,— на всю страну заявил Корнилов,— не среди нас, а там, в Петрограде, где за немецкие деньги, при преступном попустительстве власти, продавалась и продается Россия». Корнилов еще раз грозно предупредил, что за всякое неподчинение себе будет «карать беспощадно».

Содержание телеграмм, которыми 27 и особенно 28 августа, как выпадами шпаг, обменивались Керенский и Корнилов, на наш взгляд, полностью раскрывает политический замысел Корнилова. Вопреки утверждениям его многочисленных сторонников (сразу после мятежа и спустя много лет), согласно которым Корнилов «шел» только против большевиков и «Смольного» (штаб-квартира Советов), но отнюдь не против «Зимнего» («штаб» Временного правительства), документы показывают, что конечный замысел Корнилова сводился к «ликвидации» не только «Смольного», но и «Зимнего», т. е. вообще режима керенщины. Меньшевистско-эсеровский «Смольный» был составной частью этого режима, и с «уничтожением» «Смольного», естественно, прекращал свое существование и он сам. Впрочем, Корнилов прямо подтвердил это, когда в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства признал: «Я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1) исключить из его состава тех министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями родины, и 2) перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть. Для оказания давления на правительство я решил воспользоваться 3-м конным корпусом генерала Крымова, которому и приказал продолжать сосредоточение к Петрограду».

Поход генерала Крымова

К тому моменту, когда конфликт между Керенским и Корниловым вырвался наружу, т. е. к 28 августа, корниловские войска, которыми командовал А. Крымов, находились в следующих пунктах. Большая часть эшелонов 1-й Донской дивизии стояла в Пскове. Они могли двигаться к Петрограду по Варшавской железной дороге. Часть эшелонов Туземной дивизии находилась на станции Дно, и их путь к столице должен был проходить главным образом по Витебской железной дороге. Уссурийская конная дивизия стояла в эшелонах близ Великих Лук и Новосокольников; она также могла двигаться по Витебской железной дороге до станции Дно, а затем, чтобы не загружать путь от Дно к Петрограду, должна была повернуть на Псков и через Гдов, Нарву подойти к столице. Таким образом, Донской и Туземной дивизиям

для подхода к Петрограду требовалось пройти 200—250 км, Уссурийской — почти в 3 раза больше (600 км).

Организованного движения по намеченным маршрутам, однако, не получилось. Сказались отсутствие прочной связи со Ставкой, переформирование 3-го конного корпуса в армию, а Туземной дивизии — в корпус прямо «на походе», обычная железнодорожная неразбериха. Части 3-го корпуса и Туземной дивизии эшелонировались на железнодорожных путях в огромном треугольнике: Нарва—Дно—Петроград. Происходила постоянная неупорядоченная передвижка эшелонов. Некоторые полки и сотни отрывались от «своих», отставали или уходили вперед, смешиваясь с частями других дивизий.

Крымов выехал из Могилева к войскам в ночь с 25 на 26 августа, т. е. еще до разрыва правительства и Ставки. Его штаб должен был находиться при 1-й Донской дивизии, эшелоны которой двинулись из Пскова ранним утром 27 августа. К вечеру ее головные эшелоны подошли к Луге. Здесь Крымов и только что назначенный его начальником штаба генерал М. Дитерихс догнали дивизию. Отсюда они решили форсировать движение к Гатчине; и если бы им удалось действовать так, как было запланировано в соответствии с договоренностью Корнилова с Савинковым, 1-я Донская дивизия вполне могла быстро выйти к Петрограду. Но ход событий уже повернулся.

Когда Крымов, ничего не подозревая, позвонил из Луги в Петроград, в штаб округа, ему ответили, что Керенский приказал остановить эшелоны. Крымов решил, что в Петрограде что-то произошло, и Керенский, возможно, уже не у власти. Когда вместе с Дитерихсом он вернулся с переговорного пункта на станцию, они увидели неожиданную картину: казаки высыпали из теплушек, смешались с солдатами Лужского гарнизона, повсюду шли митинги. Прибывший из Петрограда агитатор ВЦИК и агитаторы местного Лужского Совета зачитывали прокламации, объявлявшие о смещении Корнилова, призывавшие железнодорожников останавливать корниловские эшелоны. Они разъясняли контрреволюционные цели Корнилова и других генералов, призывали казаков не допустить покушений на завоевания революции, возврата старорежимных порядков. Царили неразбериха и растерянность...

В штабном вагоне Крымову были вручены две взаимоисключающие депеши. Главнокомандующий Северным фронтом Клембовский передавал приказ Корнилова, что в

случае, если не удастся двигаться к Петрограду по железной дороге, идти туда походным порядком. Другая телеграмма — от Керенского — предписывала задерживать эшелоны, идущие в Петроград, и направлять их «в пункты прежних стоянок». Прибывший из Петрограда комиссар ВЦИК М. Булычев и представители исполкома Лужского Совета требовали от Крымова подчиниться Временному правительству и увести войска. Крымов оказался в тяжком положении. В Псков, в штаб Северного фронта, для выяснения обстановки был направлен Дитерихс. Вскоре от него поступило не очень определенное сообщение, смысл которого можно было понять так, что следует как минимум продолжать концентрацию частей и ждать дальнейших указаний. Но когда днем 29 августа Дитерихс вернулся в Лугу, Крымов сказал ему, что он принял решение «приблизиться к Петрограду». Железнодорожные пути, однако, оказались блокированными: железнодорожники заявили, что, если даже их заставят вывести поезда, они «пожертвуют собой», но устроят крушение. Выгрузив эшелоны, Крымов отвел полки на 10—15 верст от Луги, расположив их в деревнях Стрешево и Заозерье. Отсюда он предполагал дойти до станции Оредеж, где рассчитывал соединиться с частями Туземной дивизии.

29 августа в Стрешево из Ставки наконец «пробился» полковник Лебедев, передавший Крымову боевой приказ: сосредоточить весь корпус вместе с Туземной дивизией, быстро двигаться на Петроград и занять его. По Лебедеву было поручено сообщить в Ставку, что сосредоточение всех частей требует теперь большего времени из-за их разбросанности, порчи путей, противодействия железнодорожников и возможного сопротивления войск Петроградского военного округа, но всем данным остающихся верными ВЦИК и правительству. Ко всему этому Крымов добавил, что у него имеются сведения, что между правительством и Ставкой ведутся какие-то переговоры, и, если эти сведения верны, он, Крымов, не хотел бы брать на себя ответственность за открытие боевых действий. Лебедев выехал из Стрешево, но по дороге был арестован.

В тот же день, 29 августа, из Петрограда к Крымову прибыли два представителя «Республиканского центра» — П. Финисов и полковник Л. Дюсемитьер. Они выехали накануне с фиктивными документами, с трудом нашли его в Заозерье и убеждали без промедления идти на Пет-

роград, поскольку без этого выступление корниловцев в самом городе станет невозможным. В Петроград через Гатчину послали мотоциклиста с шифрованной запиской: «Действуйте немедленно, согласно инструкциям».

Крымов издал приказ, в котором сообщал, что штаб корпуса и штаб 1-й Донской дивизии 31 августа будут находиться в с. Мина, в одном переходе от Царского Села. Штабы Уссурийской и Туземной дивизий должны были войти с ним здесь в связь, чтобы, взаимодействуя, двинуться к Петрограду. Но сомнения, по-видимому, все сильнее терзали Крымова. Самое главное, он не имел устойчивой связи с Туземной и Уссурийской дивизиями. Где же они находились?

Еще 27 августа эшелоны Туземной дивизии со станции Дно начали уходить на Вырицу. Командир дивизии князь Багратион остался в Дно, ожидая прибытия генерала П. Краснова, назначенного новым командиром 3-го конного корпуса (Крымов назначался командующим Петроградской армией). К концу 27 августа в Дно пришли противоречивые телеграммы. Керенский требовал остановить движение войск к столице; Корнилов — не обращать на это внимание и действовать согласно полученным инструкциям. Багратион продолжал двигать свои эшелоны вперед. Выяснилось, однако, что за станцией Семрино железнодорожный путь разрушен. У станции Антропшино между разъездами ингушей и черкесов, с одной стороны, и высланными навстречу отрядами из Павловска и Царского Села — с другой, завязалась перестрелка. Это было, пожалуй, единственным боевым столкновением корниловских и правительственных войск. Однако обе стороны явно не стремились к обострению. Павловские и царскосельские отряды отошли со своих позиций, а командовавший ингушами и черкесами князь Гагарин, убоявшись оторваться от основных сил дивизии и «попасть в мешок», не решился продвинуться вперед.

Эшелоны Туземной дивизии неподвижно стояли в Вырице и Семрино. Сюда уже утром 29 августа прибыли агитаторы ВЦИК и представители Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в эти дни в Петрограде. Делегаты съезда сразу встали на сторону правительства, поскольку в корниловском выступлении усмотрели угрозу реставрации монархии и, следовательно, национальному движению. Между прочим в числе посланцев съезда в Туземную дивизию находился внук Шамиля. На его влияние возлагали особые надежды...

На заседаниях полковых комитетов прибывшие убеждали горцев не принимать участия в надвигающейся гражданской войне, остаться в стороне. В Кабардинском и Осетинском полках началось брожение. Выносились резолюции, требовавшие от командира дивизии Багратиона остановить движение. Дезорганизация и неразбериха усиливались. В таких условиях все еще находившийся в Дно Багратион отдал приказ, согласно которому части дивизии должны были сосредоточиться на станции Вырица, но никаких боевых действий не предпринимать. Это было равно отказу от задачи, поставленной Ставкой: вступить в Петроград и наряду с частями 3-го конного корпуса установить там «твердый порядок».

Головные эшелоны Уссурийской дивизии вместе со штабом и командиром дивизии генералом А. Губиным к 28 августа дошли до Нарвы, где были встречены агитаторами местного Совета и агитаторами, прибывшими из Петрограда. М. Шолохов в «Тихом Доне» с большой художественной силой описал сцену выступления агитатора-большевика И. Бунчука перед казаками, оказавшимися в Нарве.

«В Петрограде вам делать нечего,— говорил Бунчук.— Никаких бунтов там нет. Знаете вы, для чего вас туда посылают? Чтобы свергнуть Временное правительство... Вот! Кто вас ведет? — царский генерал Корнилов. Для чего ему надо спихнуть Керенского? Чтобы самому сесть на его место. Смотрите, станичники! Деревянное ярмо с вас хочут скинуть, а уже если наденут, то наденут стальное!» Корниловский есаул Калмыков пытается парализовать влияние Бунчука. Столкновение их оканчивается трагедией. Бунчук с помощью казаков арестовывает Калмыкова и, когда тот в ярости оскорбляет Ленина и большевиков, расстреливает его на железнодорожных путях. Первые, еще слабые раскаты будущей гражданской войны...

Дальше Ямбурга уссурийским эшелонам пробиться не удалось. Поступили сообщения, что путь впереди разобран. 30 августа общее совещание комитетов частей Уссурийской дивизии вынесло постановление о подчинении Временному правительству. Делегация уссурийцев выехала в Петроград. Ее возглавил войсковой старшина Г. Полковников, которому это скоро зачтется Керенским.

5-я Кавказская казачья дивизия, которая, согласно плану Ставки, должна была двинуться на помощь Крымову из Финляндии, так и осталась на месте. Командир

1-го кавалерийского корпуса, в который входила дивизия, князь Долгоруков выехал из Могилева к месту дислокации дивизии в ночь на 28 августа, но уже в Ревеле был арестован.

Оказалась бездеятельной и корниловская «пятая колонна», состоявшая из членов контрреволюционных организаций и офицеров, направлявшихся в Петроград из Ставки. Контрреволюционные организации должны были выступить в ответ на «большевистское восстание», по данным военной контрразведки якобы предполагавшееся в день полугодовщины Февральской революции — 27 августа. Но в этот день орган ВЦИК «Известия» сообщили, что от большевистского руководства получены категорические заверения, что никаких выступлений большевики «не готовили и не готовят». Таким образом, писали «Известия», если какие-то выступления и произойдут, то они будут «провоцированы исключительно контрреволюционными, правыми организациями».

Действительно, необходимость в «большевистском восстании» у корниловцев была такова, что они планировали даже его имитацию. Корниловская контрразведка в Петрограде, руководимая полковником Гейманом, подготовила на роль «восставших большевиков» председателя Совета «Союза казачьих войск» полковника А. Дутова и его людей из «союза».

Сообщение Керенского, устранявшего Корнилова с поста Главковерха, «хватило» главарей «пятой колонны» «обухом по голове»: они беспечно проводили время в загородном ресторане. Полковники Сидорин и Дюсемитьер предпочли скрыться, прихватив, как говорили, немалые суммы, переданные им через «Республиканский центр».

По-иному произошло с офицерами, командированными в Петроград из Ставки. Еще 22 августа они были вызваны в Могилев с разных фронтов якобы для обучения новым английским системам «минометания» под руководством майора Финлейстейна. Оказалось, однако, что систем этих в Могилеве пока нет (задержались в Архангельске). и тогда-то явилась мысль перебросить собравшихся офицеров в Петроград. По поручению Корнилова им говорили, что там они должны будут «смягчить ужасы надвигающихся событий»: охранять мосты, телеграф, банки и т. д., каждый получит в свое подчинение небольшой отряд (до 10 юнкеров или солдат). 26—27 августа почти все офицеры (более 100 человек) выехали в Петроград, получив по 150 руб. суточных на 10 дней и

адреса явок: Фонтанка, 22, полковник Дюсемитьер; Сергиевская, 46, генерал Федоров (председатель «Военной лиги»), и Главное управление воздухоплавания. Однако большинство офицеров до Петрограда не доехали: их задержали в Вырице, Витебске и Орше. Лишь небольшое число «просочилось» в Петроград, но было уже поздно...

* * *

Крымов в нерешительности стоял под Лугой. Лично он с самого начала был против соглашений с Керенским, с этим, как он называл его, «шарлатаном и прохвостом». На этой почве у него были разногласия с Корниловым, который «допускал возможность выхода из положения с общего сговора с правительством». Разногласия порой принимали довольно острый характер. Крымов, в частности, считал, что Корнилов, запутавшись в поисках компромиссов с правительством, «передерживает» его в Ставке, в то время как он уже давно должен был выехать в войска, предназначенные к движению на Петроград. Ход событий, казалось, подтвердил позицию Крымова. Керенский «предал», обвинил Корнилова в измене; и хотя Корнилов не остался в долгу, Крымов, по всей вероятности, считал, что беды, обрушившиеся на его поход, во многом связаны с неправильной позицией Ставки и самого Корнилова. А когда войска «забуксовали» под Лугой, Семрино и Нарвой, настоящей помощи из Ставки не поступило. Распоряжения, с трудом доходившие до Крымова из Пскова и Могилева, были не вполне четкими, в них ощущалась какая-то неясность, какие-то колебания Ставки. Прочной связи наладить не удавалось. Войска оказались рассредоточенными и деморализованными распоряжениями Керенского и советскими агитаторами. Генерал М. Алексеев позднее свидетельствовал, что «нравственное разложение прочного дотоле корпуса произвело угнетающее впечатление на Крымова».

Легко себе представить состояние Крымова, усугублявшееся еще и тяжелыми обстоятельствами личного характера. В те самые дни, когда он должен был повести войска на Петроград, нарушилась его семейная жизнь: распался брак, что вызвало у него глубокие душевные переживания.

29 и 30 августа Крымов направил в штабы Туземной и Уссурийской дивизий доверенных офицеров с требованием уничтожить все документы, содержащие его прика-

зы о действиях после вступления в Петроград. Фактически это было признанием краха похода...

Еще 28 августа Крымов приказал подполковнику Данильчуку любыми средствами пробраться в Петроград и разыскать там полковника Самарина. Этот Самарин перед Февральской революцией служил начальником штаба Уссурийской казачьей дивизии 3-го конного корпуса, которой командовал Крымов. Крымов полностью доверял ему, и в марте 1917 г. во время своего пребывания в Петрограде «провел» его на должность начальника кабинета военного министра А. Гучкова. Самарину, вероятно, отводилась роль связного между Гучковым и Крымовым, еще в марте 1917 г. замышлявшими контрреволюционный переворот. С приходом в военное министерство Керенского начальником кабинета стал брат его жены — генерал В. Барановский, но Самарин остался в кабинете. Крымов, конечно, знал об этом, и вполне естественно считал, что, посылая Данильчука в Петроград, через Самарина и Барановского сумеет получить информацию о создавшемся политическом положении.

Данильчук, также хорошо знавший Самарина, вечером 28 августа нашел его, рассказал о состоянии войск Крымова, просил ориентировки. На другой день в Лугу Крымову пошла зашифрованная телеграмма, содержание которой неизвестно. Самарин же, как он позднее сообщил А. Деникину, сказал Барановскому, что, если бы такой генерал, как Крымов, хотел взять Петроград, он не «топтался бы около Луги», а уже сидел бы в Зимнем дворце. Самарин предлагал попытаться войти в связь с Крымовым, чтобы найти пути соглашения, и предложил лично поехать в Лугу с условием, что Крымов не будет арестован ни в Луге, ни по приезде в Петроград. Гарантии якобы были даны, хотя Керенский утверждал, что Самарину был вручен ордер на арест Крымова. Поездку Самарина санкционировал и генерал Алексеев. «Пусть переговорит со мной, и тогда все разъяснится к общему благу»,— сказал он.

Самарин выехал на рассвете 30 августа в сопровождении подполковника Данильчука и поручика Данилевича. Крымова нашли в Заозерье. Данильчук сообщил о положении в Петрограде. Самарин, по его словам, перечислил имена больших генералов, уже перешедших на сторону правительства, и передал пожелание Керенского, чтобы Крымов «под честное слово» прибыл в Петроград. Крымов собрал офицеров штаба, и было решено, что он и

Дитерихс поедут в Петроград. Интересно, что тут же решили, что одновременно в город «просочатся» 25 офицеров и урядников.

Вечером 30 августа Крымов, Дитерихс, Самарин и Данилевич на автомобиле тронулись в путь. Корнилов в Ставке не знал об этом. Вечером же 30 августа, когда Крымов и его спутники уже были в пути, он направил в Лугу офицера с письмом, в котором интересовался «дальнейшими шансами на возможность крепкого нажима» теми силами, которые имелись у Крымова. Он также требовал действовать в духе отданных им инструкций...

Отъезд Крымова в Петроград, несомненно, нанес всему корниловскому движению тяжелый удар. Командир 1-й Донской дивизии генерал А. Греков, оставшись без командира корпуса, некоторое время еще продолжал движение войск к станции Оредеж, но это была уже инерция. Когда в штаб дивизии из Луги прибыли представители ВЦИК и Временного правительства, Греков сразу же капитулировал. Он уверял, что Крымов скрывал от него антиправительственные цели похода и он, Греков, вообще ничего не знал. Комиссар ВЦИК Булычев сообщал в Петроград, что в словах Грекова чувствовались «полная растерянность и желание подделаться...».

* * *

Между тем утром 31 августа Крымов прибыл в Петроград и в 12 часов дня был принят Керенским в Зимнем дворце. По воспоминаниям присутствовавших, разговор велся в довольно резких тонах. Раздраженный Керенский требовал, чтобы Крымов откровенно сообщил ему подлинные цели движения его войск к столице. Крымов уверял, что действовал в соответствии с приказом, который, как он полагал, был согласован с правительством. Тогда Керенский попросил передать ему документы, имеющиеся у Крымова. Среди них был приказ № 128 по 3-му конному корпусу. В нем сообщалось что в Петрограде распространяются слухи, будто войска Крымова идут в Петроград якобы «для изменения существующего строя». Приказ опровергал это и разъяснял, что задача войск — покончить с бунтами, потрясающими город, и установить там «твердый порядок» по распоряжению генерала Корнилова, который объявлялся «несменяемым». Приказ был отдан 29 августа, т. е. спустя два дня после того, как Корнилов официально был смещен с поста Верховного главнокомандующего. Это означало, что

Крымов в разгоревшейся борьбе правительства и Ставки остался на ее стороне и шел на Петроград вопреки уже известной ему воле правительства. В то же время приказ Крымова был составлен так, чтобы не дать возможности обвинить его автора в прямом призыве антиправительственного характера. Возможно, эта «маскировка» и взорвала Керенского. «Вы, генерал, очень умны, я давно слышал, что вы умный,— зло говорил он.— Но этот приказ так скомбинирован, что он не может служить вам оправданием».

Крымов отрицал свою причастность к намерению свергнуть правительство, клялся, что всегда работал «для государственного порядка» и именно ради него шел в Петроград.

К тому времени, когда Крымов явился в Петроград, по распоряжению Керенского уже действовала Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Она возглавлялась военно-морским прокурором И. Шабловским и включала в себя трех членов: военных юристов полковника Р. Раупаха, полковника Н. Украинцева и следователя Н. Колоколова (затем комиссия была пополнена другими членами). Шабловский вошел в кабинет Керенского как раз в тот момент, когда там на высоких тонах шел разговор о сущности крымовского приказа № 128 и других его распоряжений (приказы о вступлении частей в Петроград, распределении их по районам, введении комендантского часа, военно-полевых судов и т. п.).

«Вот приказ генерала Крымова, полюбуйтесь!» — обратился Керенский к Шабловскому. Тот взял бумаги, сказал, что приобщит к делу и разберется. «Вы поступаете в распоряжение председателя комиссии»,— сказал Керенский. Крымову и его начальнику штаба генералу М. Дитерихсу тут же были вручены «предписания», согласно которым они должны были отправиться в следственную комиссию «для дачи показаний». Шабловский попросил Крымова явиться к нему вечером в здание Адмиралтейства. Однако в назначенный час Крымов не явился.

Во второй половине дня 31 августа в одной из комнат квартиры ротмистра Журавского в доме № 19 на Захарьевской улице неожиданно прогремел выстрел. Когда прибежавший Журавский рывком распахнул дверь, он увидел: его гость, только что приехавший из Зимнего дворца от Керенского генерал Крымов, в какой-

то неестественной позе сидел на диване, большое, грузное тело накренилось вбок, голова была безжизненно откинута назад. Журавский трясущимися руками рванул на груди Крымова френч и с ужасом увидел, как на рубашке, быстро расширяясь, проступало кровавое пятно. Затравленно оглянувшись, Журавский только теперь заметил валявшийся на ковре подле дивана пистолет...

Крымова, который был еще жив, срочно доставили в Николаевский военный госпиталь, но было уже поздно: он скончался через несколько часов. Хоронили его без воинских почестей, при погребении присутствовали лишь несколько человек...

Смерть Крымова вызвала в Петрограде различные толки и слухи. Говорили даже, что никакое это не самоубийство, что во время встречи Крымова с Керенским произошел скандал со взаимными оскорблениями и присутствовавший в кабинете Б. Савинков застрелил генерала. Но Крымов оставил два письма, адресованные жене и Корнилову. Письмо жене, впрочем, мало о чем говорило. Крымов писал, что решился покончить с собой, будучи не в силах пережить позора возможного над ним суда. О чем шла речь в пространном письме Корнилову, срочно доставленном в Ставку адъютантом Крымова подъесаулом Кульгавовым, не будет известно никогда. Позднее генерал А. Лукомский вспоминал, что он вошел в кабинет Корнилова как раз в тот момент, когда из него выходил Кульгавов, только что прибывший из Петрограда. Корнилов сидел за столом и читал какие-то бумаги. Лукомский тихо спросил: «Ваше превосходительство, что в письме Крымова?» Корнилов угрюмо молчал и лишь на повторный вопрос ответил как бы нехотя: «Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет». И никогда впоследствии Корнилов не вспоминал о крымовском письме. Это молчание само по себе красноречиво. Можно предположить, что Крымов перед смертью высказал Корнилову какие-то резкие и горькие слова...

Крымов унес в могилу многие из тайн подготовки заговора и подлинных намерений сторон. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Керенский показывал, что, когда стало известно, что Крымов застрелился, один из его «офицеров» — князь Багратион якобы с облегчением сказал: «Ну, теперь все концы в воду...»

«Безболезненная» ликвидация Ставки

Выстрел на Захарьевской 31 августа лишь символизировал конец корниловского путча. Его провал обозначился днем раньше, 30 августа. Именно в этот день стало уже ясно: войска Крымова в Петроград не войдут. Теперь перед Керенским, одержавшим победу только благодаря тому, что, сделав крен влево, он получил мощную поддержку со стороны революционно-демократических организаций (Советов и др.), встала проблема, может быть, не менее сложная, чем борьба с корниловщиной. Суть этой проблемы весьма образно выразил генерал М. Алексеев, которого Керенский 31 августа назначил начальником штаба Ставки. Прибыв на другой день в Могилев, Алексеев в разговоре по Юзу с начальником военного кабинета Керенского В. Барановским сказал: «С глубоким сожалением вижу: мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, является неоспоримым фактом». На другом конце провода Барановский оптимистически заверил: «Бог даст, из цепких лап Советов... мы уйдем».

Действительно, борьба с корниловщиной вдохнула жизнь в угасавшие после июльских событий Советы. Еще 28 августа ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком Советов крестьянских депутатов эсеро-меньшевистским большинством принял резолюцию о полной поддержке правительства в борьбе с корниловским заговором. В то же время ВЦИК создал собственный центр для борьбы с корниловщиной. Большевики голосовали против меньшевистско-эсеровской резолюции о поддержке Керенского, но выразили готовность вместе с другими социалистическими партиями и революционно-демократическими организациями вступить в этот центр — «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». Однако, сотрудничая с ними в борьбе против общего врага — корниловщины, большевики сохраняли и отстаивали собственную, самостоятельную политическую линию. Находившийся в Финляндии В. И. Ленин писал: «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость» [27]. В. И. Ленин разъяснял, что Керенский, боясь самодеятельности революционных масс и их организаций, не решится вести борьбу с корниловской контрреволюцией по-революционному и пото-

му большевики должны сделать все, чтобы вовлечь в эту борьбу самые широкие массы. Только в этом — гарантия победы над корниловщиной и гарантия предотвращения ее новых, повторных выступлений.

По общему признанию, большевики были наиболее активной силой общедемократического фронта, сложившегося снизу в последние августовские дни. Как несколько позднее писал В. И. Ленин, этот союз — союз большевиков с меньшевиками и эсерами — успешно прошел испытание на антикорниловском фронте: он «дал... полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что гражданская война *с этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого-то ни было „боя“» [28]. Увы, этот союз просуществовал недолго...

Революционный авторитет Советов восстанавливался с невероятной быстротой, что нашло выражение в процессе их ускорившейся большевизации. Уже 31 августа Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые принял большевистскую резолюцию «О власти», требующую создания Советского правительства. За ним последовали Московский и другие Советы...

Выходило так, что Керенский, еще не успевший ликвидировать корниловское выступление, уже оказался перед лицом растущей мощи Советов. Ему теперь предстояло вести борьбу на два фронта: против отступающей корниловщины и одержавшей победу наступающей советской демократии, в которой все большую роль играли большевики. И Керенский повел сложную игру, в которой было больше политиканства, чем политики.

Жестом налево, в сторону Советов, стало удаление с политической арены Савинкова и Филоненко — двух ключевых фигур, которые являлись соединяющим звеном в сделке между Керенским и Корниловым. Им не помогла и бурная антикорниловская активность, которую они было развили, убедившись в поражении Ставки: оба в своих воззваниях клеймили Корнилова как мятежника, стремящегося свергнуть Временное правительство и «восстановить старый строй».

31 августа Филоненко был снят с поста «комиссарверха», а Савинков уволен в отставку с постов генерал-губернатора и управляющего военным министерством.

ЦК партии эсеров потребовал от него объяснений по поводу причастности к «корниловскому делу». Когда в ответ Савинков заявил, что у него есть основания политически не доверять некоторым членам ЦК, он был исключен из эсеровской партии.

Карьера же Филоненко после корниловщины практически кончилась. Еще раз имя его мелькнуло в послеоктябрьские дни, когда он оказался замешанным в попытке организации антисоветских мятежей некоторых полков, расквартированных в Петрограде. Вскоре через Архангельск он бежал за границу. Через 29 лет Филоненко появился снова, но уже как адвокат в парижском суде, рассматривавшем дело об исчезновении главы белогвардейско-монархического «Российского общевоинского союза» генерала Е. Миллера. Обвиняемой была известная певица Н. Плевицкая, жена бывшего командира Корниловского полка генерала Скоблина. В дальнейшем Филоненко, по имеющимся сведениям, эмигрировал в США.

Демонстративно «левым жестом», предназначенным засвидетельствовать отмежевание Керенского от корниловщины, стало объявление России республикой, несмотря на то что это являлось прерогативой Учредительного собрания. В начале сентября из тюрьмы под залог были выпущены Троцкий и другие большевики, арестованные в июле. Но Ленин и Зиновьев по-прежнему должны были оставаться в подполье...

Жестом вправо стало назначение начальником штаба Ставки (после смещения Корнилова, Лукомского и др. со своих постов за участие в мятеже) генерала М. Алексеева. Выражаясь его же словами, он должен был помочь Керенскому уйти от «цепких лап Советов», так же как благодаря Советам он, Керенский, только что ушел от «цепких лап» генерала Корнилова.

Мы уже писали, что в критический момент корниловского путча, когда исход его был еще неясен, в кадетских кругах возникла идея вообще заменить Керенского Алексеевым. Считали, что это будет способствовать быстрейшей ликвидации конфликта. Посредником стал П. Милюков. Он сам направился к Алексееву уговаривать его возглавить правительство. Алексеев, по всем данным бывший в курсе подготовки корниловского выступления, согласился. Он руководствовался не только стремлением во что бы то ни стало уладить конфликт между правительством и Ставкой, но, пожалуй, глав-

ное — максимально оградить Ставку от неизбежных потрясений, связанных с провалом мятежа.

Однако из этого замысла ничего не вышло. Керенский, поняв, что самое страшное для него уже позади, не намеревался расстаться с властью. Однако Алексеев был нужен ему как человек, в котором явные и скрытые корниловцы (как, впрочем, и весь правый лагерь) видели своего рода заложника — свидетельство «истинно государственных», а не просоветских намерений правительства. И Керенский предложил Алексееву заместить Корнилова на посту Верховного главнокомандующего. Алексеев решительно отказался, но согласился стать начальником штаба Ставки при Верховном главнокомандующем... Керенском (приказ по армии и флоту о назначении Керенского Главковерхом был объявлен 30 августа) и с условием «преемственного и безболезненного» перехода Ставки в новые руки.

Позднее, в Добровольческой армии, а затем и в эмиграции, согласие Алексеева на предложение Керенского вызывало к нему недоброжелательное отношение в среде «твердых корниловцев». Дочь Алексеева В. Борель в письме к Деникину (апрель 1923 г.) решительно возражала против самой мысли о том, что «папа был против генерала Корнилова». По его собственным рассказам дочери, он (Алексеев) был «посвящен в дела предполагавшегося выступления» и являлся «хотя и пассивным, но все же участником». Он говорил также, что, если бы стал главой правительства, оставил бы Корнилова на посту Верховного. Принимая же должность начальника штаба, он руководствовался лишь одним желанием: «спасение Корнилова и всех иже с ним».

Корнилов и Лукомский сообщали из Ставки, что готовы принять Алексеева как «полномочного руководителя армий», но требовали, чтобы никаких войск из других пунктов к Могилеву «не подводилось» и в Могилев «не вводилось». Лукомский уверял, что Корнилов не собирается превращать Могилев в крепость и отсиживаться в ней. А ведь еще несколько дней назад в своих воззваниях и обращениях Корнилов клятвенно заверял, что предпочтет смерть устранению от должности Верховного главнокомандующего...

Настроение в Ставке в самом деле было пораженческим. Корнилов находился в подавленном состоянии, спрашивал у адъютанта Хана Хаджиева, что же будет дальше? Тот отвечал: «Все к лучшему, ваше превосхо-

дительство. Кисмет (судьба), от нее не уйдешь». Жена, дочь и маленький сын Корнилова плакали. Сохранялась, однако, надежда на генерала Алексеева и Чрезвычайную комиссию, председатель и члены которой (это не являлось тайной для генералов в Ставке) в душе сочувствовали корниловцам, а полковник Раупах через Главный комитет офицерского «союза» был напрямую вовлечен в корниловский заговор...

Ранним утром 31 августа Алексеев должен был выехать в Могилев в сопровождении назначенного ему в помощники «по гражданской части» близкого друга Керенского В. Вырубова. Тем временем за спиной Алексеева Керенский осуществлял перестраховочный маневр. Через комиссара Западного фронта В. Жданова он отдал приказ сформировать в Орше отряд для блокирования возможного наступления корниловских войск, а в случае необходимости и для движения его на Могилев. 29—30 августа этот отряд уже был сформирован членом временного ревкома Западного фронта полковником А. Коротковым. Всего он насчитывал 3 тыс. штыков, 800 сабель, 2 полевые батареи, 30 пулеметов. В ночь на 1 сентября Коротков получил от Керенского новый приказ: двинуть подчиненный ему отряд на Могилев и арестовать там Корнилова, Лукомского, других генералов и офицеров, обвиненных в заговоре и мятеже.

Это было нарушением договоренности Керенского с Алексеевым и Алексеева с Корниловым, в соответствии с которой никакие войска не должны были подводиться к Могилеву или вводиться в него, т. е. договоренности о мирной «ликвидации» корниловской Ставки. Керенский не доверял Алексееву? Нет, дело было в другом. Формированием отряда Короткова и его движением на Могилев Керенский, вероятно, рассчитывал рассеять недовольство революционных кругов, подозревавших его в том, что назначением Алексеева он пытается «замять» корниловское дело, спустить его на тормозах.

Выполняя приказ Керенского, Коротков двинул авангард отряда к Ставке; авангард занял станцию Лотва, в 20 км от Могилева.

Помимо Короткова, по словам Алексеева, объявился еще один претендент на то, чтобы «лично пожать лавры подавления восстания в Могилеве»,— командующий Московским военным округом генерал Верховский. В разговоре с Алексеевым по Юзу Верховский грозил немедлен-

но двинуть на Ставку подчиненные ему войска. Алексееву потребовалось немало сил, чтобы «угомонить его».

Днем 1 сентября Алексеев прибыл в Оршу и, как отмечал впоследствии в своем отчете Коротков, «остался очень недоволен». Он тут же убыл в Могилев, откуда телеграфировал Короткову: «Дела в Могилеве окончены и не требуют присылки войск. Задержите части вашего отряда на местах...» О том же Алексеев телеграфировал и Керенскому.

Мавр сделал свое дело, мавр мог уйти. И когда Алексеев, официально став начальником штаба Ставки, 2 сентября приказал Короткову расформировать его отряд и дать полный отчет о своей деятельности, ни Вырубов, ни Керенский не препятствовали этому. Но, лишь связавшись с находившимся в Могилеве Шабловским и узнав, что Корнилов и другие генералы арестованы и «окарауливаются георгиевским батальоном», Коротков «сдал дела». 3 сентября отряд был расформирован, а сам Коротков, получив благодарность Керенского, выехал в Минск. «Коротковская эпопея» закончилась.

2 сентября в Могилев прибыли члены Чрезвычайной комиссии И. Шабловский, Н. Украинцев, Р. Раупах и Н. Колоколов. В тот же день генералы Корнилов, Лукомский, Романовский и др. были официально взяты под арест. Когда Шабловский и др. вошли в огромный кабинет Корнилова, он поднялся из-за стола и пошел им навстречу. «Во всем его лице,— вспоминал Н. Украинцев,— и особенно в маленьких темных глазах светилась лукавая усмешка: не то ему было смешно, что его, Верховного главнокомандующего, допрашивают в качестве обвиняемого такие скромные люди, не то ему было забавно, что он попал в такую историю». Но это, по-видимому, была маска. По некоторым воспоминаниям, перед приездом Алексеева и членов комиссии Корнилов говорил о самоубийстве.

Он сразу же заявил, что действовал «с ведома правительства», в частности самого Керенского и Савинкова. Через несколько дней по просьбе комиссии он представил свое пространное «показание», которое отвергало предъявленное ему обвинение в заговоре и мятеже. Комиссия готова была принять эту версию, хотя, как пишет Н. Украинцев, тот же Р. Раупах доподлинно знал, что «Ставка бесспорно имела какие-то враждебные правительству намерения».

В первые дни сентября были арестованы и те люди

из ближайшего окружения Корнилова, которые по разным причинам покинули Ставку еще до приезда Алексеева. В Орше арестовали председателя Главного комитета «Союза офицеров» полковника Л. Новосильцева, в Гомеле — «самого» Завойко, пробиравшегося на Дон. Еще 30 августа ему выдали документы на чужое имя и вручили личное послание Корнилова атаману Каледину. В нем сообщалось обо всем случившемся и содержалась просьба «надавить» на правительство. Ответ Каледина Корнилов ожидал к 3—4 сентября. Завойко выдал шофер автомобиля, на котором он ехал через Гомель. По получении сообщения о его аресте Керенский приказал немедленно доставить Завойко в Петроград в сопровождении «усиленного конвоя».

Вначале Корнилов и другие ставочные генералы и офицеры (арестован был почти весь состав Главного комитета «Союза офицеров») содержались в гостинице «Метрополь», а затем были переведены в маленький городок Быхов, в 50 км от Могилева. Здесь их поместили в здании женской гимназии, размещавшейся в бывшем католическом монастыре.

В конце сентября быховская тюрьма пополнилась еще семью арестованными. В Бердичеве в первых числах сентября были арестованы главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А. Деникин и генералы его штаба С. Марков, Ванновский, Эрдели и др., открыто поддержавшие Корнилова. Им грозил солдатский самосуд, и лишь срочный приезд в Бердичев членов Чрезвычайной следственной комиссии фактически спас их от жестокой расправы. Когда члены комиссии вошли в карцер к Деникину, он встретил их у заправленной по всем правилам койки, руки по швам. Как и Корнилов, Деникин решительно отрицал «конспирацию против Временного правительства». Под усиленным конвоем, сквозь негодующую, ревущую толпу солдат Деникина и других бердичевских арестантов доставили в поезд и перевезли в Быхов. Теперь в ожидании суда здесь находились 32 человека. Внутреннюю охрану несли всадники личного конвоя Корнилова — Текинского полка, внешнюю — солдаты Георгиевского батальона...

Алексеев выполнил задачу, поставленную перед ним Керенским, но он испытывал чувство досады и раздражения. Он сознавал, что оказался в руках Керенского, которого ненавидел и презирал, простым орудием, чуть ли не пешкой. Так же смотрел на эту роль и Корнилов,

хотя он не мог не сознавать, что именно Алексеев сделал все, что мог, для того чтобы ликвидация мятежной Ставки прошла как можно «безболезненней». 5 сентября, через несколько дней после ареста Корнилова и др., Алексеев подал в отставку. В своем рапорте он писал: «Страдая душой, вследствие отсутствия власти сильной и деятельной, вследствие происходящих отсюда несчастий России, я сочувствую идее генерала Корнилова и не могу пока отдать свои силы на выполнение должности начальника штаба». Примерно через неделю, уже вернувшись в Петроград, он написал конфиденциальное письмо П. Милюкову. В этом письме Алексеев прямо указывал, что «дело Корнилова» не было делом «кучки авантюристов», что в него замешаны широкие круги «общественности». Теперь, когда сотни корниловских офицеров уволены, скрылись или арестованы, эта «общественность» обязана помочь им морально и материально. Алексеев просил Милюкова содействовать кампании по реабилитации корниловцев «в честной прессе» и через «господ Вышнеградского и Путилова» организовать сбор средств (300 тыс. руб.) для них и их семей. В противном случае, предупреждал Алексеев, Корнилов «вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и их участие...».

Письмо было послано с доверенным лицом, но не дошло до адресата. Милюкова в Петрограде не оказалось, и оно было передано либо Ф. Кокошкину, либо Ф. Головину (оба — видные кадеты). Через три месяца, в декабре 1917 г., неизвестным путем оно попало в редакцию «Известий» и было там напечатано в статье «Участники корниловского заговора». По инерции еще работала Чрезвычайная комиссия Временного правительства по делу генерала Корнилова, хотя самого Временного правительства уже не существовало. В Новочеркасск, где тогда находился генерал Алексеев, пошел запрос: что он, Алексеев, конкретно может сообщить об участии Вышнеградского и Путилова в корниловском деле? Но для Алексеева все это уже не представляло никакого интереса. Огромные перемены произошли со времен корниловщины. Теперь здесь, в Новочеркасске, он вместе с Корниловым формировал Добровольческую армию. Вызванный к новочеркасскому следователю, он показал, что ничего не знает о причастности Вышнеградского и Путилова к корниловскому делу.

Письмо Алексеева важно в другом отношении: оно

обнаруживает тесную связь ликвидации «дела Корнилова», которую проводил Алексеев в должности начальника штаба Ставки, с формированием Добрармии в Новочеркасске. Вряд ли Алексеев мог угрожать корниловскими разоблачениями на ожидавшемся суде без согласия на то самого Корнилова. Письмо было, по-видимому, инспирировано Корниловым в те дни, когда Алексеев с прибывшей в Могилев Чрезвычайной следственной комиссией «безболезненно» ликвидировал Ставку, или вскоре после того.

После отставки с поста начальника штаба Ставки Алексеев не отошел от дел. Избранный в Предпарламент, он вскоре приступил к собиранию офицерских и юнкерских кадров. Так возникла конспиративная «алексеевская организация», о которой и теперь мы знаем очень немногое. Но несомненно, пожалуй, одно: эта организация, опиравшаяся главным образом на октябристско-кадетское «Совещание общественных деятелей», явилась посредническим звеном между корниловщиной и «белым движением» на юге России...

* * *

Керенский победил. Все его противники, претендовавшие на лидерство в правом лагере, были устранены. Колчак еще до корниловского мятежа был отправлен в Америку; Корнилов, Деникин и другие генералы находились в «быховской тюрьме»; Алексеев, чувствовавший себя обиженным и обманутым, ушел в отставку. Из всех названных только тень Корнилова преследовала Керенского всю его долгую жизнь. Как для горьковского Клима Самгина, сознававшего свою вину в гибели товарища в ледяной проруби, мучительно звучали чьи-то слова: был ли мальчик, а может, мальчика-то и не было, так и Керенского навязчиво терзали голоса, утверждавшие, что никакого корниловского заговора не существовало, что он, Керенский, двурушнически спровоцировал выступление Корнилова, а затем предал его, чем и открыл дорогу большевикам. Доказательство существования заговора Корнилова стало идефикс Керенского. Только оно, казалось ему, может снять с него ответственность перед историей за то, что произошло позднее,— дальнейший рост «революционной анархии» и конечную победу Октября.

Еще весной 1918 г., находясь в Советской России, Керенский тщательно прокомментировал свои показания

Чрезвычайной следственной комиссии и издал их отдельной книгой (Дело Корнилова. М., 1918), чтобы раскрыть реальность корниловского заговора. Четырежды затем он возвращался к этой теме: в 1923—1924 гг., в связи с выходом в Париже 2-го тома «Очерков русской смуты» А. Деникина; в 1937 г., когда русская эмиграция отмечала 20-летие революции; в середине 50-х годов, уже в связи с ее 40-летием, и, наконец, в своей последней книге «Россия и новоротный пункт истории» (Нью-Йорк, 1965). Самым тщательным образом собирал Керенский малейшие доказательства в пользу существования заговора и мятежа Корнилова. Любые возражения раздражали его, вызывали приступы гнева. Кажется, что и в могилу он сошел, угасающим слухом улавливая вопрос: а был ли заговор, а может, заговора-то и не было?

Еще и сегодня в зарубежной историографии идет спор о корниловском выступлении. Было ли оно действительно результатом конспиративного заговора правых сил? Явилось ли следствием вероломности Керенского, неожиданно разорвавшего соглашение о совместных действиях с Корниловым? Стало ли плодом недоразумения, вызванного главным образом неуклюжим вмешательством В. Львова? На все три вопроса, по-видимому, следует дать положительный ответ. В корниловском выступлении сказались и «недоразумения», и подозрительность, и вероломство Керенского, и другие «субъективные» факторы. Но все это могло проявиться только при наличии реальных контрреволюционных замыслов, которые вынашивались в тех кругах, где ненавидели революцию, демократию и самою керенщину.

Утерянные шансы

В многочисленных обращениях и приказах Корнилов заявлял, что свою борьбу он вел и ведет за спасение России от «разрухи и развала». Но история сыграла с ним злую шутку. Получилось наоборот: корниловское выступление лишь привело к стремительному нарастанию тех самых «разрухи и развала», с которыми Корнилов намеревался покончить. Иначе и не могло произойти. Массы увидели в корниловском выступлении реальную угрозу революционным, демократическим завоеваниям, реальную попытку военной и «гражданской» реакции вернуть старый режим. Ответом стал бурный

рост революционного движения, в ряде случаев стихийного, анархического. Революция не святочный дед, явившийся для того, чтобы раздать всем долгожданные подарки. В нее втягиваются миллионные массы людей, озлобленных невероятной нищетой, бессовестным угнетением, подавлением личности. Революция — это своего рода социальный реванш обездоленных и униженных, реванш, который не может не сопровождаться проявлениями жестокости и беспощадности.

Многие генералы и офицеры в результате корниловщины полностью потеряли былой авторитет, попали под подозрение солдат и низовых комитетов. Участились случаи убийства офицеров. Неподчинение их приказам и распоряжениям становилось теперь чуть ли не нормой. Дезертирство достигло небывалых размеров. Под разными предлогами покидали фронт, да и тыловые части офицеры. Армия разваливалась.

Масса солдат хлынула в города и особенно в деревни. Здесь начался стихийный дележ земли помещиков и кулаков. Заполыхали имения, усадьбы. Сельские органы самоуправления, созданные после Февральской революции, оказались бессильными справиться с пожаром настоящей крестьянской войны.

Резко ухудшилось положение и в городах. Временное правительство, сотрясаемое почти непрерывными кризисами, так и не сумело справиться с экономической разрухой. Продовольственное положение в городах ухудшилось, росла безработица, поскольку из-за недостатка сырья многие заводы и фабрики закрывались. Усилились проявления бандитизма и других уголовных преступлений, с которыми милиция Временного правительства справиться не могла.

Таковы оказались последствия попытки контрреволюции путем военного заговора и путча установить в стране «твердый порядок». По выражению одного из современников, к осени 1917 г. страна являла собой «взбаламученное море темной стихии российской действительности». Контрреволюция обвиняла в этом революцию, но революция лишь обнажила, раскрыла язвы прошлого. Страну действительно нужно было спасать. Но кто и как мог это сделать?

Правые, прокорниловские силы в конце августа — начале сентября пережили свою «Нарву». Нет, они не перестали мечтать о «Полтаве», но пока, несомненно, пребывали в шоке. Для новой попытки установления

контрреволюционного «порядка» сил у них теперь не было.

Кадеты, сочувствовавшие корниловщине и поощрявшие ее, оказались в глазах масс скомпрометированными. Они, по определению кадета И. Гессена, находились в состоянии «сильной депрессии»; многие их лидеры, наиболее вовлеченные в корниловщину, сочли наилучшим вообще на время исчезнуть из Петрограда, отойти в тень.

На политической авансцене остались меньшевики и эсеры, еще контролировавшие некоторые Советы и ВЦИК Советов, которые вынесли основную тяжесть борьбы с корниловщиной. В то же время на эту авансцену стремительно выходили большевики, проявившие себя в корниловские дни наиболее энергичными и последовательными защитниками революции. Ряд Советов быстро большевизировался. Короче говоря, политический маятник резко качнулся влево. Это значит, что организующее начало, способное справиться с тяжелейшими проблемами, с которыми столкнулась страна, могли теперь составить только левые, социалистические элементы.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, В. И. Ленин, большевистское руководство выразили готовность пойти на компромисс с меньшевиками и эсерами. Как разъяснял В. И. Ленин в статье «О компромиссах», он состоял в том, что большевики отказались бы от своего требования немедленного «перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам», а меньшевики и эсеры согласились бы «составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами» [29]. В. И. Ленин считал, что создание такого правительства будет означать значительный шаг в деле дальнейшей демократизации страны, такой демократизации, которая позволит большевикам «вполне свободно агитировать за свои взгляды» [30]. «*Нам*,— писал В. И. Ленин,— бояться, при действительной демократизации, нечего, ибо жизнь за нас...» [31]

Большевики, таким образом, готовы были совершить новый (после июльских событий) глубокий поворот, в сущности возвратиться к программе «Апрельских тезисов» — программе мирного демократического развития революции. Это был честный ход, продиктованный интересами развития революции, и ничего больше.

Наступил момент, когда почти все зависело от руко-

водства меньшевиков и эсеров: поддержи они большевистское предложение — и революция пошла бы не тем тяжелым путем, которым она пошла в действительности. Во всяком случае (Ленин был в этом убежден), гражданская война с ее страшными потерями и последствиями не стала бы неизбежной.

Увы, в приписке к той же статье «О компромиссах» В. И. Ленин вынужден был констатировать, что «предложение компромисса уже запоздало», что дни, когда «стала возможной дорога мирного решения, *уже* миновали» [32]. Меньшевистско-эсеровское руководство фактически отклонило предложенный им компромисс. Почему? В чем была причина этого, в сущности, рокового шага?

Когда над демократическими завоеваниями революции нависла реальная угроза со стороны правых, корниловских сил, меньшевики и эсеры, казалось бы, проявили готовность разорвать наконец блок с буржуазными партиями, с кадетами, связанными с корниловцами, и отмежеваться от них (именно этот ключевой момент и создавал политическую почву для компромисса большевиков с ними). Но корниловщина рухнула, страх перед контрреволюцией стал испаряться; однако вместо него росло опасение перед развернувшейся большевизацией масс, большевизацией Советов: уже 31 августа Петроградский Совет впервые принял большевистскую резолюцию, а в первых числах сентября за ним последовали Московский и некоторые другие Советы. Такая перспектива — потеря большинства в Советах,— естественно, не устраивала меньшевиков и эсеров. Ленинский компромисс они посчитали «ловушкой». Но дело было не только в этом. За большевиками им виделась «темная» (преимущественно крестьянская и солдатская) масса, несущая в себе черты бескультурья, озлобления, забитости, суеверия, вынесенные из прошлого. Казалось, что давление этой «массы» сметет ростки демократического строя, с таким трудом всходившие в России.

В этом, конечно, была своя правда, но те, кто так считал, не понимали или не хотели понимать другой правды. В обстановке, когда социальные, классовые конфликты обострились до предела, стремление смягчить, притупить их за счет жизненных интересов «нижних» слоев общества могло вызвать там лишь неудовлетворенность революцией и, как следствие, дать новые шансы ее врагам, новой корниловщине. Страшась возможных «издержек» революции, меньшевики и эсеры фактически

рисковали ей самой. Во время революции нельзя было стоять на месте. Следовало идти вперед, чтобы не быть вынужденными откатываться назад.

Возможность создания власти большевизирующимися Советами меньшевистско-эсеровскими лидерами была отвергнута. В февральские дни они не остановились перед передачей власти буржуазии, в сентябрьские дни не решились передать власть пролетариату и крестьянству, хотя и считали себя выразителями их интересов.

Меньшевистско-эсеровское руководство поддержало Керенского, когда 2 сентября он создал Директорию — «Совет пяти», в который вошли «беспартийный» М. Терещенко, меньшевик А. Никитин и двое военных — генерал А. Верховский и адмирал Д. Вередеревский. Формально в этом «Совете» кадеты отсутствовали, и меньшевики и эсеры «со спокойной совестью» выразили ему свою поддержку. Однако главный их политический замысел, обращенный в будущее, был направлен на то, чтобы путем создания некоего широкого, «общедемократического» органа исключить возможность перехода власти к Советам. На одном из заседаний ВЦИК на голосование были поставлены две резолюции: большевистская «О власти», с требованием передачи власти Советам, и меньшевистско-эсеровская, в которой говорилось о «сильной революционной власти, созданной демократией». По мысли авторов этой резолюции, власть должен был создать съезд, представляющий не только Советы, но и значительно более широкую «организованную демократию», включавшую в себя кооперативы, земства, городские самоуправления, армейские комитеты и другие организации с очевидным преобладанием мелкобуржуазных и даже буржуазных элементов. Так возникла идея Демократического совещания, призванного «строго демократическим путем» отодвинуть, отстранить большевизирующиеся Советы и поддержать явно падающее Временное правительство.

Демократическое совещание, в котором приняли участие и большевики, открылось 14 сентября в Александринском театре. На нем присутствовали 1198 делегатов, из них 532 эсера, 305 меньшевиков, 55 народных социалистов, 17 «беспартийных социалистов» и только 4 кадета. Большевиков насчитывалось 134. Главный вопрос, на который совещание должно было ответить, точно сформулировал меньшевик М. Либер: «Нам надо будет выбрать: или провозгласить власть Советов, или открыто

сказать, что мы стоим за коалицию, стоящую на более широкой базе», т. е. за коалицию если не с кадетами, то с другими буржуазными, или, как тогда говорили, «цензовыми», элементами.

Однако в рядах меньшевиков и эсеров и близких им представителей из различных демократических организаций уже царил глубокий раскол, вызванный последствиями корниловщины и сознанием того, что почва уходит у них из-под ног. Он в полной мере проявился при голосовании резолюций о власти по фракциям и на совместных заседаниях. Результаты общего голосования, проведенного 19 сентября, оказались парадоксальными. За коалицию с «цензовыми» элементами в принципе высказались 766 делегатов, против — 688, воздержались — 38. Затем голосовались две поправки к резолюции. Первая: из коалиции исключаются кадеты, замешанные в корниловском мятеже; и вторая: из коалиции исключается кадетская партия вообще. Обе поправки были приняты. Когда же на голосование поставили резолюцию с обеими поправками, результаты оказались следующими: против нее проголосовали 813 человек, за — 183 и воздержались — 80. Против на сей раз голосовали 688 ее противников, выявившихся при первом голосовании (без поправок), плюс сторонники коалиции с кадетами, так как одни «цензовые» элементы (без кадетов) их не удовлетворяли.

Демократическое совещание зашло в тупик. Тогда была предпринята попытка провести нужную резолюцию, признающую коалицию «направо» путем верхушечных комбинаций. 20 сентября состоялось совместное заседание президиума Демократического совещания, ЦК социалистических партий и представителей крупнейших делегаций. Однако и здесь 60 голосами против 50 была принята резолюция о создании «однородной социалистической власти», т. е. без кадетов. Зато на этом же заседании было принято решение о выделении из состава Демократического совещания так называемого Предпарламента — Временного совета Российской республики. И тут в результате закулисных маневров меньшевиков и эсеров в полном противоречии с резолюцией о создании однородного социалистического правительства 56 голосами против 48 было буквально протащено предложение о пополнении Предпарламента буржуазными («цензовыми») элементами.

Вслед за тем меньшевистско-эсеровские сторонники

коалиции с буржуазией одержали еще одну победу. Была принята резолюция, в соответствии с которой Предпарламент не создавал правительство, а мог лишь содействовать его созданию. Следовательно, ответственность правительства перед Предпарламентом сводилась на нет. Таким образом, Предпарламент превращался в пустую говорильню, а у Керенского, после разгрома корниловщины стремившегося во что бы то ни стало освободиться от «давления» слева, полностью развязывались руки. Дальнейшее было, как говорится, делом техники. 25 сентября в окончательном виде было сформировано третье коалиционное Временное правительство, в которое наряду с социалистами (меньшевиками и эсерами) вошли и... кадеты, те самые кадеты, чья политическая деятельность после корниловского путча, казалось, начала клониться к закату.

Круг замкнулся. Керенщина, уже затрещавшая под ударом корниловщины, была спасена и восстановлена усилиями меньшевиков и эсеров, на сей раз с помощью Демократического совещания и Предпарламента. Пять месяцев, начиная с мая 1917 г., когда было создано первое коалиционное правительство, эта политическая система, основанная на коалиции меньшевиков и эсеров с кадетами, стопорила революцию, оттягивая решение острейших проблем, стоявших перед страной, «на потом» (официально — до созыва Учредительного собрания). Не принятие радикальных решений, а уклонение от них — таким было ее политическое кредо.

Но положение ухудшалось буквально с каждым днем. В середине сентября Ленин констатировал, что стране грозит катастрофа. «Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо...— писал он.— Неимоверное количество резолюций принято и партиями и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,— резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы „героические усилия" народа для предотвращения гибели и так далее.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается...

Мы приближаемся к краху все быстрее и быстрее, ибо война не ждет, и создаваемое ею расстройство всех сторон народной жизни все усиливается» [33].

В. И. Ленин писал, что только государство способно преодолеть надвигающуюся катастрофу. Но все дело за-

ключается в том, в чьих интересах будет действовать государство. «Либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство... либо в интересах революционной демократии; тогда *это и есть шаг к социализму*... Середины нет,— считал В. И. Ленин.— И в этом основное противоречие нашей революции» [34].

Между тем основной смысл существования керенщины как раз и состоял в поисках этой практически уже нереальной «середины». Были ли эти поиски следствием политической слепоты Керенского и тех, кто цеплялся за него и поддерживал его? Сознавали ли они после июльских дней и после корниловщины, что общественная атмосфера накалена до предела и что политическая балансировка в такой атмосфере — опасная, чреватая непредвиденными последствиями игра? Нельзя допустить, чтобы полностью не сознавали. Но их расчеты можно, вероятно, определить старой столыпинской формулой, формулой почти всех «верхов», правящих в периоды глубоких общественных трансформаций: «сначала успокоение — потом реформы».

В сущности, они надеялись на то, что революционный дух народа раньше или позже испарится, сойдет на нет. Такие «институты», как Демократическое совещание и Предпарламент, как раз и призваны были содействовать этому. Соглашательские «Известия» как-то назвали Советы «временными бараками», из которых «демократия» в дальнейшем должна будет переселиться в «каменные здания нового строя». Предпарламент, по мысли строителей будущих «каменных зданий», и должен был стать одной из рабочих площадок для них. В. И. Ленин до конца обнажил суть «предпарламентского маневра» соглашателей. «Единственное назначение предпарламента,— писал он,— надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для *старой*, уже испытанной, истрепанной, истасканной „коалиции“ с буржуазией...» [35]

Исходя из этого, Ленин приходил к выводу, что большевистская партия не должна питать никаких иллюзий в отношении Демократического совещания и Предпарламента. Они не могут и не хотят создать власть, способную вывести страну из тупика, отвратить грозящую катастрофу на путях смелых, радикальных преобразований,

удовлетворяющих жизненные интересы большинства населения страны — рабочих, крестьян, солдат. Решение вопроса о такой власти, писал В. И. Ленин, лежит вне Предпарламента, лежит «в рабочих кварталах Питера и Москвы» [36]. Еще в дни работы Демократического совещания В. И. Ленин критиковал позицию руководства большевистской фракции совещания (Л. Каменев и др.), которое считало, что участием в совещании и давлением на него все же можно добиться создания революционно-демократической власти.

В. И. Ленин призывал больше не тратить времени на пустые словопрения, а сосредоточить усилия на работе в массе рабочих и солдат, ибо «там нерв жизни, там источник спасения революции» [37]. В 20-х числах сентября В. И. Ленин вообще пришел к выводу, что участие большевиков в Демократическом совещании и в Предпарламенте — ошибка. «Надо бойкотировать предпарламент,— утверждал Ленин.— Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо *их* звать на борьбу» [38].

Глубокой верой в революционные массы, в их творческий, созидательный дух были проникнуты эти слова. Все партии и политические группы без исключения, начиная с меньшевиков и эсеров и кончая кадетами и корниловцами, стремились найти выход из надвигающейся катастрофы помимо народа, в обход народа, на путях верхушечных заговоров и путчей (кадеты, корниловцы) или верхушечных же политических манипуляций (меньшевики, эсеры). В основе этого лежали неверие в народ, страх перед народом. Только большевики видели выход из глубоко поразившего страну кризиса в самодеятельности народа, в привлечении народа, в опоре на народ. Здесь находился глубокий источник того радикализма, без которого избежать грозящей катастрофы уже было невозможно. Требовался решительный «взмах исторической метлы...». И В. И. Ленин сделал вывод: партия должна начать подготовку к вооруженному восстанию. В статье «Большевики должны взять власть» он писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять власть в свои руки... Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание*... завоевание власти, свержение правительства» [39].

Такой тактический поворот далеко не сразу нашел полное понимание и поддержку в большевистском руководстве. Иллюзии, связанные с Демократическим совещанием, Предпарламентом, предстоящим II съездом Советов, продолжали жить. Ленинские письма о необходимости восстания иногда вообще оставались без ответа, из других вычеркивались указания на такие ошибки, как решение большевиков участвовать в работе Предпарламента, их готовность предоставить меньшевикам места в президиуме Петроградского Совета, уже ставшем большевистским.

На заседании ЦК 15 сентября вообще было решено уничтожить экземпляры писем Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», в которых ставился вопрос о восстании, оставив только один экземпляр. Н. Бухарин позднее так объяснил это почти невероятное решение. «Мы хотя и верили в то, что безусловно в Питере и Москве нам удастся взять власть в свои руки, но полагали, что в провинции мы еще не сможем удержаться, что, взявши власть и разогнавши Демократическое совещание, мы не сможем закрепить себя во всей остальной России». На том же заседании ЦК решено было «принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах» [40].

В конце сентября Ленин заявил о возможности своего выхода из ЦК при оставлении за собой права агитировать за свою точку зрения в низах партии и на съезде партии. Резкость, категоричность его позиции определялись убежденностью, что сотрудничеством в Предпарламенте и ожиданием съезда Советов «мы *губим* революцию» [41].

В конце сентября или начале октября В. И. Ленин нелегально вернулся в Петроград и поселился в квартире М. В. Фофановой на Выборгской стороне.

* * *

Центральному Комитету большевиков предстояло принять решение величайшей ответственности. Сказать «да», значило повернуть огромную страну, во многом отсталую, без прочных демократических традиций, на социалистический путь, по сути дела еще никем не изведанный. Сказать «да», значило пойти на риск возможной политической изоляции, так как большинство правосоциалистических партий и групп, представленных в Советах (и во ВЦИК, избранном еще летом 1917 г.), не решались от-

вергнуть коалицию с буржуазией, порвать с Временным правительством. Деятельность Демократического совещания и Предпарламента со всей очевидностью подтвердила это. Сказать «да» — значит пойти на риск, ибо полной гарантии победы не могло быть; сказать «да» значило решиться на самопожертвование во имя революции...

Сказать «нет» значило продлить агонию Временного правительства, трусливая политика которого все более затягивала войну, усугубляла экономическую разруху, чем вызывала рост антиправительственных настроений со все усиливающимися грозными проявлениями анархии; значило поставить организованные революционные силы, партию под угрозу разгрома второй корниловщиной, военно-реакционной диктатурой.

10 октября нелегально собравшийся Центральный Комитет впервые (после июльских событий) с участием В. И. Ленина обсудил вопрос о вооруженном восстании. Были сомневающиеся и колеблющиеся. Говорили об «абсентизме и равнодушии масс», о слабостях партии «в технической части» и в «других сторонах работы», об отсутствии революционного движения на Западе и т. д. Ленин аргументированно отводил эти доводы. Он указывал, что абсентизм и равнодушие — следствие утомления части масс от «слов и резолюций», что большинство (в том числе и крестьян) твердо идет за большевиками, что с точки зрения международной именно большевики могут и должны проявить инициативу. В. И. Ленин делал вывод, что политически дело совершенно созрело для перехода власти к Советам, а факты явного оживления и активизации контрреволюционных сил лишь вынуждают к решительным действиям. В. И. Ленин поставил на голосование резолюцию, констатирующую, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», и призывающую партию «с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы» [42].

Десять человек проголосовали «за», двое — «против» (Л. Каменев и Г. Зиновьев). Они направили в партийные организации пространный документ «К текущему моменту». В нем утверждалось, что «объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». Они считали, что у большевиков уже теперь «превосходные шансы» на выборах в Учредительное собрание, а дальнейший рост революционного движе-

ния в конце концов вынудит меньшевиков и эсеров «искать союза» с большевиками. При таком исходе Учредительное собрание должно будет «опереться» только на Советы. «Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем»,— писали Л. Каменев и Г. Зиновьев. Исходя из этого, они предлагали партии «оборонительную позицию». «Дело идет о решительном бое,— писали они,— и поражение *в этом* бою было бы поражением революции» [43].

Это были серьезные соображения, и, конечно, их нельзя было игнорировать. В. И. Ленин говорил, что готов «развернуть прения» по существу затронутого вопроса. 16 октября состоялось новое заседание ЦК, на этот раз с участием представителей некоторых партийных организаций. В. И. Ленин вновь повторил свою оценку обстановки. Положение ясное, констатировал он, «либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [44]. Отсюда следовало, что если теперь большевики, уже имеющие большинство в ряде крупнейших Советов, не решатся взять власть, то она окажется в руках «корниловцев второго призыва»; керенщина, доведшая страну до развала, обречена. Что касается международного положения, то оно дает целый ряд объективных данных о том, что пролетарская Европа будет на стороне социалистической революции в России. В. И. Ленин считал необходимым проведение «самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием» [45].

Доклады с мест и прения по текущему моменту носили различный характер. Приводились данные о том, что не во всех районах Петрограда одинаково революционное настроение, что не везде в равной степени проведена подготовка и т. п. Но дискуссия, в сущности, развернулась вокруг следующей альтернативы: активная, наступательная позиция, вооруженное восстание для перехода всей власти к Советам (точка зрения В. И. Ленина) или «оборонительная позиция», ожидание Учредительного собрания и съезда Советов (точка зрения Каменева и Зиновьева). И Ленин, и Каменев с Зиновьевым думали о судьбе революции. Но если Ленин считал, что победу революции можно добыть только в открытом бою с ее врагами, с контрреволюцией, то Каменев и Зиновьев искали ее на путях уклонения от боя.

Гарантию успеха на своем пути Ленин видел в активном участии самых широких масс, в их революционном творчестве. Каменев и Зиновьев рассчитывали прийти к цели посредством постепенных политических «передвижек» в «верхах». Тактика Ленина была тактикой революционеров с ее дантоновским девизом: «Смелость, смелость и еще раз смелость!» Тактика Каменева и Зиновьева — тактикой оппортунистов. Они думали, что время работает только на революцию, но при поляризации и противоборстве социальных сил фактор времени мог стать переменчивой величиной. Революционная ситуация не может продолжаться бесконечно долго, она не консервируется. Ждать, что революция победит «самотеком», на практике значило дать шанс силам контрреволюции, потрясенным в дни корниловщины, но отнюдь не разбитым.

ЦК принял ленинскую резолюцию, которая гласила: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК (от 10 октября.— *Г. И.*), призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет (Петроградский.— *Г. И.*) своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления» [46].

На том же заседании 16 октября ЦК создал Военно-революционный центр (Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий, Дзержинский), который должен был войти в Военно-революционный комитет (ВРК), уже действовавший при Петроградском Совете. ВРК не был исключительно большевистским органом: в него входили и некоторые левые эсеры. Однако поскольку Петроградский Совет возглавлял Л. Троцкий, а теперь в него (ВРК) была включена пятерка членов большевистского ЦК, Военно-революционный комитет на практике превращался в легальный штаб вооруженного восстания, за которым стоял ЦК большевиков.

Но Каменев и Зиновьев не хотели сдаваться. Через два дня в «непартийной», а фактически полуменьшевистской газете «Новая жизнь», редактируемой М. Горьким, Каменев выступил с заявлением. В нем, с одной стороны, утверждалось, что решения партии о вооруженном восстании не существует, а с другой — содержалось предупреждение «против всякой попытки брать на себя инициативу вооруженного восстания».

Таким образом, Каменев (он писал и от имени Зиновьева) выступил против решения большинства ЦК, хотя прямо об этом в его заявлении и не говорилось. Но В. И Ленин считал, что вреда от этого даже больше, «ибо намеками говорить еще опаснее». Ленин охарактеризовал поступок Каменева и Зиновьева как штрейкбрехерство и, несмотря на то, что они были его близкими товарищами, потребовал исключить их из партии [47]. Взволнованность и категоричность Ленина понять нетрудно: ведь фактически с середины сентября он вел борьбу, чтобы добиться от ЦК твердого решения и покончить с «предпарламентскими иллюзиями», взять курс на вооруженное восстание. И когда наконец такое решение было принято, двое членов ЦК фактически попытались блокировать его.

Каменев и Зиновьев не были исключены из партии. Редакция «Правды», где важную роль играл Сталин, фактически взяла их под защиту. В заявлении «от редакции» было сказано, что «резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками» [48]. Сталин сыграл в обе стороны. Он голосовал за ленинскую резолюцию о восстании, но и сохранял связь с ее противниками.

20 октября ЦК запретил Каменеву и Зиновьеву выступать с какими-либо заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии. Политическая линия В. И. Ленина победила так же, как она побеждала и на других крутых поворотах борьбы между Февралем и Октябрем.

Быховская «подСтавка»

Ленинскую аргументацию в защиту решения о немедленном вооруженном восстании для передачи власти советскому большинству (а в октябре процесс большевизации многих местных Советов практически завершился) можно разделить на две группы: аргументы внешнеполитического и внутриполитического характера. В первом случае В. И. Ленин указывал на рост революционного движения в Европе как важного союзника социалистической революции в России. Во втором — на два обстоятельства: с одной стороны, на общенародный революционный подъем, создающий базу для вооруженного восстания против Временного правительства, с другой — на

возможность мобилизации контрреволюционных сил, возникновения «второй корниловщины», способной нанести революции новый удар и разгромить ее.

Возникает вопрос: какая группа аргументов — внешнеполитическая или внутриполитическая — являлась наиболее важной, решающей? Довольно широко распространена точка зрения, что оценка международной обстановки неизменно ставилась Лениным на первое место; что само завоевание власти в России он рассматривал прежде всего как толчок к европейской революции. Конечно, участники, творцы Октябрьской революции высоко ставили ее интернационализм, исходили из близкой перспективы мировой революции. Но наследникам Октября, обозревающим его во всем объеме, знающим его последствия, полнее видится национальное значение Великого Октября, спасшего страну от грозящей ей катастрофы.

На какие бы новые политические маневры ни шел Керенский, как бы ни старалось поддержать его эсеро-меньшевистское руководство ВЦИК Советов, после разгрома корниловщины становилось ясно почти всем: Временное правительство агонизирует. По остроумному выражению одного из современников, при взгляде на министров казалось, что даже брюки сидели на них, как на покойниках. Керенский вызывал теперь почти всеобщее презрение. Былые восторги перед ним исчезли без следа. В правых кругах его ненавидели. Некий «петербургский чиновник», узнав о свержении Временного правительства, 26 октября записал в своем дневнике: «Министры арестованы и, говорят, порядком избиты. Так им и надо, достаточно натворили глупостей, пускай теперь расплачиваются. Жаль, что Керенский удрал, а не повешен». И затем еще несколько записей в таком же духе: «Правые не станут поддерживать такого прохвоста, как Керенский... Я об одном мечтаю — видеть Керенского повешенным». В «низах», даже небольшевистских, Керенского откровенно презирали. Характерными были слухи, которые распространялись о нем в тылу и на фронте. Спит якобы на царской постели, окружил себя мальчишками-юнкерами и бабами-ударницами...

Изменился и сам Керенский. По воспоминаниям людей, близко наблюдавших его в сентябрьско-октябрьские дни, в нем появилась какая-то несвойственная ему ранее неторопливость, даже вялость. Он стал всячески избегать ситуаций, в которых от него требовались реше-

ния, часто менял свое мнение, по свидетельствам министров, на его обещания невозможно было положиться. При первой возможности старался уехать из Петрограда на фронт. Странным образом все это напоминало поведение Николая II накануне свержения монархии. Почему это происходило с такими, казалось бы, разными людьми? Не потому ли, что ход событий поставил их в почти одинаковые обстоятельства: оба пытались ничего не менять в то время, когда от них требовались крутые перемены. Неспособность, нежелание пойти на это, вероятно, и порождали своего рода политический сомнамбулизм.

Все это, однако, не означало, что режим керенщины рухнет сам собой. В. И. Ленин писал, что ни одно правительство даже в эпоху кризиса «не „упадет", пока его не „уронят"» [49]. Но желание «уронить» керенщину было почти всеобщим. И если это отчетливо видели в революционном лагере, то и лидеры контрреволюции отнюдь не являлись слепцами. Керенский после Октября потратил немало усилий, чтоб доказать, будто бы правый, прокорниловский лагерь после поражения в конце августа разработал новый план борьбы с Временным правительством. На сей раз он якобы строился на учете опыта первой корниловщины, усвоении ее тяжелых уроков. Тогда, открыто заявив о своей борьбе с большевизмом и Советами, правый лагерь оказался перед единым революционно-демократическим фронтом и потерпел поражение. Теперь будто бы решено было не препятствовать большевикам в их борьбе с правительством, т. е. парадоксальным образом принять большевистский лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству!», выдвинутый ими еще в апреле. Не сомневаясь, что, лишенное поддержки большевизировавшихся Советов, Временное правительство будет быстро и легко свергнуто, правые не сомневались также в том, что большевики удержатся у власти в лучшем случае несколько недель, после чего разлившаяся по стране анархия позволит даже относительно небольшой воинской группировке привести к власти «генерала на белом коне». Уверенность в наличии такого плана и проведении его в жизнь Керенский сохранил до конца жизни.

Но существовал ли он в действительности, или Керенский создал его в своем тревожном воображении для самореабилитации, для доказательства того, что он был свергнут «коварными» ударами как слева, так и справа в тот самый момент, когда под его руководством «демократический режим», казалось, вот-вот стабилизируется?

Если бы такой *план* существовал, какие-то следы его, несомненно, обнаружились бы в тех или иных исторических источниках. Но значит ли это, что Керенский так уж был неправ в своих обвинениях, в подозрении о наличии определенной *тенденции* у правых сил?

Один из активных деятелей ВЦИК и Предпарламента — меньшевик Ф. Дан, сомневаясь в наличии у правых сил *плана* борьбы с правительством и теми, кто его еще поддерживал, в то же время считал, что в лагере реакции крепла определенная *политическая тенденция*, суть которой сводилась к следующему: в момент, когда Временное правительство окажется под ударом большевиков, контрреволюционно настроенные военные получат возможность «спасти» его, а затем продиктовать ему свою волю.

Вчерашние корниловцы не только не были готовы подставить свое плечо правительству в случае нового подъема революционной волны и большевистского восстания, но и не желали этого делать. «Над Россией,— писал видный правый кадет А. Изгоев,— повис рок, и пусть скорее придут большевики. Царствие их будут считать если не неделями, то месяцами». Наш знакомый «петербургский чиновник», внимательный свидетель предоктябрьских и октябрьских событий, сделал в дневнике, правда уже через несколько дней после победы Октябрьского восстания, весьма примечательную запись. Она настолько любопытна, что ее хотелось бы привести целиком. «Я лично,— записывал «чиновник»,— смотрю очень мрачно. Впереди еще много несчастий. Катастрофическое повальное бегство солдат из окопов, все разрушающее и уничтожающее на своем пути и распространяющее еще большую анархию по всей стране. Голод всеобщий, но в особенности в Петрограде... Жестокая безработица... В результате банды голодных, безработных, озлобленных и не удовлетворенных пресловутой свободой товарищей. В виде апофеоза — повсеместные жидовские погромы, которые, конечно, несмотря на всю привлекательность для души, нельзя приветствовать разумом. В этом апофеозе выльется вся безграничная злоба, которая во всех накопилась, без различия сословий и партий, и после бури наконец наступит успокоение страстей. Так мне представляется ход событий. Отдельные части России будут самоопределяться, донеджe это им сами не омерзеет, и пока они не сольются снова в русском море, возглавляемом монархией».

Такова картина, которую рисовали себе контрреволю-

ционные элементы, люто ненавидевшие революцию. Было ли это миражом, рожденным их умами, затуманенными злобой? Послушаем В. И. Ленина. В канун Октября он отмечал, что черносотенцы иногда злорадно желают победы большевиков, «уверенные, что большевики не удержат власти»[50]. Буржуазно-помещичья реакция, писал он, «всегда будет злобно кричать: „лучше бы всего сразу и на „долгие годы“ избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить наголову“. Такие крики — тоже „провокация“, если хотите, только с противоположной стороны»[51].

Ленинский политический гений улавливал тончайшие нюансы в настроениях и расчетах контрреволюции. В «Письме к товарищам», написанном в канун Октября, анализируя и опровергая доводы противников восстания и колеблющихся, В. И. Ленин остановился, в частности, и на таком доводе: «„...Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?..“ ...А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?»[52].

Л. Троцкий дает на этот вопрос предельно четкий ответ: «Если бы большевики не взяли власть в октябре—ноябре, они, по всей вероятности, не взяли бы ее совсем. Вместо твердого руководства массы нашли бы у большевиков все то же, уже опостылевшее им расхождение между словом и делом и отхлынули бы от обманувшей их ожидания партии в течение двух-трех месяцев, как перед тем отхлынули от эсеров и меньшевиков. Одна часть впала бы в индифферентизм, другая сжигала бы свои силы в конвульсивных движениях, в анархических вспышках, в партизанских схватках, в терроре мести и отчаяния. Полученную таким образом передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира с Гогенцоллернами и разгрома революционных организаций». Ориентируя партию на вооруженное восстание, В. И. Ленин призывал не ждать повторения «корниловских попыток», не «*ждать*, пока буржуазия задушит революцию»[53].

* * *

Мы должны вспомнить, что в первых числах сентября генерал Алексеев по поручению нового Верховного главнокомандующего А. Керенского «безболезненно» ликви-

дировал корниловскую Ставку, с конца июля являвшуюся центром консолидации всех правых сил. Но эта ликвидация была проведена именно «безболезненно», с такими наименьшими потерями, которые только и были возможны в условиях провала, который постиг корниловский путч. Корнилов и другие видные генералы, как мы знаем, были переведены в Быхов. Режим, установленный для главарей путча в «быховской тюрьме», по их собственным позднейшим признаниям, мало напоминал тюрьму. Л. Новосильцев в своих воспоминаниях даже называл Быхов «курортом». Вставали поздно, после завтрака до обеда прогуливались вокруг костела. По ту сторону забора часто собирались группки солдат, с любопытством рассматривали генералов. Однажды Корнилов, сопровождаемый одним из «быховцев», вдруг подошел к забору, остановился напротив нескольких глазеющих солдат, отрывисто спросил: «Вы с какого фронта — с Юго-Западного?» Солдаты от неожиданности вытянулись, дружно ответили: «Так точно!» Корнилов помолчал, пожевал сухими губами и отрывистым, «лающим» голосом крикнул: «Пошли прочь, сволочь!»

По вечерам собирались в одной из комнат, вели долгие беседы. По дневнику генерала С. Маркова видно, что наиболее популярными темами были мистика, масонство. Бывало и выпивали: вино передавали в «тюрьму» тайно. Сидевший в Быхове генерал Ванновский впоследствии рассказывал, что некоторые генералы вели себя там «слабо: держали градус». Связи с внешним миром были почти неограниченные. На квартире адъютанта Корнилова — ротмистра Хана Хаджиева организовали «почтовую станцию»: отсюда уходили письма «на волю», сюда приходили письма, посылки, газеты. Главными пунктами связи являлись Могилев (духонинская Ставка), Новочеркасск (донской атаман А. Каледин) и Петроград («алексеевская организация», «Совещание общественных деятелей» и др.). Установить прочную связь со всеми этими адресатами было не так уж сложно: везде были свои люди. В Ставке осталось немало корниловских офицеров; в Новочеркасск еще до приезда Алексеева в Могилев были направлены несколько человек: В. Завойко, некий офицер, имя которого осталось неизвестным, и младший брат генерала Корнилова — штабс-ротмистр Петр Корнилов.

Завойко, как мы знаем, по пути был арестован, но два других посланца, по-видимому, добрались до места

назначения. Связь с Петроградом поддерживалась через офицеров могилевской Ставки и ... членов Чрезвычайной комиссии, почти открыто сочувствовавших Корнилову.

В оживленном обмене мнениями и планами, проходившем в этом «четырехугольнике», и выкристаллизовывалась, как представляется, первоначальная идея того, что позднее получило название «белое дело». Очень важно хотя бы приблизительно датировать начало этой «кристаллизации».

В октябре 1927 г. в газете П. Струве «Возрождение» была напечатана статья, посвященная десятилетию возникновения «белого движения». Автором ее почти наверняка был сам П. Струве, тесно связанный с этим движением с самых его истоков. В статье отмечалась почти полная синхронность победы Октября (7 ноября н. ст.) и возникновения Добровольческой армии на Дону (15 ноября н. ст.). «Сама краткость промежутка между этими событиями,— говорилось в статье,— определенно показывает, что они подготовлялись одновременно. Несомненно, что основатель Добровольческой армии генерал Алексеев отлично знал, куда ему надо идти, чтобы противостоять тому, что готовилось России... Несомненно, что и генерал Корнилов, покидая во главе своих текинцев быховскую тюрьму... тоже знал, куда он идет, знал, где начнет движение против красных...»

А. Деникин, вспоминая период «быховского сидения», прямо свидетельствовал, что сразу же после того, как «бердичевскую группу» корниловцев доставили в Быхов, состоялось общее собрание всех «заключенных», на котором был поставлен вопрос: «продолжать или считать дело оконченным?» Единогласно признали необходимым продолжать. Так как нам точно известен день прибытия «бердичевцев» в Быхов, можно определенно сказать, что это важное решение было принято в конце сентября. Несомненно, однако, что мысль о «продолжении» появилась еще до «общего собрания», по крайней мере в середине сентября. Как мы знаем, именно в это время В. И. Ленин практически поставил вопрос о выходе большевиков из «предпарламентской игры» и подготовке вооруженного восстания против Временного правительства...

Находившийся среди «быховских арестантов» А. Аладьин внес предложение создать «корниловскую политическую партию», которая и возглавит контрреволюционную борьбу на новом этапе — в момент развала власти. А. Де-

никин приписывает себе инициативу отклонения, как он пишет, «такой своеобразной постановки вопроса», как не соответствовавшей «ни времени, ни месту, ни характеру корниловского движения, ни нашему профессиональному (т. е. военному.— *Г. И.*) призванию». Так это или нет, но после обсуждения было решено, что «движение» должно быть, с одной стороны, преемственно связано с «августовской борьбой», а с другой — дополнено тем, чего в ней не хватало. Это означало провозглашение «внепартийности», отстранение от каких-либо политических течений во имя исключительно «национальной цели» — восстановления русской государственности.

«Белое дело», таким образом, создавалось как «национальное», «патриотическое» движение, противостоящее «интернациональным», «антипатриотическим» течениям, якобы овладевшим революцией. Ставка делалась на национализм и шовинизм, способные, как думалось быховцам, сплотить в одном лагере различные антибольшевистские элементы. Действительно, черты этой идеологии прослеживались уже в корниловщине, но в ней имелся тот «пробел», который теперь предстояло заполнить. Речь шла о выработке более или менее конкретной политической программы движения, которая отсутствовала при подготовке корниловского заговора и мятежа: тогда обозначавшиеся цели в общем не выходили за рамки требования установления «твердой власти» как на фронте, так и в тылу. Корниловская «записка», составленная в начале августа в Ставке и скорректированная Савинковым и Филоненко, в сущности, координировалась с планами, которые вынашивались и самим Керенским. Правда, в Ставке В. Завойко и некий профессор Яковлев делали наброски будущего политического и аграрного «устроения» России, но все это тогда не получило никакого развития. Теперь в Быхове создали небольшую комиссию, разработавшую так называемую быховскую корниловскую программу, которая с теми или иными модификациями, диктуемыми военно-политическим положением, и явилась политической основой «белого дела».

Она состояла из шести пунктов. Первый пункт провозглашал создание власти, «совершенно независимой от всяких безответственных организаций», впредь до Учредительного собрания. Речь, следовательно, шла о временной диктаторской власти. Второй пункт развивал первый: и местные органы власти также должны были стать «независимыми от самочинных организаций». Третий пункт

касался внешней политики: объявлялось о продолжении войны в тесном единении с союзниками до полной победы над Германией. Лозунг мира, следовательно, исключался из политической борьбы. Четвертый пункт относился к армии и шел даже дальше корниловской «записки»: из армии изгонялась политика; войсковые комитеты и комиссары упразднялись; провозглашалась «твердая дисциплина»; армия фактически возвращалась к дореволюционному состоянию. Пятый пункт был расплывчатым, неопределенным. Говорилось об «упорядочении» хозяйственной жизни и продовольственного дела с помощью правительственного регулирования. Дальше этого быховские умы не шли, и совсем не потому, что были слишком короткими. Можно ли было в стране, охваченной революцией, говорить языком контрреволюции, открыто заявлять о ликвидации ее завоеваний в самой чувствительной — социальной — сфере? Во времена революции на словах в той или иной степени все «революционеры». И если нельзя было прямо сказать о том, что многим быховцам мечтается вернуть страну к дореволюционным порядкам, то можно и нужно было провозглашать, что это умолчание объясняется приверженностью к основному лозунгу революции: созыву «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. Шестой — ключевой — пункт декларировал, что окончательное разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания, срок созыва которого не назывался. Так уже в Быхове возникла основная политическая формула «белого дела» — «непредрешение». Надо признать, что в сложившейся ситуации, при неуклонном нарастании революционной волны, она была, пожалуй, единственно приемлемой для лагеря контрреволюции, поскольку давала возможность уклониться от каких-либо определенных политических обязательств, резервировать свои подлинные намерения, что диктовалось не только требованием их маскировки, но и реальной неоформленностью целей. «Непредрешение» не было лишь сознательным политическим обманом, хитроумной тактикой; оно являлось и необходимостью, продиктованной обстановкой революционной трансформации, переживаемой страной. Оно было своеобразным выражением бонапартизма на русской почве, контрреволюционной политики, удерживающей отдельные элементы революции и прикрывающейся некоторыми революционными лозунгами...

Итак, решение о продолжении борьбы было вынесено единогласно, корниловская программа в общих чертах разработана, связь с внешним миром налажена. Режим содержания в Быхове был таким, что покинуть «тюрьму» в католическом монастыре не составляло особого труда. Почему же «быховцы» не бежали, странным образом предпочитали находиться в «тюрьме»? Генерал Деникин объяснил это тем, что, пока у власти оставалось Временное правительство, побег из Быхова был нежелателен по «политическим и моральным основаниям»: он мог бы лишь сыграть на руку тем, кто обвинял корниловцев в контрреволюционных замыслах. «Побег,— писал Деникин,— допускался только в случае окончательного падения власти или перспективы неминуемого самосуда».

Главным все-таки было ожидание приближающегося падения власти. Оно облегчало бы и самое бегство из Быхова (для этого создавались будущие явки, запасались штатские костюмы, фальшивые документы, легкое оружие), и, что гораздо важнее, возможность формирования небольших, но крепких частей в заранее обусловленном месте. Корнилов стал подолгу, по нескольку дней, не выходить из своей комнаты; по опыту побега из австрийского плена примерно год тому назад хотел приучить прислугу и караул к своему отсутствию на людях.

Уже с октября с помощью Ставки и Чрезвычайной следственной комиссии начался постепенный «исход» быховских «сидельцев». В двадцатых числах октября в Быхове осталась примерно половина из числа находившихся здесь в сентябре. Большинство освободившихся, несомненно, направлялись в заранее определенные районы, прежде всего на Дон...

К сожалению, мы мало знаем об этом втором корниловском заговоре, завершившемся уходом на Дон и созданием там Добровольческой армии. Многое впоследствии было заслонено событиями гражданской войны, кануло в Лету в период эмиграции. Связи между Быховом и могилевской Ставкой, Петроградом и Новочеркасском приходится восстанавливать буквально по крупицам, путем сопоставления немногочисленных фактов строить более или менее обоснованные версии...

По-видимому, письмо М. Алексеева Милюкову, врученное Кокошкину или Головину, не осталось без последствий. В финансовых и промышленных кругах Петрограда и Москвы по инициативе «Совещания общественных деятелей», в котором кадетские лидеры играли не послед-

пюю роль, шел сбор средств для поддержки и обустройства вчерашних и будущих корниловских офицеров, для заблаговременной переброски их по фальшивым документам на Дон. Вообще, в первой половине октября вполне могло сложиться впечатление, что шок от провала корниловского путча постепенно начал проходить. Правая пресса все решительнее разворачивала кампанию за реабилитацию Корнилова; на втором «Совещании общественных деятелей» о нем вновь заговорили как о «спасителе России». Все настойчивее говорили, что в России теперь есть лишь две партии: «партия развала», возглавляемая Керенским, и «партия порядка» во главе с Корниловым. «Алексеевская организация» активизировала свою деятельность, хотя, надо признать, слишком большого отклика в среде российских толстосумов не находила. Алексеев был прав, когда позднее жаловался на явную нехватку «Мининых», готовых жертвовать на «патриотическое дело», творившееся новыми «Пожарскими» в Новочеркасске, на Дону.

Надо сказать, что «прижимистость» новых «Мининых» частично объяснялась и вполне конкретной прозаической причиной: не обошлось без мошенничества. В банки и к известным богачам являлись какие-то личности и, предъявляя записки «известных деятелей» или даже самого Корнилова, требовали немалых сумм «на тайную корниловскую организацию». Лишний штрих для характеристики моральной атмосферы в стане контрреволюции накануне Октября... Тем не менее работа шла и некоторые деньги притекали. К концу октября Корнилову в Быхов доставили около 40 тыс. руб. на «удовлетворение важнейших нужд». По воспоминаниям тех, кто в эти дни был тесно связан с Алексеевым, имелось два варианта действий на случай острой кризисной ситуации. Первый — вмешаться в момент нового выступления большевиков, подавить его и «предъявить Временному правительству категорические требования к изменению своей политики». Это, как мы помним, было как раз то, о чем писал Ф. Дан. Но такой вариант, по всем данным, представлялся наименее вероятным. Значительно более перспективным представлялся другой вариант. Он учитывал реальную возможность успеха большевистского восстания и падения Временного правительства. На этот случай Алексеев «договорился с атаманом Калединым о переброске своей организации на Дон, чтобы оттуда продолжить борьбу».

Несомненно, в Быхове об этом знали. Есть прямые свидетельства о том, что Корнилов так же, как и генерал Алексеев, согласовал с Калединым «сбор сил для борьбы» «на крайний случай» на Дону. «Прорабатывались», однако, и другие варианты. Иногда Корнилов говорил, что он думает об уходе в Туркестан или в Сибирь, которые тоже могут стать базами борьбы с побеждающим большевизмом. Не исключено, что в этом сказывалась известная неприязнь, существовавшая между Корниловым и Алексеевым.

Нельзя сказать, что Каледин воспринял «договоренности» с Алексеевым и Корниловым с энтузиазмом. Его положение было сложным. В момент корниловщины Временное правительство обвинило его в причастности к мятежу. Было отдано распоряжение об отрешении Каледина от атаманской должности, ему приказано было явиться в Могилев для дачи показаний Чрезвычайной следственной комиссии. Войсковой круг, однако, «не выдал» атамана, выразил ему доверие и заявил о его непричастности к мятежу. Так как корниловский путч был ликвидирован, Временному правительству и Керенскому политически целесообразно было «погасить», «замять» дело. Было объявлено, что конфликт с Калединым явился следствием «недоразумения».

Однако отношения Каледина с Временным правительством оставались натянутыми, и его контакты с опальным Корниловым и другими «быховцами» могли лишь еще больше обострить их. С другой стороны, появление «быховских узников» на Дону также должно было осложнить положение Каледина: казачьи низы и возвращавшиеся домой фронтовики восприняли бы это как откровенный контрреволюционный вызов. Каледин видел быстро прогрессирующий социальный раскол на Дону: обострилась борьба между казаками и иногородними; в среде самого казачества углубился раскол; приходившие с фронта казачьи полки были в значительной степени революционизированы и даже большевизированы.

Обо всем этом Каледин сообщал Корнилову в Быхов, но там это воспринималось без особого доверия. Не хотели верить, что и казачество подверглось «разложению»; подозревали, что Каледин под давлением склонной к «самостийности» казачьей верхушки осторожничает, выжидает. Совет «Союза казачьих войск», находившийся в Петрограде и взаимодействовавший с «алексеевской организацией», склонен был ориентировать Быхов в том же

духе. И здесь, в Быхове, разрабатывали и передавали генералу Н. Духонину в Ставку дислокацию казачьих частей для занятия в надлежащий момент важнейших железнодорожных узлов, ведущих на юг, в том числе и на Дон. Здесь эти части должны были стать заслоном на пути хлынувших в тыл войск в момент ожидавшегося развала фронта. С помощью этих заслонов предполагали осуществить необходимые селекцию и фильтрацию для создания «устойчивого войскового элемента» и последующей переброски его на юг.

Вообще «быховские арестанты» оказывали значительное воздействие на могилевскую Ставку и лично на генерала Духонина, по свидетельству многих знавших его не отличавшегося независимостью и решительностью характера, в большей мере склонного предаваться развитию событий. Генерал Лукомский вспоминал: «Я писал генералу Духонину и генерал-квартирмейстеру Ставки генералу Дитерихсу, что надо ожидать падения Временного правительства и надо быть готовыми к тому, что к власти придут большевики». Исходя из этого, Лукомский рекомендовал подтянуть к Могилеву хотя бы несколько надежных частей, чтобы не оказаться совершенно беззащитными, а затем под их прикрытием перебраться, например, в Киев. Духонин положительно воспринимал указания «быховцев». В Быхове даже шутили: в Могилеве — Ставка, а у нас тут — «подСтавка».

Промедление смерти подобно

Уже в начале октября ожидание нового революционного выступления рабочих и солдат, руководимого большевиками, стало почти всеобщим: народ требовал радикальных перемен, но уже не верил, что их можно добиться в рамках существовавшего режима. В такой ситуации для правительства тактически целесообразным было бы перехватить инициативу и нанести упреждающий удар. Керенский в эти дни говорил, что возблагодарил бы бога, если бы «большевики наконец выступили»; в этом случае июль бы не повторился: на сей раз большевики были бы разбиты наголову. Мысль о провокации совершенно серьезно обсуждалась на заседаниях правительства. Министры кадет Н. Кишкин, «беспартийный» М. Терещенко и другие доказывали, что тактика «ожидания событий» теперь вредна, что надо пойти на то, чтобы вызвать боль-

шевиков на «преждевременное выступление» и подавить его. Раздавались, правда, и другие голоса, предупреждавшие, что провокация может обернуться бумерангом, который ударит по правительству, поскольку сил для разгрома революционных масс может и не оказаться. Министр труда меньшевик К. Гвоздев, между прочим, указывал и на то, что большевистским выступлением может воспользоваться «правое офицерство», выступающее за монархическую реставрацию. Министр торговли и промышленности С. Прокопович пессимистически констатировал: «Маразм в нас, ибо мы не можем создать власть в стране. Пока силы не будет, ничего сделать нельзя».

И тем не менее подготовка к столкновению с большевиками шла. Ключевым моментом этой подготовки стал вопрос о выводе большей части Петроградского гарнизона на фронт. Вопрос этот не был новым. В соответствии с соглашением Временного правительства и Петроградского Совета сразу же после свержения монархии революционный гарнизон столицы не должен был выводиться из Петрограда. Когда весной 1917 г. военному министру Гучкову и командующему Петроградским военным округом Корнилову не удалось «прибрать» гарнизон «к рукам», попытки избавиться от революционных войск стали осуществляться под прикрытием то необходимости «разгрузки и эвакуации» Петрограда, то «стратегических соображений» его обороны. Корнилов, уже ставший Главковерхом, как мы помним, планировал «включение» частей Петроградского гарнизона в формируемую им Особую петроградскую армию, что давало возможность их оперативных перебросок.

В конце сентября германский флот начал боевые операции по захвату Моонзундского архипелага. Несколько островов в первых числах октября были захвачены. И вновь возник вопрос о войсках Петроградского гарнизона как о подкреплениях, необходимых Северному фронту для обороны столицы.

Надо сказать, что в солдатских массах фронта это находило известный отклик: усталые, измученные фронтовики требовали смены и хмуро смотрели на «привилегированный» Петроградский гарнизон. В то же время политически более развитые солдаты сознавали значение пребывания революционного гарнизона в Питере. Но действительно ли части Петроградского гарнизона были столь необходимы на Северном фронте? Главнокомандующий фронтом генерал В. Черемисов в секретной теле-

грамме военному министру сообщал, что он, опасаясь революционизирующего влияния петроградских солдат, отнюдь не стремился заполучить их. «Инициатива присылки войск Петроградского гарнизона на фронт,— указывал он,— исходила от вас, а не от меня...» В основе решения правительства вывести Петроградский гарнизон на фронт лежали не столько стратегические, сколько политические расчеты. Правительство, по-видимому, полагало, что сумеет наверняка забить шар в одну из двух луз. Если приказ о выводе части гарнизона удастся провести, большевистский Петроградский Совет лишится вооруженной опоры, а это сразу усилит позиции правительства. Если же выполнению приказа будет оказано сопротивление, можно рассчитывать на рост недовольства фронтовых частей и пошатнуть авторитет Петроградского Совета.

Однако этот расчет не учитывал всех возможных последствий. Он, в частности, ставил в довольно трудное положение меньшевистско-эсеровское руководство ВЦИК и меньшевистскую и эсеровскую фракции Петроградского Совета. Пытаясь найти из него выход, меньшевики и эсеры 9 октября предложили создать при Петросовете «Комитет революционной обороны», который должен был взять вопрос о выводе частей столичного гарнизона на фронт под свой контроль, выясняя, диктуется ли он действительно стратегическими соображениями или имеет под собой какие-то политические расчеты. Предлагался, таким образом, орган, с одной стороны, лояльный правительству, а с другой — демонстрирующий заботу об интересах революционного гарнизона. Меньшевики и эсеры связывали с этим расчеты на примирение в явно приближающемся конфликте.

К их немалому удивлению, большевики Петроградского Совета в целом одобрительно приняли идею о создании «Комитета революционной обороны». Она пришлась как нельзя кстати: в большевистском руководстве еще с середины сентября дебатировался вопрос о создании органа или штаба для подготовки вооруженного восстания. Меньшевистско-эсеровское предложение открывало возможности создания такого органа, причем на вполне «легальной основе». Весь вопрос состоял только в том, чтобы поставить создание комитета и сам комитет под большевистский контроль, но в октябрьские дни он был уже легко разрешимым: Петроградский Совет, как мы знаем, прочно стал большевистским.

Разработка проекта о комитете и его обсуждение в Исполкоме Совета заняли примерно 10 дней. Приблизительно к 20 октября формирование этого комитета, получившего окончательное название Военно-революционный комитет, было завершено. В него вошли около 80 человек, представлявших ЦК и ПК РСДРП(б), Петроградский Совет, военные организации большевиков и левых эсеров, профсоюзы, фабзавкомы, Петроградский Совет крестьянских депутатов, Красную гвардию и другие революционно-демократические организации: 53 большевика, 21 левый эсер, 4 анархиста и др. Меньшевики и правые эсеры теперь отказались войти в ВРК.

Работа ВРК проходила под руководством ЦК большевиков, члены которого несли ответственность за определенный участок деятельности. Еще 10 октября на заседании ЦК, принявшем резолюцию о подготовке вооруженного восстания, «для руководства на ближайшее время» было создано Политбюро из 7 человек (В. И. Ленин, Л. Троцкий, И. Сталин, Г. Сокольников, А. Бубнов, а также два противника восстания — Л. Каменев и Г. Зиновьев). На заседании 16 октября произошла организационная корректировка. ЦК сформировал Военно-революционный центр из 5 человек, который должен был войти в состав «революционного советского комитета», т. е. ВРК.

Важным органом, образованным при ВРК, а следовательно, и при Петроградском Совете, стало так называемое Гарнизонное совещание, состоявшее из представителей полковых комитетов Петроградского гарнизона. Действуя через них, ВРК направил своих комиссаров в полки, а также в штаб Петроградского военного округа, возглавлявшийся уже известным нам бывшим корниловцем полковником Г. Полковниковым.

Полковников решительно отказался принять комиссаров ВРК, заявив, что гарнизон прочно находится у него в руках. Но это было заблуждением. ВРК тут же постановил считать приказы штаба округа действительными только в том случае, если они согласованы с его комиссарами. Фактически это означало подчинение штаба округа революционному штабу Петросовета и полную потерю гарнизона правительством.

Переговоры между ВРК и штабом Полковникова еще велись (обсуждалось компромиссное предложение об утверждении комиссаров ВРК комиссариатом ВЦИК при штабе округа), когда Керенский вечером 23 октября,

словно бы внезапно проснувшись от летаргии, на заседании Временного правительства потребовал объявить ВРК «незаконной организацией», подлежащей судебному преследованию. В ночь с 23-го на 24-е решено было закрыть большевистские газеты, подтянуть надежные части и, главное, арестовать Военно-революционный комитет.

Это последнее было, пожалуй, ключевым и потому наиболее важным, ответственным решением. ВРК имел статус легального органа Петроградского Совета, и карательные действия против него могли бы дать все основания для прямого обвинения правительства в контрреволюционности. Это могло принести Керенскому и правительству серьезные осложнения. Поэтому под осуществление такой меры, как судебное преследование и арест ВРК, целесообразно было подвести «демократическую основу» в виде, например, санкции ВЦИК или еще лучше Предпарламента, в котором меньшевистско-эсеровское большинство ВЦИК было широко представлено. По-видимому, именно этими соображениями и объясняется намерение Керенского явиться в Мариинский дворец, где заседал Предпарламент, и потребовать у него своего рода вотума доверия на вооруженное подавление большевистского восстания, что включало и арест ВРК.

В полдень он объявился в Мариинском дворце и поднялся на трибуну, чтобы сделать внеочередное заявление. Еще не зная, что юнкерам так и не удалось закрыть большевистский «Рабочий путь», он объявил, что эта газета, как и другая — «Солдат», закрыта за призывы к свержению Временного правительства. Он говорил, что налицо попытка повторить события 3—5 июля, чтобы, как и тогда, открыть фронт «перед бронированным кулаком Вильгельма». Эти слова встретили негодующий шум со стороны левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Но Керенский продолжал гневно обвинять большевиков, поднявших «чернь», и в итоге констатировал «определенное состояние известной части населения Петрограда как состояние восстания». Он грозил большевикам «немедленной решительной и окончательной ликвидацией». Теперь с правой стороны Предпарламента, там, где сидели кадеты и другие «цензовики», раздались бурные аплодисменты. Речь Керенского шла к концу. Он потребовал от Предпарламента санкционировать действия правительства, направленные на ликвидацию восстания. Не дожидаясь результата голосования, тут же уехал в Зимний дворец.

Между тем точно так же, как еще утром 24-го закончились провалом попытки штаба округа закрыть большевистские газеты и увести «Аврору», оказались совершенно безуспешными действия штаба, предпринятые днем: не удалось развести мосты через Неву, не явилось по вызову большинство воинских частей, дислоцированных в пригородах, и др. Бессилие штаба рождало подозрения. В правительстве, и особенно в окружении Керенского, появилась мысль о саботаже или чуть ли не об измене Полковникова. Казалось, что он намеренно «играет в руку» тем правым элементам, которые готовы были «отдать» правительство большевикам. Так ли это было? Можно ли полностью исключить сознательную пассивность Полковникова в октябрьские дни?

Хотя наступательные действия правительства и штаба округа оказывались безуспешными, тем не менее они требовали пристального внимания, подготовки и проведения контрдействий, контрмер. Военно-революционный комитет самим ходом событий все более становился органом защиты, обороны революции. Но если до сих пор ключевым вопросом, вокруг которого шла ожесточенная борьба, был вопрос о судьбе Петроградского гарнизона, то постепенно на первый план все более выдвигался вопрос о созыве II Всероссийского съезда Советов, назначенного на 20, а затем на 25 октября. На фоне непрекращающихся попыток правительства и штаба округа нанести поражение революционным силам, поддерживающим Петроградский Совет, реальностью становилась угроза, что в случае успеха правительство сорвет созыв съезда, который мог бы наконец решить вопрос о власти, о переходе ее в руки Советов. Революции не была и не могла быть гарантирована победа или беспрепятственное ее развитие. Тот, кто вступает в борьбу, всегда рискует.

Л. Троцкий, являвшийся в дни восстания председателем Исполкома Петроградского Совета, впоследствии старался представить дело таким образом, будто руководство восстанием вполне сознательно осуществлялось под прикрывающим лозунгом обороны. Думается, однако, преднамеренно оборонительная схема восстания (как своеобразная хитроумная тактика) в большой мере появилась уже постфактум, была сформулирована, так сказать, задним числом. На деле, даже по признанию самого Троцкого, восстанию (по крайней мере до конца 24 октября) была внутренне свойственна некая «половинчатость», нерешительность. Революция вместо стремительного

броска, прямой атаки как будто бы шла осторожным, вкрадчивым шагом. Это было чревато тяжелыми последствиями, особенно в виду того, что считалось политически необходимым взять власть в свои руки до открытия II съезда Советов: эсеровско-меньшевистская оппозиция на съезде оказалась бы в этом случае перед свершившимся фактом и во многом была бы блокирована. Л. Троцкий в «Истории русской революции» уверял, что и он вел именно такой курс, однако еще днем 24 октября он говорил, что арест Временного правительства «не стоит в порядке дня как самостоятельная задача», что «все зависит от съезда». «Половинчатость» в ходе восстания создавала обоснованное впечатление легалистских устремлений руководства ВРК, его желания связать вопрос о взятии власти Советами с решением съезда Советов. В. И. Ленин, находившийся в укрытии на квартире М. В. Фофановой, вечером 24-го писал членам ЦК: «Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс...

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!» [54]

Ленин был прав. В эти критические дни ставить вопрос о власти в зависимость от решений съезда значило рисковать революцией. Съезд мог заколебаться, так как большевики располагали там немногим больше половины голосов, а среди них, вероятно, были и противники восстания. Возможен был и другой, значительно худший вариант. Еще 22 октября начальник штаба округа генерал Я. Багратуни связался со штабом Северного фронта и предложил «подготовить для отправки в Петроград с фронта в случае, если потребуют обстоятельства, одной бригады пехоты, одного кавалерийского полка и одной батареи». Следовательно, ожидание съезда Советов давало правительству и штабу округа время, столь необходимое им для концентрации своих сил. Время — важнейший фактор в эпоху революции. Революционная ситуация не постоянная величина; в случае, если революционный авангард проявляет нерешительность, прилив может смениться отливом, и тогда поднимает голову контрреволюция. В «Письме к товарищам» В. И. Ленин писал: «...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью...

Промедление в выступлении смерти подобно...»[55]

А приблизительно в то же время, вечером 24-го, в Мариинском дворце возобновилось заседание Предпарламента, которое должно было обсудить требование Керенского о вотуме доверия в борьбе с большевистским восстанием. Фактически Керенский требовал от Предпарламента «свободы рук» для разгрома большевиков «железом и кровью». Правая часть Предпарламента (кадеты и др.) готова была предоставить правительству такую свободу. Но Керенскому была необходима санкция именно «левой» его части, санкция эсеров и меньшевиков, представляющих ВЦИК Советов. Поскольку вооруженных сил, готовых встать на сторону правительства, в самом Петрограде практически уже не имелось, последний шанс заключался в переброске в столицу карательных войск с фронта. Но было очевидно, что без согласия местных Советов и войсковых комитетов осуществить переброску не удастся.

Таким образом, «ультиматум» Керенского Предпарламенту был продиктован не только одним стремлением задрапироваться в борьбе с восстанием в «демократическую тогу», но и чисто практическими соображениями: получить скорейшую помощь с фронта.

Эсеро-меньшевистское руководство оказалось перед тяжелым выбором. Либо оно должно было выразить Керенскому доверие, что означало прямо расписаться в своей контрреволюционности, либо отказать ему в поддержке, что, безусловно, вело к поражению правительства и их собственной соглашательской политики, проводимой с дней Февраля. Выход, казалось, был найден в попытке перевести борьбу против восставших масс из сферы военной, вооруженной, как требовал Керенский, в сферу политическую. Выступивший лидер меньшевиков Ф. Дан (исполнявший в это время и обязанности председателя ВЦИК), осудив большевиков, в то же время заявил, что для победы над ними необходимо выбить у них почву из-под ног: разрешить главные вопросы революции, показав, что защиту интересов масс твердо берет на себя правительство. Лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. Мартов развил эту мысль. Он говорил, что Временное правительство не может рассчитывать на поддержку, если наконец не реализует коренных требований народа. Должно быть сделано заявление, говорил Мартов, что Россия ведет политику немедленного мира, что земля будет передана земельным комитетам, что будет продолжена политика демократизации армии.

С правых скамей раздался возглас, обращенный к Мартову: «Министр иностранных дел будущего кабинета!» «Я близорук,— ответил Мартов,— и не вижу, говорит ли это министр будущего кабинета Корнилова!» Обмен этими ядовитыми репликами отражал суть разразившегося конфликта: страна шла либо к подлинно народному правительству, способному решить самые больные вопросы — вопросы о мире и земле, либо к корниловской диктатуре...

В конце концов на голосование было поставлено три проекта резолюции: кадетов и кооператоров, казачьей фракции и меньшевистско-эсеровский. Две первые резолюции были близки: они обещали правительству поддержку, требуя, чтобы «на этот раз никакого послабления большевикам не было». Меньшевистско-эсеровская резолюция отмечала, что почва для недовольства и выступления масс в большой мере создана «промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». Резолюция предлагала создать для борьбы с «проявлениями анархии и погромного движения» Комитет общественного спасения, действующий в контакте с правительством.

Короче говоря, на «ультиматум» Керенского «левая» часть Предпарламента (и ВЦИК) ответила своим «ультиматумом», достаточно парадоксальным: контрреволюционному правительству предлагалось вести революционную политику. Трудно сказать, на что рассчитывали меньшевики и эсеры...

Началось голосование проектов резолюций: за резолюцию меньшевиков и эсеров было подано 123 голоса, против — 102 и воздержалось — 26 (народные социалисты и некоторые кооператоры). Впоследствии эмигрантские авторы, например П. Милюков, утверждали, что на этих 26 воздержавшихся во многом и лежит ответственность за «антиправительственную позицию» Предпарламента в критические дни. Если бы они поддержали тех, кто голосовал за поддержку правительства, она была бы обеспечена ему большинством в 5 голосов. Впрочем, сам Милюков понимал, что голосование и резолюции уже мало что могли изменить, однако в одном он все же был прав: отказ Предпарламента поддержать правительство в по-

пытке силой подавить восстание лишил его (правительство) последних остатков авторитета.

Возникает важный вопрос: чем объяснялась такая «половинчатая» позиция меньшевистско-эсеровского руководства? Нет, не только одним осознанием бесперспективности репрессий в борьбе с массами, шедшими за большевиками. В том же Предпарламенте Ф. Дан, отвечая Керенскому, говорил: «Желая самым решительным образом бороться с большевиками, мы не желаем в то же время быть в руках той контрреволюции, которая на подавлении этого восстания хочет сыграть свою игру...» Ночью 24 октября, выступая на заседании ВЦИК и ЦИК Советов крестьянских депутатов, он снова повторил: «Вооруженные столкновения... означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но и все социалистические партии... Никогда контрреволюция не была так сильна, как в данный момент...» Страх перед грядущим Корниловым не отпускал меньшевиков и эсеров. Они сознавали, что на плечах военщины, которую Керенский готов был привести с фронта, придет контрреволюция, которая покончит не только с большевиками, но и с демократическими завоеваниями революции вообще. Они понимали также, что для того, чтобы этого не случилось, нужна подлинно революционная политика, политика в интересах народа, трудящихся масс. Но они все еще надеялись, что такую политику при их «давлении» способно проводить и Временное правительство, старались убедить массы, что «поправить дела» можно и без новой революции, в рамках существующего режима керенщины. Они не могли согласиться с большевиками в главном: самая прочная гарантия непобедимости революции и прочности демократии — доведение революции до конца, до полного удовлетворения интересов большинства народа руками самого этого большинства. Как перед Февралем либералы больше страшились народа, чем самодержавия, так и теперь, перед Октябрем, правые эсеры и меньшевики, страшась Корнилова, пожалуй, еще больше боялись масс.

В 10 часов вечера 24 октября председатель Предпарламента эсер Н. Авксентьев, лидер меньшевиков Ф. Дан и лидер эсеров А. Гоц прибыли в Зимний дворец для вручения Керенскому своей резолюции. Они убеждали Керенского, что их резолюция, их предложение «вызовет в настроениях масс перелом и что в этом случае можно будет

надеяться на быстрое падение влияния большевистской пропаганды». Но Керенский ожидал другого и настроился на другое. С раздражением он заявил, что в «наставлениях и указаниях не нуждается», что пришла пора не разговаривать, а действовать и что правительство «будет действовать само и само справится с восстанием». Авксентьев, Дан и Гоц покинули Зимний дворец; теперь они спешили в Смольный на заседание ВЦИК. Шла ночь с 24-го на 25-е. В одной из комнат Смольного Дан и Гоц вдруг увидали... Ленина. По воспоминаниям Дана, в этот момент он понял, что все усилия противостоять восстанию бессмысленны, обречены на провал, что никакими резолюциями — ни Предпарламента, ни ВЦИК, поддержавшего Предпарламент,— уже ничего нельзя сделать. Теперь у руля восстания стоял Ленин, и это означало, что оно не остановится на полпути. Присутствие Ленина в Петрограде, его приход в Смольный, несомненно, стали решающим фактором победы Октября. Он подвигнул большинство ЦК к восстанию, вдохновил его своей смелостью и решительностью, убедил не колеблясь использовать предоставленный историей шанс. Без Ленина победа восстания была под сомнением. Ленин был его мозгом и сердцем.

Спустя 2—3 часа после того, как Авксентьев и др. уехали из Зимнего, сюда явилась делегация от казачьих полков. Керенскому было заявлено, что казаки готовы защищать правительство и начнут «седлать коней», если получат твердые заверения в том, что «казачья кровь не прольется даром», как это произошло в июле, и что против большевиков будут приняты «самые энергичные меры». Керенский как-будто бы дал такое заверение, но казаки так и не «заседлали коней». Делегация, вероятно, не имела определенных полномочий и, скорее всего, проводила некий «зондаж». Совет «Союза казачьих войск» ранним утром 25 октября принял решение не участвовать в борьбе на стороне Керенского. Но и Керенский, по-видимому, уже мало доверял казакам. Спасение, считал он, должно было прийти с фронта.

В третьем часу ночи 25 октября генерал для поручений при Верховном главнокомандующем (Керенском) Левицкий передал начальнику штаба Ставки генералу Духонину распоряжение для главнокомандующего Северным фронтом В. Черемисова об отправке казачьих частей в Петроград. Первой должна была двинуться 1-я Донская дивизия 3-го конного корпуса. В случае, если казаки не

смогли бы двигаться по железной дороге, им следовало идти к столице походным порядком. Духонин тут же передал этот приказ главнокомандующему Северным фронтом генералу В. Черемисову и командиру 3-го конного корпуса генералу Краснову. А утром Керенский сам выехал на фронт, чтобы лично форсировать движение карательных войск к столице...

* * *

Впоследствии некоторые эмигрантские историки и публицисты, медленно раскручивая «историческую пленку» в обратном направлении и тщательно отыскивая в ней «роковые просчеты», считали, что, пожалуй, единственным человеком, который в октябрьские дни мог бы «спасти положение», был генерал М. Алексеев. Его имя, казалось, способно было привлечь немало «боевых единиц».

Алексеев действительно находился в Петрограде. Говорили, что его видели то «спокойно идущим» «сквозь цепи революционных войск» к Зимнему дворцу, то даже в самом штабе округа. В мемуаристике есть свидетельство, согласно которому 20 или 22 октября Алексеев твердо заверял М. Терещенко, что в Петрограде находятся 15 тыс. офицеров и по крайней мере 5 тыс. из них под его, Алексеева, командой будут защищать Временное правительство, если оно, конечно, «разрешит». Но, как уверял позднее П. Струве, Алексеева «не позвали». Безусловно, верно здесь только одно: петроградские гостиницы и общежития в самом деле кишели офицерами, по разным причинам покинувшими фронт. Их симпатии всецело были на стороне Корнилова. Несомненно и то, что многие из них готовы были сражаться. Примечательны воспоминания поручика А. Синегуба, принимавшего участие в защите Зимнего дворца. Там есть слова, звучащие прямо-таки как молитва: «Дорогие Корнилов и Крымов, что не удалось вам, то, бог милостив, может быть, удастся нам...» Но верно также и то, что немалой части обретавшегося в Петрограде офицерства коснулся тлен разложения. Тот же Синегуб рисует картину одного из «офицерских убежищ» в Павловском полку. Офицеры в аксельбантах, дамы в шляпах с огромными полями, цветы, вина, коробки конфет, спующие официанты, безобразные сцены разврата...

Готовность Алексеева во второй раз встать на защиту презираемого им Керенского, да еще с имеющимися силами, весьма сомнительна. Созданная им «алексеевская

организация», если и включала в себя те «пять тысяч» офицеров, о которых Алексеев якобы говорил Терещенко, ставила перед собой иную задачу: переброску офицеров на Дон для организации там борьбы после крушения керенщины. Как мы уже писали, эта задача вполне могла быть согласована Алексеевым и с Быховом и с Новочеркасском.

В эту версию, между прочим, вполне вписывается то, что известно о деятельности в те дни Б. Савинкова и М. Филоненко. Савинков, являвшийся членом Совета «Союза казачьих войск», как он позднее рассказал сам, 24 или 25 октября разыскал Филоненко и предложил ему включиться в помощь правительству. Ответ Филоненко примечателен. Он посоветовал ничего не предпринимать, так как большевиков победить будет легче после того, как они, взяв Петроград и захватив власть, проявят «полную неспособность к управлению государственными делами». Филоненко, таким образом, полностью разделял точку зрения, широко распространенную в правых кругах.

Но Савинков продолжал действовать. Он встретился с Алексеевым. Обсуждался вопрос о том, чтобы совместными силами все же «поднять» казаков, дислоцированных в Петрограде. Савинков утверждает, что дело сорвалось только из-за того, что было уже «слишком поздно». Однако более достоверным кажется свидетельство А. Деникина, который со слов зятя Алексеева полковника А. Шапрона дю Ларэ писал, что Алексеев отклонил предложение Савинкова, «как безнадежное». 25 или 26 октября он исчез из Петрограда. Примерно через две недели в новочеркасской газете «Вольный Дон» появилось интервью «генерала, приехавшего в Новочеркасск». Он заявлял: «Русская государственность будет создаваться здесь... Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока». Анонимность генерала была секретом полишинеля. Все здесь знали: интервью дал Алексеев...

* * *

Все остальное хорошо известно. Стремительно набирая темп, Октябрьское вооруженное восстание шло к своей победе. В полдень 25 октября у Мариинского дворца, где заседал Предпарламент, появился отряд Военно-революционного комитета. «Предпарламентариям» было предложено освободить здание. Наблюдавший эту сцену все тот

же «петроградский чиновник» записал в своем дневнике: «Предпарламент был очень вежливо разогнан. Вообще большевики пока ведут себя очень вежливо». Фактически все члены Предпарламента (кроме двух второстепенных лиц) свободно ушли из Мариинского дворца.

Восставшие еще полностью не овладели всем городом, еще не был взят Зимний дворец, где находилось Временное правительство, когда около 11 часов вечера 25 октября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. Сама картина начавшегося съезда раскрывает социальную суть того, что произошло в эти хмурые октябрьские дни в Петрограде. Троцкий писал: «Внешний вид съезда говорил о его составе. Офицерские погоны, интеллигентские очки и галстуки первого съезда (Советов.— *Г. И.*) почти совершенно исчезли. Безраздельно господствовал серый цвет в одежде и на лицах. Все обносились во время войны. Многие городские рабочие обзавелись солдатскими шинелями. Окопные делегаты выглядели совсем не картинно: давно не бритые, в старых рваных шинелях, в тяжелых папахах, нередко с торчащей наружу ватой, на взлохмаченных волосах. Грубые обветренные лица, тяжелые потрескавшиеся руки, желтые пальцы от цыгарок, оборванные пуговицы, свисающие вниз хлястики, корявые, рыжие, давно не смазывавшиеся сапоги...»

Может быть, это был наиболее демократический парламент во всей мировой истории! Как же можно было противиться его воле тем, кто считал себя демократами? Впервые народ создал парламент по своему образу и подобию. На I Всероссийском съезде Советов (июнь 1917 г.) присутствовали более 800 делегатов, из них более 600 были меньшевиками и эсерами. Теперь, на этом съезде, из приблизительно 650 делегатов 390 были большевики. Так изменилась политическая ситуация всего лишь за четыре месяца революции! Но ВЦИК и его президиум, избранные на I съезде Советов, еще полномочны. Нет только некоторых лидеров того Исполкома. Меньшевики Н. Чхеидзе и И. Церетели еще в начале октября уехали в Грузию; в Петроград они больше никогда не вернутся. Оба окажутся в эмиграции. Чхеидзе в 1926 гг. покончит жизнь самоубийством, Церетели проживет до 1959 г., напишет интересные воспоминания о Февральской революции. Отсутствовал и лидер правых эсеров В. Чернов. Как и Керенский, он устремился на фронт, чтобы содействовать там организации борьбы с большевиками. Вскоре он еще заявит о себе на политической арене.

Съезд от имени старого ВЦИК открывает Ф. Дан. Его краткая речь несколько сумбурна, но он сразу пытается задать враждебный большевикам тон, протестуя против обстрела Зимнего дворца, в котором его партийные товарищи «выполняют свой долг». По соглашению крупнейших партийных фракций на пропорциональной основе президиум съезда должен состоять из 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевиков, 1 меньшевика-интернационалиста. Но правые эсеры и меньшевики воздерживаются от участия в президиуме «впредь до выяснения некоторых вопросов». Избранные большевики под гром аплодисментов занимают свои места. Нет пока В. И. Ленина, но он здесь, в Смольном. Среди членов президиума — Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, А. Рыков, А. Луначарский, В. Антонов-Овсеенко, Н. Крыленко и др. Председателем избирается Л. Каменев. И все это (и персональный состав большевиков в президиуме, и имя его председателя) — яркие показатели моральной атмосферы, царившей в партии. Еще несколько дней назад Л. Каменев, Г. Зиновьев выступали против восстания, но сегодня, когда восстание фактически уже победило, они снова в большевистском руководстве.

Л. Каменев объявляет порядок дня: об организации власти, о войне и мире, об Учредительном собрании — вопросы, решение которых страстно ждал и ждет народ. На трибуну поднимается Л. Мартов. Речь его отрывиста, он сильно волнуется. Прежде чем решать вопрос о власти, охрипшим голосом говорит он, надо прекратить вооруженные действия с обеих сторон, ибо за ними неизбежна «грозная вспышка контрреволюции»; только после этого путем переговоров можно будет приступить к созданию такой власти, которую признает «вся демократия». Если не сам Мартов, то, во всяком случае, большинство правых эсеров и меньшевиков были, по-видимому, уверены, что большевики отклонят это предложение. Но вот на трибуне по поручению большевистской фракции А. Луначарский. Он заявляет, что большевики согласны с предложением Мартова. Большевики за мирное и подлинное демократическое решение вопроса о власти, за сотрудничество с другими социалистическими партиями. В истории революции вновь наступает ответственнейший момент: II Всероссийский съезд Советов близок к тому, чтобы создать Советскую власть на основе социалистической многопартийности.

Предложение Мартова в принципе принято единоглас-

но, но не успел еще съезд приступить к его конкретному обсуждению, как слова один за другим потребовали меньшевики Я. Хараш, Л. Хинчук, Г. Кучин, бундовец Р. Абрамович, эсер М. Гендельман и др. Смысл их выступлений сводится к тому, что в знак протеста против «военного заговора, организованного за спиной съезда», фракции меньшевиков и эсеров покидают съезд. Их альтернативное требование — вступить в переговоры с Временным правительством для создания власти на широкой демократической основе. Это означает призыв к ликвидации восстания и возврат к существовавшему до него статус-кво.

Могли ли согласиться большевики на фактически предложенную им политическую капитуляцию за полшага до победы? Меньшевики и правые эсеры покинули зал заседания съезда (оставшаяся часть правых эсеров перешла к левым эсерам). «Дезертиры! — кричали им вслед.— Ступайте к Корнилову!»

Уходящие, по-видимому, считали, что нанесут удар по большевикам, однако в большей мере они нанесли удар по тому предложению Мартова, которое могло стать конструктивной основой для переговоров. Большевикам фактически уже не с кем было его обсуждать. Слово взял Л. Троцкий. «И теперь нам предлагают,— говорил он,— откажитесь от своей победы, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда?.. Нет, тут соглашение не годится! Тем, кто отсюда ушел, как и тем, кто выступает с подобными предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!» Троцкий предложил резолюцию с резким обвинением соглашателей как политиков, чья деятельность привела их к полному разрыву с Советами.

«Тогда мы уходим!» — с места кричит Мартов. (Он останется в Советской России до 1921 г., а затем, больной туберкулезом, уедет за границу и умрет в Берлине в 1923 г.)

Левый эсер Камков выступает с возражением против такой резкой резолюции: дверь для «умеренной демократии» не должна быть закрытой.

И большевики снова идут навстречу. Поднявшись на трибуну, А. Луначарский спрашивает: «Разве мы, большевики, сделали какой-либо шаг, отметающий другие

группы? Разве не приняли мы единогласно предложение Мартова? Нам ответили на это обвинениями и угрозами». Большевистская фракция не настаивает на голосовании резолюции: двери для тех партий, которые готовы идти с народом, все еще остаются открытыми. После двух часов ночи объявляется перерыв.

Когда съезд возобновился, пришло сообщение: Зимний дворец взят восставшими, Временное правительство, за исключением Керенского, арестовано. Теперь вся ситуация изменилась коренным образом: единственной властью в стране стал съезд. А что с Временным правительством? Революция не мстила и не проявляла жестокости. Арест министров продиктован был логикой еще не полностью завершенной борьбы: глава правительства Керенский бежал на фронт для того, чтобы повести карательные части на столицу. Министров-капиталистов предположено отдать под суд за «несомненную связь с Корниловым», а пока они под охраной революционных солдат направлены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Доктор И. Манухин — врач, прикомандированный к Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и пользовавший арестованных царских министров,— оставил интересные воспоминания о положении своих послеоктябрьских подопечных. «Солдаты охраны,— писал он,— ненавистью к ним не пылали, пищевой режим новая власть допускала сносный, встречи с родственниками были чаще и свободней». Постепенно многие из арестованных были переведены в больницу тюрьмы «Кресты», в частную лечебницу Герзони, откуда и вовсе освобождены «под залог». Судьба их сложилась по-разному. Некоторые позднее эмигрировали, другие (например, С. Салазкин, С. Ольденбург, П. Малянтович, А. Зарудный, Н. Кишкин и др.) остались в Советской России, в большинстве своем трудились до сталинских репрессий.

Между тем работа съезда продолжалась. Поступают сообщения от воинских частей, расположенных в пригородах Петрограда: среди них нет и не будет врагов съезда Советов, они не согласятся «выступать против братьев». Присутствовавший на съезде Н. Суханов вспоминал: «Начинают чувствовать, что дело идет гладко и благополучно, что обещанные справа ужасы как будто бы оказываются не столь страшными и что вожди (большевиков.— *Г. И.*) могут оказаться правы и во всем остальном». Теперь Н. Суханов, а с ним и некоторые другие меньшевики и эсеры постепенно стали прозревать: «мы

ушли, совершенно развязав руки большевикам, уступив им целиком всю арену революции».

Заседание съезда закрылось в шестом часу утра 26 октября, а вечером, в 21 час, того же дня возобновилось. Председательствующий Каменев объявляет, что президиум съезда отдал распоряжение в армию об отмене смертной казни, введенной Керенским. Взрыв аплодисментов покрывает его слова.

На повестке три вопроса: о мире, о земле и о новом правительстве. Впервые перед съездом появился В. И. Ленин, встреченный бурной, долго не смолкающей овацией. Приветственные крики, вверх летят картузы и папахи, солдаты потрясают поднятыми винтовками... Объявляется Декрет о мире. Всем воюющим народам и их правительствам предлагается немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире — без аннексий и контрибуций. Джон Рид вспоминал: «Внезапно, по общему импульсу, мы все оказались на ногах, подхватив бодрящие звуки „Интернационала". Седой старый солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай быстро моргала глазами, чтобы не расплакаться. Мощные звуки расплывались по залу, прорываясь сквозь окна и двери и вздымаясь к высокому небу». Даже те, кто был враждебно настроен к большевикам, испытывали в эту минуту огромное волнение. «Весь президиум во главе с Лениным,— пишет Н. Суханов,— стоял и пел с возбужденными, одухотворенными лицами и горящими глазами». Суханов не скрывал, что всей душой ему хотелось присоединиться к этому великому торжеству народа, «слиться в едином чувстве и настроении с этой массой и ее вождями». «Но не мог...» Смолкли торжественные звуки «Интернационала». Зал скорбно запел похоронный марш в память бесчисленных жертв проклятой империалистической войны.

Декрет о мире был великим подвигом большевиков, единственной партии, не побоявшейся, по словам эсера В. Станкевича, «перешагнуть через колючие заграждения», отделявшие Россию от других народов. «Декретом о мире,— признал лидер правых эсеров В. Чернов,— большевизм обезопасил себя от всяких усмирительных экспедиций с фронта».

Но вот В. И. Ленин читает с трибуны Декрет о земле. Помещичье землевладение ликвидируется, объявляется национализация земли, земля передается в распоряжение крестьянских организаций, вводится уравнительное землепользование. Провозглашение Декрета о земле было

не меньшим подвигом, чем Декрет о мире. Не держась за теоретические догмы, большевики делали решительный шаг навстречу требованиям огромной крестьянской массы. «Здесь раздаются голоса,— говорил В. И. Ленин,— что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны... Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь» [56]. «Пусть крестьяне сами устраивают свою жизнь» — таково было слово Октябрьской революции десяткам миллионов земленашцев. С остатками крепостничества, тормозившими и социально-экономическое и политическое развитие России, покончено. Впоследствии белоэмигрантские авторы писали, что Декретом о земле большевики «загородились от деревни». На самом деле они привлекли деревню на свою сторону.

Декрет о мире и в еще большей степени Декрет о земле стали надежной гарантией победы Советской власти в гражданской войне. Узел неразрешимых противоречий большевики развязали сразу. Декреты отняли у будущих антисоветских правительств саму возможность противопоставить политике Советской власти сколько-нибудь конструктивную социально-экономическую программу. Больше, чем дали народу большевики в Октябре, дать было попросту невозможно. Керенский позднее признал, что попытка «ворваться в революцию через правые двери» и «насадить белую мечту» была тщетна, ибо революция дала крестьянам все: и волю, и землю. Один из идеологов «белого дела» — Н. Чебышев писал, что «белое дело» было обречено лишь на «невроз реформ».

Перед съездом последний вопрос: создание правительства. Учитывая уход со съезда представителей правых социалистов и тот факт, что они уже вступили на путь борьбы с большевиками, организуя в городской думе «Комитет общественной безопасности», ЦК большевиков еще днем решил предложить съезду правительство — Совет Народных Комиссаров — из одних большевиков во главе с В. И. Лениным. Л. Каменев зачитывает состав Совнаркома. Против предложенного состава выступает представитель меньшевиков-интернационалистов Г. Ави-

лов. Он предрекает, что большевистское правительство, оказавшись в изоляции, не справится с огромными трудностями, с которыми столкнулась страна: другие правительства не поддержат Декрет о мире, зажиточное крестьянство не даст хлеба. Нужна коалиция всех демократических сил, настаивает Авилов. По существу он находит поддержку у левых эсеров. Один из их лидеров — В. Карелин заявляет, что они отклоняют предложение вступить в Совнарком, но только для того, чтобы сохранить возможность посредничества между большевиками и теми партиями, которые ушли со съезда. Идти по пути изоляции большевиков нельзя, говорит Карелин, «с судьбой большевиков связана судьба всей революции, их гибель будет гибелью революции».

Представитель Всероссийского исполкома профсоюза железнодорожников (Викжель) также настаивает на создании правительства, ответственного перед «всей революционной демократией», и угрожает забастовкой. Отвечает Троцкий. «Нам говорят,— сказал он,— вы не подождали съезда с переворотом. Мы-то стали бы ждать, но Керенский не хотел ждать; контрреволюционеры не дремали. Мы, как партия, своей задачей считали создать реальную возможность для съезда Советов взять власть в свои руки. Если бы съезд оказался окруженным юнкерами, каким путем он мог бы взять власть?.. Несмотря на то что оборонцы всех оттенков в борьбе против нас не останавливались ни перед чем, мы их не отбросили прочь,— мы съезду в целом предложили взять власть. Как нужно извратить перспективу, чтобы после всего, что произошло, говорить с этой трибуны о нашей непримиримости! Когда партия, окутанная пороховым дымом, идет к ним и говорит: „Возьмем власть вместе!", они бегут в Городскую думу и объединяются там с явными контрреволюционерами. Они — предатели революции, с которыми мы никогда не объединимся!» Вопрос о правительстве ставится на голосование. Резолюция Авилова отклонена, она собрала около 150 голосов. Совет Народных Комиссаров утвержден большинством съезда.

Утверждается состав ВЦИК 2-го созыва: 62 большевика, 29 левых эсеров. Но фракциям, покинувшим съезд, дается право в дальнейшем послать своих представителей во ВЦИК. Съезд закрыт.

Можно ли понять позицию правых эсеров и меньшевиков, ушедших со съезда и поставивших большевиков перед необходимостью взять всю власть самим? Чего

они хотели добиться? Ведь в Предпарламенте и во ВЦИК 25 октября они сами вынесли резолюцию, требовавшую от Керенского начать мирные переговоры и объявить о переходе земли крестьянам. Керенский не пошел, да и не мог пойти на это. В. И. Ленин, большевики пошли. Но то, что для меньшевиков и эсеров было приемлемо из рук Керенского, оказалось неприемлемым из рук Ленина. Политические партии должны уметь не только побеждать, но и проигрывать, вести борьбу в оппозиции. На протяжении 1917 г. большевики несколько раз выражали готовность на это, если только меньшевистско-эсеровские Советы возьмут власть. В октябре, когда власть взял большевистский съезд Советов, меньшевики и эсеры не нашли в себе таких сил. Верх взяли сугубо партийные интересы. Утром газета «Правда» писала: «Они хотят, чтобы мы одни взяли власть, чтобы мы одни справились со страшными затруднениями, ставшими перед страной... Что ж, мы берем власть одни, опираясь на голос страны и в расчете на дружную помощь европейского пролетариата. Но, взяв власть, мы применим к врагам революции и к ее саботерам железную рукавицу. Они грезили о диктатуре Корнилова... Мы им дадим диктатуру пролетариата...»

Конец керенщины

Когда в ночь на 26 октября красногвардейцы, солдаты и матросы ворвались в малую столовую Николая II в Зимнем дворце, где находились министры Временного правительства, Керенского среди них не оказалось. Еще утром 25-го в сопровождении нескольких адъютантов он в спешке покинул Зимний. Два автомобиля, один из которых шел под американским флажком и принадлежал посольству США, на большой скорости проехали по Дворцовой площади и повернули к Воскресенскому проспекту. Во второй машине, подняв воротник пальто, сидел Керенский.

Он мчался по направлению к Луге и Пскову, чтобы самому встретить карательные войска, которые по уже отданным приказаниям Керенского и начальника штаба Ставки генерала Н. Духонина должны были двигаться с Северного фронта для подавления восстания в Петрограде, встретить и побыстрее «протолкнуть» их к столице.

Все теперь зависело от этих войск. В третий раз за восемь месяцев контрреволюция делала ставку на разгром революции ударом «фронтового кулака». Первый раз — в начале марта, когда Николай II послал на столицу карательные части под командованием генерала Н. Иванова. В конце августа генерал Корнилов двинул на Петроград кавалерийские части, которыми командовал генерал А. Крымов. Теперь Керенский спешил навстречу еще неизвестному генералу, чтобы вместе с ним и его войсками вернуться в Петроград. Но этих войск не было...

Когда Керенский наконец добрался до Пскова, где находился штаб Северного фронта, стало известно, что главнокомандующий фронтом генерал В. Черемисов отменил их отправку. Историки еще до сих пор спорят, почему генерал занял позицию, явно гибельную для Временного правительства и Керенского. Причин, по-видимому, было несколько, и расставить их по степени значимости для В. Черемисова в момент принятия им решения, ставшего для Керенского роковым, не так-то легко.

Нам уже известен этот генерал по событиям июньско-июльского наступления Юго-Западного фронта и обстоятельствам, связанным с назначением Л. Корнилова на пост Верховного главнокомандующего в 20-х числах июля. Черемисов тогда командовал корпусом в составе 8-й армии Корнилова, входившей в состав Юго-Западного фронта. Только на участке боевых действий этой армии обозначился тогда определенный успех, и именно корпус В. Черемисова сыграл в этом, пожалуй, решающую роль. Черемисова звали «героем Галича». Возможно, здесь (не поделили славу!) и лежала одна из причин натянутых отношений между Корниловым и Черемисовым. Так или иначе, когда Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим и освободилось его место главнокомандующего Юго-Западным фронтом, Корнилов отклонил предложение назначить на это место Черемисова. Возник острейший конфликт, который с трудом был ликвидирован с помощью дипломатических способностей «комиссарверха» М. Филоненко. Назначение Черемисова главкомом Юго-Западного фронта не было проведено, он был временно переведен в правительственный резерв. Позднее карьера Черемисова быстро пошла вверх. В середине сентября он был назначен командующим Северным фронтом вместо генерала М. Бонч-Бруевича, пребывавшего на этом посту всего две недели после того, как

29 августа Керенский сместил с поста «главкосева» Клембовского, поддержавшего Корнилова.

Карьера Черемисова в немалой степени объяснялась тем, что он принадлежал к числу тех немногочисленных генералов, которые проявляли склонность сотрудничать с армейскими комитетами. Это обеспечивало Черемисову известную «благосклонность» как этих комитетов, так и местных Советов и самого ВЦИК. В правых кругах Черемисова считали «их человеком», более того, кое-кто даже подозревал генерала... в приверженности большевизму. В предоктябрьские дни Черемисов не проявил рвения в вопросе о выводе части Петроградского гарнизона на свой фронт. Но это отнюдь не было продиктовано его желанием «поддержать революцию»: человек умный и прозорливый, скорее он опасался революционизирующего воздействия столичного гарнизона.

Существует прочное мнение (основанное прежде всего на мемуарах самого Керенского), согласно которому Черемисов отменил распоряжение об отправке войск в Петроград еще до приезда Керенского в Псков. Имеются, однако, факты и документы, ставящие это утверждение под сомнение.

Конечно, к моменту приезда Керенского в Псков Черемисов, скорее всего, уже был настроен против, как он выражался, вмешательства в «петроградскую передрягу». Он знал, что в Петрограде нет войск, способных поддержать правительство, явно доживавшее последние часы. Он отдавал себе также полный отчет в том, что без санкции армейских комитетов, Военно-революционного комитета, образовавшегося в Пскове, и, наконец, ВЦИК организовать карательную экспедицию на Петроград будет практически невозможно, а большинство армейских комитетов высказывались против такой экспедиции. Пойти наперекор их желанию Черемисов не мог и не хотел. Да и Керенский, явившийся в Псков в совершенно разбитом, явно депрессивном состоянии, не только не вызывал у него никаких симпатий, но, напротив, усиливал антипатию, появившуюся, возможно, еще летом 1917 г. Можно предположить поэтому, что Черемисов, встретившись с Керенским, в изнеможении лежавшим на кушетке в квартире своего шурина генерал-квартирмейстера Северного фронта В. Барановского, убеждал главу правительства и Верховного главнокомандующего в невозможности направить в Петроград войска с его фронта. Скорее всего, его желание заключалось в том, чтобы как-то избавиться от не-

прошенного гостя и переправить его в Ставку, где, как он доказывал, можно попытаться сформировать новое правительство «хотя бы из случайных людей» и оттуда начинать борьбу против советского Петрограда.

Соглашался ли Керенский с Черемисовым? Если учесть его совершенно болезненное состояние, то нельзя исключить, что соглашался или, скорее, проявлял колебания. Во всяком случае, имеется собственноручная запись Черемисова: «Распоряжение об отмене движения войск на Петроград сделано с согласия Главковерха (т. е. Керенского.— *Г. И.*), который приехал в Псков не после отмены, а до нее». О том же он сообщил и генералу Н. Духонину в Могилев.

Человеком, который переломил упадническое настроение Керенского, скорее всего, был комиссар Северного фронта меньшевик В. Войтинский. Связавшись с ВЦИК, он в конце концов получил сообщение, что его меньшевистско-эсеровское руководство поддерживает отправку в Петроград войск с фронта, как это было в июле. Это сообщение, по-видимому, вдохновило В. Войтинского. Явно в обход «нелояльного» Черемисова он предпринял лихорадочные усилия по розыску генерала, готового двинуть воинские части к столице. Таковым оказался П. Краснов, еще в конце августа назначенный Корниловым командиром 3-го конного корпуса взамен А. Крымова, которому предстояло возглавить Особую Петроградскую армию. Однако принять корпус Краснов смог уже после того, как корниловский мятеж провалился. Керенский, выразив политическое доверие корпусу, тем не менее рассредоточил его по всему Северному фронту.

Еще утром 25 октября Краснов, находившийся в г. Остров, получил приказ о движении 3-го корпуса к Петрограду, но поздним вечером того же дня из Пскова последовало распоряжение, отменяющее этот поход. Краснов решил лично выехать в Псков за разъяснением: у него еще свежо было воспоминание о судьбе своего предшественника А. Крымова, оказавшегося между жерновами разноречивых приказов Корнилова и Керенского. Черемисов, по воспоминаниям Краснова, рекомендовал ему «остаться в Острове и ничего не делать» — форма, сама по себе довольно странная для взаимоотношений военных, да еще в боевой обстановке.

Однако встреча с комиссаром Войтинским «перевернула» Краснова. Вдвоем пошли к Керенскому, который все еще в состоянии депрессии пребывал на квартире

Барановского. Но, увидев Краснова, он ожил... Трудно сказать, кто кого убедил попытаться одним «коротким ударом» захватить Петроград: Керенский, Войтинский и Барановский Краснова или наоборот. Скорее всего, инициатива принадлежала этой тройке. Краснова убедили, что имеется полная возможность не только собрать все части корпуса воедино, но и усилить его другими пехотными и кавалерийскими частями. Но Краснов пока располагал лишь примерно 700 казаками. Расчет, однако, делался на быстрый подход подкреплений.

Ранним утром 26 октября «поход Керенского—Краснова» начался. Черемисов был поставлен перед совершившимся фактом. Когда утром того же дня Н. Духонин из Ставки запросил штаб Северного фронта о дальнейших намерениях «главкосева», начальник штаба генерал С. Лукирский ответил: «Он приказал снять посты революционного комитета и продолжать продвижение по железной дороге частей 3-го конного корпуса».

Дальнейшая судьба Черемисова опровергает подозрения в рассчитанной политике лишить Временное правительство поддержки в критическую минуту. Вскоре по приказу Н. Крыленко, назначенного Советским правительством Верховным главнокомандующим, Черемисов был арестован. После того как его освободили, он эмигрировал и еще в 20-х годах проживал в Дании. Он написал воспоминания, в которых старался снять с себя многочисленные обвинения либо в «скрытом содействии большевикам», либо, напротив, в действиях «по директивам» неких конспирированных «монархических центров», считавших, что падение Керенского приведет наконец к разгрому революции и демократии. Но единственное, что, по-видимому, было присуще Черемисову в октябрьские дни,— это общее для многих генералов и офицеров нежелание спасать опостылевшее им Временное правительство. Не исключено, что при этом Черемисов видел себя в какой-то особой, «наполеоновской» роли. События давали некоторые основания для подобного рода прожектов. Во всяком случае, он готов был принять от Керенского пост Верховного главнокомандующего. Командующий Западным фронтом генерал П. Балуев даже просил Духонина «удержать главкосева в должных границах».

* * *

Днем 26 октября казачьи сотни Краснова и Керенского в эшелонах двинулись из Острова на Петроград. К вечеру

они уже были в Луге, 27-го захватили Гатчину, а 28-го — Царское Село. И хотя в отряде Краснова, как он впоследствии писал в своих мемуарах, все сильнее ощущались элементы «разложения», главным образом из-за отсутствия подкреплений, над революционным Петроградом нависла серьезная угроза: только что образованный Совнарком еще не имел прочных средств обороны города, а практически все противостоящие ему силы к утру того же 27 числа объединились в так называемый «Комитет спасения родины и революции». Комитет установил связь с Гатчиной, где находился Керенский, и таким образом только что родившаяся Советская власть оказалась перед тяжелой перспективой согласованного удара своих противников как извне, так и изнутри.

В состав комитета вошли: президиум Предпарламента, представители городской думы (созданный ею «Комитет безопасности» и явился ядром «Комитета спасения»), ВЦИК 1-го созыва, Исполкома Совета крестьянских депутатов, ушедших со II съезда Советов фракций меньшевиков и эсеров, некоторых профсоюзов, ЦК партий эсеров, меньшевиков и народных социалистов. Были в комитете и четверо кадетов, но они вошли в него не как представители своего ЦК, а как члены городской думы. Поэтому «Комитет спасения родины и революции» претендовал на то, чтобы считаться органом объединенной «революционной демократии», противостоящим «узурпаторам»-большевикам. Он сразу постановил начать переговоры об организации «демократической власти», обеспечивающей «быструю ликвидацию большевистской авантюры». ВРК было предложено «немедленно сложить оружие».

Но если в отношении большевиков и Октябрьской революции комитет занял вполне определенную враждебную позицию, то этого никак нельзя сказать относительно его «конструктивной программы»: в многочисленных воззваниях и прокламациях комитета и организаций и групп, в него входивших, не чувствовалось стойкого желания бороться за восстановление только что свергнутого Временного правительства. Стремление отгородиться от этого правительства становилось, пожалуй, всеобщим. Речь скорее шла о создании некоего нового «демократического правительства» примерно на основе тех предложений, которые были сформулированы в резолюции Предпарламента еще вечером 24 октября.

Какова в этом правительстве будет роль лично Керен-

ского, по-видимому, никто пока не думал. Известно было, что он во главе фронтовых частей идет к Петрограду. Посланный в Гатчину представитель комитета эсер Герштейн сообщил бравое заявление Краснова: «Завтра (т. е. 28 октября.— *Г. И.*) выступаю на Петроград. Буду идти, сбивая и уничтожая мятежников». По расчетам руководства «Комитета спасения», отсюда следовало, что войска Керенского—Краснова, скорее всего, вступят в город 30 октября. К этому времени военный штаб, сформировавшийся в «Комитете спасения», готовил антисоветский мятеж. Руководили им правый эсер А. Гоц, который привлек уже известного нам полковника Г. Полковникова, утром 25 октября устраненного с поста командующего Петроградским военным округом правительственным «диктатором» Кишкиным и его заместителем П. Пальчинским. Помощником Полковникова назначили эсера Краковецкого. Краковецкий весной 1918 г. окажется в Сибири, где станет одним из руководителей борьбы с Советской властью. С ним мы еще встретимся...

Полковников расположил свой штаб в Инженерном замке, где находилось Николаевское военное училище. 28 октября юнкерские училища получили приказ о боевой подготовке, в училища прибыли комиссары «Комитета спасения». События, однако, развернулись таким образом, что организаторам мятежа пришлось дать сигнал к выступлению ранее намеченного срока. В ночь на 29 октября красногвардейский патруль арестовал двух подозрительных лиц. У одного из них, оказавшегося членом «Комитета спасения» эсером А. Брудерером, были обнаружены документы, содержавшие сведения о подготовке юнкерского мятежа. Брудереру удалось бежать и предупредить военный штаб комитета о случившемся, о том, что его намерения и планы известны Смольному. Тогда решено было выступать немедленно, не дожидаясь подхода войск Керенского—Краснова.

Мятеж начался на рассвете 29 октября, и, казалось, успешно: юнкерские отряды захватили помещение бронедивизиона, гостиницу «Астория», телефонную станцию, банк. В другие города уже была послана телеграмма, возвещающая о том, что войска «Комитета спасения» приступают к освобождению Петропавловской крепости и Смольного — «последних убежищ большевиков», и требовавшая, чтобы все воинские части присоединились к комитету. Однако на эти призывы никто не откликнулся, если не считать нескольких десятков офицеров и «удар-

пиц», связанных с тайной военно-монархической организацией черносотенца В. Пуришкевича. Предпринимались энергичные меры по ликвидации мятежа. Юнкерские училища были блокированы и взяты революционными войсками и отрядами Красной гвардии. Днем были освобождены телефонная станция и другие объекты. Руководители мятежа, в том числе Полковников, скрылись. Дальнейшая судьба Полковникова не очень ясна. Есть свидетельства, что он бежал на Дон, сколачивал там белогвардейские отряды, был захвачен красными и повешен...

Авантюра эсеровских «комитетчиков» привела к тяжелым жертвам с обеих сторон, несравненно большим, чем в ходе Октябрьского вооруженного восстания...

Но борьба не кончилась, а лишь переместилась из сферы военной в политическую. «Комитет спасения», официально открестившийся от «авантюры Полковникова и др.», изменил тактику: поддержал эсеро-меньшевистский Викжель, под угрозой забастовки потребовавший заключить перемирие между Керенским и Совнаркомом и приступить к переговорам о создании «однородного социалистического правительства».

Реально возникала еще одна возможность создания многопартийного Советского правительства. Большевики не отвергли ее. 29 октября ЦК большевиков признал «необходимым расширение базы правительства и возможном изменение его состава» [57]. Через несколько дней ЦК большевиков еще раз подтвердил, что, «не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти» [58].

Но большевики выдвинули свои условия. Они заключались в требовании признания Декретов о земле и о мире II Всероссийского съезда Советов и ответственности будущего правительства перед ВЦИК 2-го созыва. В резолюции ЦК, принятой 1 ноября, отмечалось, что ультимативной для большевиков является только программа: Декреты о мире и о земле, рабочий контроль, продовольственный вопрос, борьба с контрреволюцией, Советская власть [59]. Представители ЦК большевиков на переговорах Л. Каменев и Г. Сокольников довели до сведения других участников переговоров (от 9 организаций) эту точку зрения. Она была вполне логичной. Так действовала бы любая партия, уже стоящая у власти.

Выступившие от имени правых эсеров и меньшевиков М. Гендельман, Ф. Дан и др. заняли жесткую позицию. Они требовали распустить ВРК, считать II съезд Советов несостоявшимся и сформировать правительство, ответственное не перед ВЦИК 2-го созыва, а перед неким «Временным народным советом», составленным из представителей различных организаций, в том числе и не входящих в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (городских самоуправлений, профсоюзов). По словам В. Володарского, в сущности, предлагалось воссоздание печальной памяти Предпарламента. К тому же эсеры и меньшевики настаивали на невключении большевиков в правительство. Г. Сокольников в своем ответе заявил, что без большевиков никакого социалистического правительства не получится вообще, в стране будет установлена контрреволюционная, «казачья диктатура». ЦК большевиков считал, что та власть, на которой настаивают организации и группы, объединившиеся вокруг Викжеля и «Комитета спасения», «ничего, кроме колебаний, бессилия и хаоса, внести не может». На следующем заседании другой представитель ЦК большевиков Д. Рязанов еще раз заявил, что большевики готовы на соглашение, но именно делегаты других партий и групп тормозят мирное решение конфликта.

Эсеры и представители Викжеля, казалось, пошли на «уступку»: согласились на участие большевиков в правительстве, но только на основе «персональной комбинации». Это означало, что фактически они (как большинство) будут определять, кто из большевиков персонально войдет в правительство, но уже теперь прозвучали возражения против В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Переговоры затягивались, превращаясь в говорильню, в своего рода мини-Демократическое совещание. Впоследствии некоторые белоэмигрантские и иностранные авторы в срыве переговоров будут обвинять большевиков, но такие обвинения в еще большей степени следует переадресовать их партнерам по переговорам. А. Гоц на эсеровском процессе в 1922 г. говорил, что подлинная цель эсеров и меньшевиков на «викжелевских переговорах» заключалась в том, чтобы добиться изоляции большевиков от всех социалистических и демократических сил.

В ЦК большевиков возникли острые разногласия по вопросу о переговорах. Группа членов ЦК (Л. Каменев, А. Рыков, В. Милютин, Г. Зиновьев, В. Ногин, Д. Рязанов) упорно настаивала на соглашении. В ходе дебатов во

ВЦИК они отклонились от резолюции ЦК партии по вопросу о соглашении, принятой 1 ноября. Явно под давлением левоэсеровской фракции они признали возможным пополнение ВЦИК некоторыми организациями, не входящими в Советы, предоставление другим партиям половины мест в новом правительстве и ответственность его перед этим «реформированным» ВЦИК — фактическим «Временным народным советом», на котором настаивали эсеры и меньшевики. Несколько народных комиссаров заявили о своем выходе из Совнаркома.

В чем была главная ошибка, главный просчет оппозиционного меньшинства, возникшего в рядах большевиков? Конечно, не в том, что они выступали за правительственное соглашение с другими социалистическими партиями. Такова была и позиция ЦК. Суть ошибки заключалась в характере того соглашения, на которое оппозиция готова была пойти. Как указывалось в написанном В. И. Лениным «Ультиматуме большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству», такое соглашение означало не что иное, как «уклонение от власти», которую II съезд Советов вручил большевикам «именем миллионов рабочих, солдат и крестьян» [60]. Это была точная политическая оценка, ибо те уступки, на которые шла оппозиция ради соглашения, на практике вели к устранению большевиков от власти. На это партия пойти не могла. Это означало бы сдачу Октября, капитуляцию победителей перед побежденными. Нереальная, невероятная перспектива...

Д. Рязанов, выступая на заседании ВЦИК 1 ноября, должен был признать, что то обстоятельство, что «власть находится в руках только одной партии большевиков», — во многом результат, как он сказал, «преступной деятельности эсеров (правых) и меньшевиков». «Я, — говорил Рязанов, — усматриваю в заявлениях эсеров и меньшевиков много лицемерия, говорящих об объединении и в то же время делающих все, чтобы идти против революции».

В «Письме к товарищам» Г. Зиновьева, написанном им 7 ноября, также признавалось, что «меньшевики и эсеры соглашения не хотели и лишь искали повода, чтобы сорвать его».

Когда теперь восстанавливаешь историю «викжеляния» по историческим источникам, ощущая страстный накал той борьбы, поражаешься прямоте, откровенности, с которой она велась. Никто в партии не страшился высказывать свое мнение, отстаивать свою позицию. Это было естественным, это было неотъемлемой частью пар-

тийной жизни. Когда кризис разрешился, бывшие оппозиционеры по-прежнему остались в партийном руководстве.

На напряженность хода переговоров и их провал, безусловно, повлияла та накаленная обстановка, в которой они проходили. Политическая борьбы каждую минуту могла быть прервана: на Петроград наступали войска Краснова—Керенского, в самом городе вспыхнул юнкерский мятеж, замыслы Ставки и генералитета были враждебными. Тепь новой корниловщины черной тучей нависала над Петроградом, и новые попытки вооруженного разгрома революции могли стать вполне реальными...

Но мы забежали вперед.

29—30 октября на непосредственных подступах к Петрограду шли тяжелые бои. Организацию разгрома наступавших войск Керенского—Краснова взял на себя В. И. Ленин [61]. По его рекомендации был создан единый штаб обороны города, в который вошли левый эсер подполковник М. Муравьев, назначенный командующим обороной Петрограда (с ним мы еще встретимся летом 1918 г. на Восточном фронте, но уже и на этом посту он проявлял свои диктаторские замашки), В. Антонов-Овсеенко (его помощник), один из первых офицеров, перешедших на сторону Советской власти, полковник П. Вальден (начальник штаба), член большевистской Военной организации К. Еремеев (комиссар). Около 20 тыс. человек вышли на рытье окопов. В короткий срок был создан оборонительный рубеж залив — Нева. Подавление юнкерского мятежа 29 октября облегчило действия штаба обороны Петрограда. К 30 октября в районе Пулково было сосредоточено около 10 тыс. революционных бойцов. У Краснова были 9 казачьих сотен, 18 орудий, бронепоезд. Общая численность «красновской рати» не превышала 1,5 тыс. человек, но она рассчитывала на подход подкреплений. В бою под Пулковом Краснов был разбит и отвел свои части в Гатчину. Делегаты от его казаков сообщили о своем желании начать мирные переговоры...

...Все теперь казалось Керенскому каким-то странным сном с быстро менявшимися, мелькавшими картинами, которые переворачивала чья-то невидимая рука. Закрыв глаза, он лежал на кушетке в одной из комнат верхнего этажа Гатчинского дворца, напряженно прислушиваясь к неясному гулу, шедшему снизу. Он знал, ему уже сказали, что там идут переговоры красновских казаков с

прибывшими в Гатчину большевистскими матросами во главе с П. Дыбенко. Ему были известны и условия: его, Керенского, выдадут в Петроград в обмен на пропуск казаков на Дон с оружием и лошадьми.

Состояние было таким же, как несколько дней назад в Пскове, на квартире Барановского. Казалось, невозможно встать, пошевелить рукой. Лежать, неподвижно лежать, проваливаясь в какую-то бездну, в забытье...

Отворилась дверь. Без стука вошел генерал Краснов. Вежливо, но очень настойчиво заговорил о том, что дела плохи, что Керенскому нужно ехать в Петроград, может быть, даже прямо в Смольный, попытаться договориться. Краснов уверял, что опасности не будет: он даст охрану. Иначе — ни за что нельзя ручаться: имя Керенского вызывает сильное раздражение и озлобление у казаков; в таких условиях невозможно не соглашаться на перемирие, которое предлагают Викжель и большевики. Краснов говорил, что это будет всего лишь тактическим маневром: подойдут пехотные части с фронта и борьба может возобновиться.

В сущности, повторялась псковская «черемисовщина»: тогда Черемисов хотел «сплавить» Керенского в Ставку, теперь Краснов тоже стремился отделаться от него. Керенский слушал апатично, иногда согласно кивая головой. Краснов ушел. В комнате остался только личный секретарь Керенского Н. Виннер. Позднее в своих мемуарах Керенский стремился представить события 1 ноября 1917 г. в Гатчинском дворце чуть ли не в стиле античной трагедии: бывший «властелин» и его молодой преданный «слуга» побратались и решили не сдаваться живыми, покончив самоубийством.

Но самоубийства не произошло. Решено было бежать. Керенский-мемуарист утверждал, что его уход из дворца совершился почти внезапно («я ушел, не зная еще за минуту, что пойду»). Но очень сомнительно, чтобы это было так. Мысль о побеге у Керенского или людей из его окружения, по всей вероятности, должна была появиться сразу после устроенного им 31 октября «военного совета». Обсуждался один вопрос: воевать или соглашаться на перемирие, которое требовал Викжель. Большинство тогда высказалось за перемирие. В Петроград Викжелю отправили телеграмму: «Ваше предложение принято. Вчера выслан мой представитель Станкевич. Жду ответа». Но поражение под Пулковом изменило все. Керенский решил формально сложить свои полномочия главы прави-

тельства и Верховного главнокомандующего, о чем сообщил в Петроград «подпольному» Временному правительству — оставшимся на свободе заместителям министров. Он не мог не понимать, что теперь все побегут с его тонущего корабля. Так и случилось. Б. Савинков, прибывший в Гатчину и назначенный Керенским «командующим ее обороной» (корниловские времена были забыты), вдруг потребовал подписать ему бумагу о командировке в Ставку для организации подкреплений, получил бумагу и быстро «убыл». Впоследствии он писал, что метался по различным железнодорожным пунктам, пытался двинуть какие-то части на защиту «законной власти», но все его призывы остались тщетными. Однако находившийся в окружении Керенского комиссар 8-й армии К. Вендзягольский вспоминал о другом. Он свидетельствовал, что Савинков «по секрету» сообщил ему, что у него «созрело решение удалить Керенского». «Надо,— говорил он,— создать правительство, например, во главе с Плехановым или Чайковским...» Впрочем, в случае чего Савинков сам был готов «взять руководство новым правительством под лозунгом спасения России». Решили даже довести этот план до сведения Краснова, но он слушал, «опустив голову», и не решился на новую авантюру...

Разговор с Красновым, по-видимому, окончательно укрепил Керенского во мнении, что бежать надо немедленно. История того, каким образом Керенскому удалось ускользнуть из Гатчинского дворца, до сих пор остается не вполне ясной (сам Керенский так и не рассказал об этом). Распространившиеся в Петрограде слухи (они попали и в газеты) о том, что он бежал, переодевшись сестрой милосердия, были только слухами. Частичный свет проливают воспоминания некоторых из тех, кто в эти дни находился в гатчинском лагере.

Представители «революционной демократии», прежде всего однопартийцы Керенского — эсеры, сознавали, что, возглавив части 3-го конного корпуса вместе с монархистом Красновым, Керенский предстает далеко не в лучшем свете; к тому же это был корпус, являвшийся главной ударной силой корниловщины. Поэтому в сумятице событий некоторые эсеры (в том числе побывавший в Гатчине В. Чернов и назначенный комиссаром 3-го конного корпуса Г. Семенов, человек, выполнявший при Керенском «особые поручения») лихорадочно пытались сколотить какую-нибудь «революционную

часть», которая, влившись в войска Краснова, могла бы хоть в какой-то степени снизить их контрреволюционную, корниловскую одиозность. Ничего из этого не получилось. В Луге удалось собрать только небольшую «эсеровскую дружину» — не более 10 человек. Возглавил ее Г. Семенов, и, когда она прибыла в Гатчину, ее задача практически свелась к обеспечению личной охраны Керенского, поскольку появились слухи о том, что красновские офицеры составили заговор против Керенского. В это легко было поверить. Когда еще в Луге Керенский, здороваясь, протянул руку сотнику Карташеву, тот, вытянувшись во фронт, ответил: «Господин Верховный главнокомандующий, я не могу подать Вам руки, я — корниловец». Карташев лишь выразил общее настроение красновских офицеров — в большинстве своем корниловцев.

«Когда,— писал впоследствии Г. Семенов,— стало ясно, что Керенский будет выдан, я организовал его побег». Другой эсер, В. Вейгер-Редемейстер, исполнявший в Гатчине обязанности «начальника по гражданской части», присутствовал при разговоре Керенского с Семеновым и Виннером и слышал, как Виннер сообщал о существовании тайного выхода из дворца.

Затем Семенов ушел, но вскоре вернулся с каким-то матросом. Керенский обо всем этом не пишет ни слова. В его изложении, к нему в комнату совершенно неожиданно вошли «некто гражданский», которого он знал раньше, и «матрос Ваня». По всей вероятности, «гражданским» и был Г. Семенов, а «матрос Ваня», вероятно, входил в «эсеровскую дружину». Керенского переодели в «матросский костюм», на глаза надели «автомобильные консервы». Не спеша, чтобы не привлекать внимания, Керенский и его спутники вышли в коридор, а затем «тайным ходом» и из дворца. Стоявший у окна Вейгер-Редемейстер видел, как сначала они шли по парку через шумевшую толпу красновских казаков и матросов П. Дыбенко, затем сели в какую-то пролетку. У Китайских ворот ждала машина. Через мгновение она уже мчалась по направлению к Луге.

П. Дыбенко договорился с казаками о перемирии. Они могли свободно уходить на Дон. Краснов был арестован, доставлен в Петроград, но вскоре освобожден «под честное слово офицера» не поднимать оружия против Советской власти. Весной 1918 г. Краснов нарушит «честное слово офицера», примет участие в контррево-

люционном мятеже на Дону и при поддержке германских оккупантов станет донским атаманом. В феврале 1919 г. он уедет в Германию и наряду с антисоветской деятельностью займется графоманским писанием романов из истории революции. В годы второй мировой войны этот «казачий Хлестаков» пойдет на службу к гитлеровцам, будет взят в плен и по приговору Верховного Суда СССР казнен.

* * *

Для Керенского Гатчина фактически стала концом его политической карьеры. Забегая вперед, нужно рассказать об этом.

Под Лугой, в деревне Ляпунов двор, у родственников «матроса Вани» Керенский скрывался почти полтора месяца, оброс бородой, усами, стал малоузнаваемым. Весь конец 1917 г. прошел в нелегальных скитаниях по отдаленным селениям. Сначала он скрывался в имении Заплотье, принадлежавшем лесоторговцу Беленькому, сын которого был одним из тех, кто помогал Керенскому бежать из Гатчины. Затем переехал на хутор Щелкалов, оттуда даже... в психиатрическую больницу доктора Фризена под Новгородом и, наконец, в имение Лядно, в дом бывшего народника Л. Каменского.

В начале января 1918 г. Керенского тайно перевезли в Петроград: он выражал желание «открыться» и выступить на Учредительном собрании. Но в учредиловско-эсеровских кругах, по-видимому, было решено, что от появления Керенского они уже ничего не выиграют. Загримированный и с фальшивым паспортом на имя шведского врача Керенский перебрался в Финляндию. Но когда в конце января в Финляндии началась революция и местная реакция, вступившая в сговор с Германией, развязала гражданскую войну, хозяева дома, где жил Керенский, предупредили его, что им придется сообщить немцам, кто у них проживает. Керенский снова нелегально вернулся в Петроград, а в начале мая перебрался в Москву. Здесь подпольно действовала контрреволюционная организация «Союз возрождения России», в которую входили энесы, эсеры, меньшевики. С этим «союзом» Керенский установил контакты. Когда на востоке страны вспыхнул чехословацкий мятеж, Керенский выразил желание выехать на Волгу, чтобы примкнуть к движению, которое политически возглавляли правые

эсеры. Но, как и в случае с Учредительным собранием, эсеры снова твердо сказали «нет» — в их глазах Керенский уже был отыгранной картой. «Союз возрождения» предложил ему выехать за границу — в Англию и Францию — для переговоров об организации военной интервенции в Советскую Россию. И Керенский согласился. Через сербского военного атташе полковника Лондкевича достали паспорт, с помощью которого А. И. Лебедев (под такой фамилией Керенский жил в Москве) превратился в серба Милутина Марковича. В сербском военном эшелоне он должен был добраться до Мурманска, а оттуда морем на английском военном корабле в Великобританию.

Но произошла осечка: нужна была английская виза, а консул О. Уордроп заявил, что без согласования с Лондоном выдать ее не может. Между тем времени не было: эшелон с сербскими солдатами вот-вот должен был уйти, да и твердой уверенности в согласии Лондона не было...

В один из июньских вечеров 1918 г. в Хлебный переулок на квартиру неофициального представителя Англии, а в действительности разведчика Б. Локкарта (в конце августа он будет арестован по обвинению в организации заговора против Советской власти) явился человек, назвавшийся Романом Романовичем. Локкарт узнал его: это был тесно связанный с Керенским эсер В. Фабрикант, помогавший ему в конспиративных скитаниях. Он просил помочь Керенскому. Локкарт, тут же взяв паспорт «Марковича», поставил на нем свою личную печать. Эта «виза», разумеется, юридически ничего не значила, но ничего другого Локкарт сделать не мог.

Через несколько дней из дома на Патриарших прудах вышла внешне ничем не привлекающая внимания компания гуляющих людей. Среди них находился и Керенский, он же Лебедев, он же Маркович. На перроне Ярославского вокзала компанию уже встречал Лондкевич; он быстро проводил Керенского в вагон сербской военной миссии. Экс-премьер покидал Россию навсегда. Он прожил за границей еще очень долгую жизнь: издавал газеты, писал мемуары, выступал на собраниях. Главными его темами были самооправдание в глазах белой эмиграции, возлагавшей на него ответственность за победу Октября, и пропаганда антибольшевизма. Но ему не верили. Сотник Карташев, не протянувший Керенскому руки в дни похода Краснова на Петроград, был лишь первой

ласточкой. В эмиграции Керенский не раз подвергался оскорблениям и похуже...

Нападение гитлеровской Германии на СССР застало Керенского в США. Он проповедовал «двойную задачу»: сначала поражение фашизма, затем «демократическое обновление» России. Он доказывал, что большевизм «уже в прошлом», что впереди — «программа реконструкции», в которой примет активное участие и «демократическое крыло» эмиграции. Последние книги Керенского — о Временном правительстве и мемуары — вышли в 60-х годах. На суперобложке мемуаров — фотография глубокого старика со сморщенным лицом, большим ноздреватым носом, подслеповатыми водянистыми глазами. Только знаменитый «ежик» на голове, правда совершенно седой, напоминает в старике Керенского.

Только советологи иногда вспоминали о нем и обращались за «разъяснениями». Но и в их расспросах ему мерещились прежние «подвохи», желание уязвить намеками на то, что это он открыл большевикам путь к власти. Тогда он нервничал, сердился. В июне 1970 г. в возрасте почти 90 лет Керенский умер в госпитале «Святого Луки». Похоронен он в Англии.

Быховский «исход»

Гатчинское «отречение» Керенского (он формально сложил с себя полномочия главы правительства и Верховного главнокомандующего) и его бегство выдвинули на политическую авансцену начальника штаба Ставки генерала Н. Духонина. По «Положению о полевом управлении войск» к нему перешли функции Верховного главнокомандующего, а эта должность, по крайней мере начиная с Л. Корнилова, все более и более наполнялась политическим содержанием.

Собственно говоря, Духонин еще до формальной отставки Керенского оказался в ожесточенном перекрестии различных сил, вызванном Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде и крушением Временного правительства. Находившийся в Пскове, а затем в Луге и Гатчине Керенский требовал немедленного движения войск к Петрограду. Главнокомандующий Северным фронтом В. Черемисов явно саботировал выполнение этих требований. Другие главнокомандующие фронтами проявляли колебания и старались уклониться от «втягива-

ния в политику». Многие армейские комитеты заняли позицию Викжеля, действуя по формуле «ни одного солдата Керенскому, ни одного — большевикам». Другие поначалу как будто бы выражали готовность «штыками привести тылы государства в порядок», хотя, как записал в своем дневнике генерал А. Будберг, все это было «бахвальством»: было ясно, что, когда эти части окажутся в Петрограде, «надо будет думать о том, как и кем их усмирять». Совнарком и ВРК решительно требовали остановить всякое передвижение войск, не связанное со стратегическими соображениями и не санкционированное народными комиссарами...

На генерала Духонина свалилась тяжелая, вероятно, непосильная для него ноша. Это был военный интеллигент, высокопрофессиональный штабист, готовый добросовестно выполнять свой, как он понимал его, служебный долг, но вряд ли способный к принятию ответственных решений. В нем ничего не было от Корнилова и даже Черемисова, которые, кажется, не прочь были выйти из революционного круговорота с наполеоновскими лаврами...

Два основных соображения, по-видимому, руководили Духониным. Как военный, в сложившейся экстремальной обстановке он стремился всеми средствами сохранить и удержать все более разваливающийся фронт. Как политик, в стремительном калейдоскопе событий он, натолкнувшись на невозможность оказать быструю помощь Керенскому, склонялся к мысли об изоляции большевиков в Петрограде и их быстром «внутреннем разложении». Действия Духонина в первые ноябрьские дни как будто подтверждают такую версию. От наступательных попыток сосредоточить «здоровые войска» под Лугой или на линии Везенберг—Невель—Старая Русса—Вязьма он пришел к сугубо оборонительному замыслу, состоявшему в том, чтобы попытаться отрезать центральные районы от фронта. Войсковая «завеса» по линии Везенберг—Остров должна была «отсечь» Петроград, войсковая завеса по линии Великие Луки—Орша — «отделить» Москву. В этом Ставке и Духонину виделась возможность парализовать обоюдное влияние фронта и тыла, дождавшись перемены политической ситуации.

Однако военное и политическое маневрирование духонинской Ставки могло продолжаться только до тех пор, пока Советское правительство не освободило себе рук в борьбе с Керенским—Красновым, юнкерским мятежом в

столице и антисоветским мятежом в Москве. Затем настал час претворения в жизнь, может быть, главного лозунга большевистской партии и первого декрета II съезда Советов — Декрета о мире. Осуществить это помимо, в обход Ставки было невозможно. Очень многое, если не все, зависело от ее позиции.

В ночь на 8 ноября Совнарком предписал Духонину «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». По существу, целые сутки Ставка молчала. В ночь на 9 ноября В. И. Ленин, И. Сталин и Н. Крыленко потребовали Духонина к прямому проводу. Переговоры длились два с половиной часа. Когда Духонину в ультимативной форме было отдано распоряжение немедленно приступить к переговорам о перемирии, он наконец ответил прямым отказом, поскольку отрицал за Совнаркомом право представлять центральную правительственную власть. Тогда Ленин продиктовал приказ: «Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства... Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко». До прибытия Крыленко в Могилев Духонин обязан был «по законам военного времени продолжать ведение дела» [62]. Сразу же после этого Совнарком обратился с воззванием ко всем комитетам, солдатам и матросам с призывом взять дело мира в свои руки. «Пусть полки, стоящие на позициях,— говорилось в воззвании,— выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам права на это» [63]. Мог ли Духонин, воспитанный в совершенно иных традициях, понять и воспринять этот революционный, поистине беспрецедентный шаг?

Поддержанный союзными представителями в Ставке, некоторыми главнокомандующими фронтов, Общеармейским комитетом в Ставке, он решил не подчиняться приказу о снятии его с поста Главковерха. В обращении к солдатам он призывал их не поддаваться «обольщению» большевиками, Советом Народных Комиссаров, поскольку таковой не является «полномочным правительством», «общепризнанной законной властью». Это был первый шаг, который сделал Духонин по пути к своей гибели, первый, но еще не окончательный...

11 ноября новый Верховный главнокомандующий Н. Крыленко с отрядом красногвардейцев и матросов численностью примерно в 50 человек прибыл на Северный фронт. В Двинске им был отдан приказ по армии и флоту, который за неподчинение отстранил от занимаемых должностей главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова, и. о. комиссара фронта В. Шубина и командующего 5-й армией генерала В. Болдырева. Особым пунктом «за упорное противодействие исполнению приказа о смещении и преступные действия, ведущие к новому взрыву гражданской войны», приказ объявлял Духонина врагом народа. Суровое слово было произнесено.

Между тем 13 ноября в полосе действий 19-го корпуса Западного фронта три советских парламентера — поручик В. Шнеур, член комитета 5-й армии; военный врач А. Сагалович и вольноопределяющийся Г. Мерен в сопровождении трубача и с развевающимся белым флагом двинулись к германским окопам. У них имелись официальные полномочия наркома по военным делам и Главковерха на ведение переговоров об установлении перемирия на всем Восточном фронте. С замиранием сердца ожидался ответ: пойдут немцы на переговоры или нет? Казалось, время остановилось...

Парламентеры вернулись примерно через сутки: немцы соглашались на переговоры, предлагая начать их 19 ноября в Ставке своего верховного командования — Брест-Литовске. Главковерх Крыленко тут же издал приказ о прекращении огня. Разрешались только ответные боевые действия. «Всякого, кто будет скрывать или противодействовать распространению этого приказа,— оповещал Крыленко,— предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей». Жесткость приказа была понятной: слишком высокая цена была заплачена за возможность долгожданного мира и слишком много зависело от его достижения.

17 ноября революционные войска под командованием Крыленко двинулись к Могилеву. В составе их находились сводный отряд балтийцев под командованием мичмана С. Павлова, часть Литовского полка под командованием В. Сахарова и разведывательный отряд во главе с С. Кудинским. Концентрация столь крупных сил не была лишь результатом перестраховки. В Ставке имелись воинские части, которые вполне могли организовать ее оборону. Прежде всего это были несколько ударных ба-

тальонов численностью примерно до 2,5 тыс. Командовавшие ими подполковник В. Манакин и полковник В. Бахтин заявляли, что «готовы защищать Ставку до последней капли крови». Однако подобные воинственные настроения не находили общей поддержки. Сам Духонин был в смятенном состоянии. Уже известный нам член Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова, побывавший в эти дни в Ставке, полковник Н. Украинцев в своих воспоминаниях нарисовал довольно яркую сценку. В кабинете у Духонина он застал командира Польского корпуса генерала И. Довбор-Мусницкого, который убеждал его ни в коем случае не сдавать Ставки, ибо его долг сохранить и отстоять «идею» при любых обстоятельствах и в любом месте, хотя бы «в чистом поле». Высоким, взволнованным голосом, непрерывно двигаясь по кабинету, Духонин отвечал, что «это все теория», а на практике из всего этого «выйдет ерунда».

В конце концов в ночь с 18 на 19 ноября на совещании решено было эвакуировать Ставку в Киев: таков был совет «заключенного» в Быхове генерала Лукомского, поддерживавшего тесную связь с Духониным. По некоторым данным, переговоры об этом велись и с военным министром Центральной украинской рады С. Петлюрой. Ранним утром 19-го уже началась погрузка документов, но почти сразу же она была остановлена. Примерно в то же время, когда в Ставке шло совещание, принявшее решение об отъезде в Киев, бурное заседание происходило и в Могилевском Совете. Обсуждался вопрос о признании Советской власти. Большевистская фракция, поддержанная левыми эсерами, постановила создать из представителей партий, разделяющих платформу Октябрьской революции, Военно-революционный комитет и передать ему всю власть в городе. После острых прений исполком Совета утвердил это постановление. Наутро 19 ноября ВРК объявил себя высшей властью в Могилеве, установил контроль над Ставкой и постановил подвергнуть Духонина, «комиссарверха» В. Станкевича и заместителя Главковерха по гражданской части В. Вырубова домашнему аресту. Это и сорвало уже начавшуюся эвакуацию Ставки в Киев. Солдаты Георгиевского батальона остановили погрузку.

Но, по всей вероятности, незадолго до всех этих событий Духонин совершил шаг, ставший для него роковым. Он распорядился, чтобы сосредоточенные в Могилеве ударные батальоны срочно покинули город и ухо-

дили на юг, по последующему признанию подполковника Манакина, на Дон. И они ушли... А ранним утром 19 ноября в «быховской тюрьме» появился начальник оперативного отдела Ставки полковник П. Кусонский. Его спешно провели к Корнилову...

* * *

Оборвем здесь наш рассказ и немного вернемся назад, к «быховским узникам», собранным в старом католическом монастыре после провала корниловского мятежа. Как мы уже знаем, они пристально следили за событиями. По свидетельству Деникина, решено было покинуть Быхов в случае угрозы неминуемого самосуда или окончательного падения власти Временного правительства. Однако с помощью Ставки и Чрезвычайной следственной комиссии, всецело сочувствовавшей корниловцам, под разными предлогами удалось «наладить» постепенное освобождение «узников» уже в октябре. Как уже отмечалось, ко времени Октябрьского вооруженного восстания в Быхове находилась лишь половина «заключенных». Затем стали освобождаться и другие. Шабловский, однако, никак не решался на «легальное» освобождение пяти «высших генералов»: Корнилова, Деникина, Лукомского, Романовского и Маркова. Но они готовились. Все поступавшие на их имя суммы переводились в Новочеркасск, куда пробрался освобожденный каким-то образом В. Завойко и где он, по свидетельству Деникина, создал «единую центральную кассу». Из Новочеркасска Завойко писал Корнилову: «Помните, что стихия за Вами, ничего, ради бога, не предпринимайте, сторонитесь всех; Вас выдвинет стихия. Вам не надо друзей, ибо в должный момент все будут Вашими друзьями... За Вами придут...»

Это письмо в какой-то мере проливает свет на подлинные причины задержки Корнилова и других «высших генералов» в Быхове: «анархическому плоду», в «спасительность» которого так верили многие корниловцы, хотели дать полностью созреть...

Наступил, однако, момент, когда становилось все яснее, что дальнейшее промедление может стать роковым. «Быховские сидельцы» решили действовать. Уже известный нам Н. Украинцев позднее рассказал о том, как это было. Чрезвычайная комиссия, после Октября продолжавшая свою работу больше по инерции, находилась в здании Адмиралтейства. Вскоре после Октября к Ук-

раинцеву зашел другой член комиссии, Раупах, и сообщил, что, так как Шабловский уехал в Ригу, вечером он приведет к замещавшему его Украинцеву некоего «гостя из Быхова». Действительно, вечером Раупах явился в сопровождении какого-то человека в потертой солдатской шинели без погон. «Солдат» отрекомендовался капитаном Чунихиным. В Петроград он пробрался с фальшивым удостоверением по поручению Корнилова. Поручение заключалось в том, чтобы склонить комиссию к освобождению всех оставшихся «быховцев» — «больных и старых», поскольку не исключена возможность, что «высшим генералам» и некоторым офицерам придется освобождаться «силой» и тогда «больные и старые» будут помехой.

Чунихин просил, чтобы в случае, если комиссия по каким-то соображениям не сможет пойти на это, ему выдали чистые бланки с постановлением об освобождении: в соответствующий момент в Быхове сами впишут нужные фамилии. Украинцев и Раупах пообещали. Чунихин уехал. Однако задача была не так проста. Все материалы комиссии, в том числе и необходимые бланки, хранились в кабинете главного военно-морского прокурора Шабловского. Находившийся здесь матрос заявил, что дело Корнилова «находится под запретом» и без разрешения наркома по морским делам Дыбенко допуск к нему невозможен. Пошли к Дыбенко, который встретил членов комиссии «холодно, но не враждебно». Объяснили ему, что «корниловское дело» имеет теперь огромный исторический интерес, но оно не систематизировано и не закрыто. Чтобы «привести его в порядок», составить «заключение» и закончить переписку, нужно получить материалы. И Дыбенко разрешил: поверил военным юристам. Через некоторое время в той же солдатской шинели снова объявился Чунихин, забрал бланки и исчез.

Приблизительно в середине ноября Раупах, по всем данным державший прямую связь с Корниловым, заявил Украинцеву, что кто-то из них должен ехать в Ставку и в Быхов, чтобы передать новые бланки для арестованных: другого пути на сей раз не было. Поехал Украинцев. Сначала он побывал у Духонина, откровенно рассказав ему, что привез бланки для передачи в Быхов на случай освобождения все еще находившихся там Корнилова, Деникина, Лукомского, Романовского и Маркова. Духонин тут же распорядился предоставить Украинцеву автомобиль. На другой день он был в Быхове. Передавая

бланки Корнилову, Украинцев спросил его, куда он и другие генералы предполагают уходить. Корнилов прямо ответил: на Дон.

Возможно, в сложившейся обстановке «быховские узники» могли бы покинуть свою «тюрьму» и без «липовых документов», но тут все-таки имелся риск. С ними же коменданту Быхова подполковнику Текинского полка Эрхардту было легче убедить солдат охраны в полной «законности» освобождения корниловцев...

Описанная выше встреча Украинцева с Корниловым состоялась, вероятно, 15—16 ноября или около того. Но приближение революционных войск советского Главковерха Крыленко спутало последние карты «быховцев». Ранним утром 19 ноября в Быхов из Могилева неожиданно прибыл полковник П. Кусонский и доложил Корнилову: «Через 4 часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов». По существу, это было последнее распоряжение Духонина.

Корнилов тут же вызвал подполковника Эрхардта и коротко приказал ему: «Немедленно освободите генералов. Текинцам изготовиться к выступлению к 12 часам ночи. Я иду с полком».

Начальник внешней охраны прапорщик Гришин в присутствии Эрхардта заявил солдатам, что Лукомский, Деникин, Марков и Романовский освобождаются по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии. Вся четверка направилась на квартиру к подполковнику Эрхардту, где все переоделись и как могли изменили свой внешний вид. Лукомский превратился в «немецкого колониста», Романовский сменил генеральские погоны на прапорщические, а Марков стал солдатом, уволенным и едущим домой. Деникин преобразился в «польского помещика». Всем были вручены фальшивые документы, полученные в штабе Польского корпуса. Затем решили разделиться. Романовский и Марков уехали на паровозе (вместе с Кусонским) в Киев. Лукомский также поездом направился на Смоленск. Последним из четверки отбыл Деникин, имевший документы на имя помощника начальника перевязочного пункта А. Домбровского. Его путь лежал на Харьков. Здесь через несколько дней он случайно встретился с Романовским и Марковым, и они вместе добрались до Новочеркасска. Сложнее оказался путь у Лукомского. В Быхове остался один Корнилов.

В первом часу ночи на 20 ноября в караульное помещение, где находились солдаты Георгиевского батальона — внешней охраны «быховской тюрьмы», явились офицеры караула прапорщик Гришин и капитан Попов. Гришин сказал, что по постановлению Чрезвычайной следственной комиссии генерал Корнилов освобождается и что все «бумаги» об этом они с Поповым видели сами и за их достоверность «ручаются головой». Тут же сняли часовых. Через некоторое время в «караулку» в сопровождении текинских офицеров пришел Корнилов. Он был в папахе, одет по-походному. По воспоминаниям «быховца» полковника С. Ряснянского, Корнилов обратился к солдатам с короткой речью. В ней он, между прочим, сказал, что направляется на Дон, где будет ожидать «справедливого суда, который выяснит его отношение к Керенскому». «Одно знаю,— говорил Корнилов,— что его бог наказал и еще накажет...» Прощальная речь была «подкреплена» двумя тысячами рублей, которые Корнилов, если верить А. Деникину, передал солдатам «в награду».

Три эскадрона текинцев уже стояли, готовые двинуться в путь. Четвертый, под командованием командира полка полковника Н. Кюгельхена, должен был выйти из Могилева и присоединиться уже за Быховом. Была светлая, морозная ночь. Полная тишина. Корнилову подвели коня, он легко вскочил в седло, снял шапку, широко перекрестился и дал знак к движению. Вытянувшаяся темной качающейся лентой вереница всадников спустилась к Днепру, перешла мост и рысью двинулась на юг...

* * *

Спешно и скрытно направив ранним утром 19 ноября полковника Кусонского в Быхов, Духонин, может быть, спас жизнь Корнилову и другим «быховским» генералам. Но они, воспользовавшись прибытием Кусонского и срочно покинув Быхов, по существу, обрекли Духонина. Говорят, что, дав указание об уходе «быховцев», он якобы сказал: «Этим распоряжением я подписал себе смертный приговор». Вообще, как только стало очевидно, что Могилев будет взят войсками Н. Крыленко, Духонина практически покинули все. Общеармейский комитет самораспустился и рассеялся. «Комиссарверх» В. Станкевич уехал в Киев. Генерал-квартирмейстер К. Дитерихс скрылся где-то в Могилеве. С Духониным осталась только жена. Впрочем, в этом смысле судьбу Духонина разде-

лят и другие. «Отыгранные карты» безжалостно отбрасываются в сторону политиканами, готовыми и дальше продолжать политическую игру. На поверхность всплывали какие-то проходимцы. По-видимому, в ставочной типографии был отпечатан «Манифест Митрофана Грозного». В нем сообщалось, что с согласия Духонина «Военный Совет» избрал... нового царя, некоего Митрофана Михайловича, который беспощадными мерами спасет Россию...

В 9 часов вечера 19 ноября, когда Корнилов был еще в Быхове, находившийся в Витебске Крыленко отдал приказ о немедленной отправке эшелонов с революционными войсками в Могилев. Первыми в город наутро вступили отряды В. Сахарова и матросы С. Павлова. Перед губернаторским дворцом, в котором размещалась Ставка, скапливалась солдатская масса. Ввиду ее явно возбужденного состояния решено было перевести Духонина в поезд Крыленко, уже стоявший на станции. Но толпа двинулась вслед. Тем не менее Духонин был благополучно доставлен в поезд. Через некоторое время Крыленко и поручик В. Шнеур направились в Ставку, чтобы принять там дела. Духонин ехать отказался, заявив, что здесь, в поезде, он чувствует себя в большей безопасности.

А по городу уже разнеслась молва о бегстве Корнилова и о том, что под Жлобином уже идет бой с ушедшими из Быхова ударниками. На станции вокруг поезда Крыленко забурлила толпа солдат и матросов. Взобравшись на площадку вагона, какой-то человек в матросской форме хрипло и надсадно кричал: «Керенский уже удрал, Корнилов удрал, Краснов тоже... Всех выпускают, но этот-то (т. е. Духонин.— *Г. И.*) не должен уйти!»

Как только Крыленко, находившемуся в Ставке, донесли, что толпа на станции требует выдачи Духонина, он, Шнеур и еще один офицер бросились в машину и выехали на станцию. Они успели: Духонин еще находился в поезде. Крыленко пробился к своему вагону, поднялся на площадку и начал говорить. Он просил собравшихся не пятнать себя самосудной расправой, уверял, что Духонин будет отправлен в Петроград, где предстанет перед судом, наконец, прямо заявил, что только через его труп кому-либо удастся «дотронуться до Духонина». Казалось, что горячее обращение Крыленко сделало свое дело. Толпа постепенно стихала. Кто-то еще требовал, чтобы Духонина хотя бы вывели на площадку,

показав, что он здесь, но Крыленко решительно отверг эти требования. Тогда кто-то закричал: дайте хотя бы духонинские погоны, пусть отряд, идущий под Жлобин в бой с ударниками, знает, что сам Духонин в надежных руках. Крыленко и генерал С. Одинцов, приехавший с ним из Петрограда для приема дел Ставки, решили, что выполнение этой просьбы может окончательно разрядить обстановку. Вошли в купе к Духонину, попросили у него погоны «для спасения жизни». По свидетельству С. Одинцова, он отказался. Тогда Одинцов сделал это сам, Духонин не сопротивлялся. Когда погоны были отданы стоявшим у вагона солдатам, уже поредевшая толпа разошлась.

Примерно через полчаса Крыленко и Одинцов решили возвратиться в Ставку. Одинцов зашел к Духонину и в ответ на просьбу не оставлять его одного дал слово, что очень скоро вернется и будет сопровождать его до Петрограда. Когда Крыленко и Одинцов вышли на площадку, они увидели, что у вагона снова собралась толпа. Снова Крыленко и вышедший комиссар отряда С. Рошаль начали уговаривать ее разойтись. Крыленко позднее рассказал, что на этот раз его удивило спокойствие обступивших вагон, их готовность прислушаться. По-видимому, это была уловка. С противоположной стороны на площадку вагона ворвалась группа солдат и матросов. Крыленко, Одинцова и Рошаля отбросили в сторону. Через несколько минут все было кончено. Труп Духонина был выброшен из вагона на поднятые вверх штыки...

В тот же день Крыленко издал обращение к солдатам об овладении Ставкой. В нем говорилось: «Не могу умолчать о печальном акте самосуда над бывшим главковерхом генералом Духониным,— народная ненависть слишком накипела, несмотря на все попытки спасти его, он был вырван из вагона на станции Могилев и убит. Причиной этому послужило, накануне падения Ставки, бегство генерала Корнилова... С самым строгим осуждением следует отнестись к подобным актам; будьте достойны завоеванной свободы, не пятнайте власти народа. Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок после победы». Увы, не всегда эти призывы находили отклик. Гражданская война разгоралась, ценность человеческой жизни катастрофически падала. Появилось много расхожих выражений, обозначающих расстрел, «высшую меру». Пожалуй, одним из первых было «отправить в штаб к Духонину»...

* * *

Трудно сказать, почему Корнилов избрал для себя необычный и тяжелый путь на Дон: походным порядком с неминуемыми боями предстояло пройти несколько сот верст. А ведь он, как Деникин и другие генералы, вполне мог «раствориться» в солдатской массе, хлынувшей на юг и восток, и более безопасно добраться до Новочеркасска. Это тем более справедливо, что, как мы увидим чуть ниже, ему в конце концов именно так и пришлось поступить. Остается предположить, что выбор «исхода» из Быхова имел вполне прагматическую «подкладку»: уходя на Дон, Корнилов предвидел свою роль «вождя» и заранее позаботился о необходимом ореоле. И действительно, уход Корнилова из «быховской тюрьмы» поздней осенью 1917 г., ночью и его десятидневный поход во главе Текинского полка надолго остались одним из событий, «легендировавших» историю «белого дела».

Быховские поэты капитаны А. Брагин и В. Будилович даже написали стихи, посвященные Текинскому полку и его походу с Корниловым.

> Слава вам, текинские джигиты,
> Вы России гордость сберегли.
> Подвиг ваш отныне знаменитый
> Вспомнит летопись родной земли.

Это творчество Брагина.

Не отставал и Будилович:

> Он (т. е. полк.— *Г. И.*) от врагов коварной мести
> Вождя Корнилова спасал,
> Поход тяжелый совершал,
> Готовый смерть принять на месте...
> И он погиб в борьбе кровавой,
> Свой до конца исполнив долг...

Однако проза похода намного отличалась от «поэтических» видéний быховских виршеслагателей.

Революционные отряды сразу же начали преследование ушедших из Могилева ударных батальонов и текинцев во главе с Корниловым. В нескольких боях ударники, прорывавшиеся на Дон, были сильно потрепаны и наконец в начале декабря разбиты и рассеяны под Белгородом. А Текинский полк (из Быхова ушли 400 всадников и 24 офицера), стремясь как можно дальше оторваться от возможного преследования, делал максимально длинные переходы, почти по 80 верст в сутки.

Поход оказался крайне тяжелым, так как многое не

было предусмотрено. И без того плохие дороги обледенели, а коней в Быхове не успели перековать. У всадников не было теплой одежды. Из Быхова взяли с собой небольшой обоз, но солдаты-обозники, многих из которых заставили идти с полком чуть ли не шашками, после первых же переходов сбежали. Хуже всего оказалось то, что местное население враждебно встречало полк. На станциях, в селах и на речных переправах уже были расклеены объявления с призывом о поимке бежавших корниловцев. Дважды крестьяне-проводники преднамеренно сбивали полк с пути, заводя его в болотистые места и лесные чащи. Приходилось возвращаться назад, понапрасну теряя силы. Вслед за обозниками постепенно начали «исчезать» небольшие группы всадников и даже отдельные офицеры. Никто не знал, что с ними: то ли они бежали, то ли пленены, то ли убиты. Так, по неясной причине не вернулся поручик Ренненкампф, высланный с небольшой командой на разведку под городом Сураж. Это произвело тяжелое впечатление на весь полк.

26 ноября у села Писаревка наткнулись на засаду и, попав под кинжальный пулеметный огонь, врассыпную бросились назад. Лошадь Корнилова понесла так, что он никак не мог ее остановить. С большим трудом остановил ее подскакавший ротмистр Натансон. Еле-еле собрали полк. Но на следующий день при переходе железнодорожного полотна у станции Песчаники оказались под огнем подошедшего бронепоезда. И снова возникла паника. Всадники, не слушаясь команд офицеров, бросились в лес. Под Корниловым ранили лошадь. На этот раз потери были большими.

Всадники роптали, открыто выражали недовольство, говорили, что идти дальше бесполезно, так как «вся Россия — большевик». Корнилов, больной, с распухшим глазом, выстроил остатки полка на лесной поляне и выступил с нервной речью, предложив, перед тем как сдаться противнику, расстрелять его здесь, в глухом лесу. Но и это, по-видимому, не произвело нужного эффекта. Положение спас все тот же ротмистр Натансон. Встав на седло своего коня, он неожиданно отдал команду: «2-й эскадрон, садись!» За 2-м эскадроном пошли и остальные, всего примерно 120—125 всадников.

Но после этого случая у Корнилова, по-видимому, все больше крепло убеждение, что полк уже ненадежен. На первой же стоянке, собрав офицеров, он прямо сказал об этом. Никто не возражал. Решено было разделиться

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Б. В. САВИНКОВ

М. В. АЛЕКСЕЕВ

А. А. БРУСИЛОВ

А. И. ДЕНИКИН

А. С. ЛУКОМСКИЙ

А. М. КАЛЕДИН

В. Н. ЛЬВОВ

Л. Г. КОРНИЛОВ

А. П. КУТЕПОВ

Н. Н. ДУХОНИН

П. Н. КРАСНОВ

на две части. Большая должна была изменить маршрут и идти на Трубчевск и Киев; маленькая группа, состоящая из самых надежных всадников и офицеров,— двигаться дальше, на юго-восток. При Корнилове остались 11 офицеров и 32 всадника. Но идти и с этой группой оказалось опасным. В селе Погар Корнилов решил отделиться от нее. Хозяин дома, в котором он остановился, взялся достать сани и верного кучера. 1 декабря Корнилов в сопровождении ротмистра Толстова и двух всадников выехал верхом из Погар. Они проскакали несколько верст до условленного места, где их уже ждали. Корнилов переоделся в крестьянский полушубок, нахлобучил на глаза меховую шапку, сел в сани. Попрощались. Толстов и всадники поскакали обратно. Путь Корнилова лежал теперь на станцию Холмечи, где он должен был сесть на поезд.

6 декабря маленький, обросший бородой старик в потертом полушубке и подшитых валенках сошел на станции Новочеркасск. На Барочной улице, куда он сразу направился, в доме, где раньше помещался лазарет, а теперь шло формирование добровольцев, его уже ждали. Он предъявил паспорт на имя беженца из Румынии Лариона Иванова. Это был Корнилов.

Ну, а Текинский полк, вернее, его остатки, брошенные Корниловым? Обе части полка соединились в Погаре, простояли здесь две недели, затем перебрались в Новгород-Северский. Лишь часть их дошла до Киева, где скоро была расформирована, другая часть оказалась пленена, арестована и отправлена в Брянск. Полк фактически перестал существовать. Только единицы служили впоследствии в Добровольческой армии.

Деникин за неудачу похода винил командира полка Н. Кюгельхена, который якобы вел его «неискусно и нерасчетливо». Но многие участники похода — мемуаристы утверждают, что полк вел не его номинальный командир, а лично генерал Корнилов.

* * *

Каледипский Дон и вообще юг представлялись «быховским» генералам и офицерам «землей обетованной», Вандеей в борьбе с большевизмом, а затем и с Германией до полной победы. В Быхове казалось, что из Новочеркасска наверняка откроется заманчивая картина золотящихся московских соборов или стройные ряды дворцов на невском берегу. Для таких надежд имелись

немалые основания. Была вера в казачество, в его, казалось, крепкие консервативные традиции, в его острую неприязнь к революции, угрожавшей вековым казачьим привилегиям. Существовала надежда, что «алексеевская организация», опиравшаяся на поддержку московских и петроградских «общественных деятелей», сумеет стянуть на Дон достаточное количество офицеров и юнкеров, которые и станут ядром новой армии. Имелась, наконец, уверенность в том, что антантовские союзники поддержат деньгами, а затем и военными материалами Каледина и добровольцев.

Все поначалу шло как нельзя лучше. Как только в Новочеркасск — калединскую столицу — пришли первые сообщения о победе Октябрьского вооруженного восстания, атаман А. Каледин тут же начал вводить на территории Области войска Донского военное положение. В Петроград он сообщил, что готов оказать Временному правительству поддержку, а пока всю власть на Дону берет на себя возглавляемое им «войсковое правительство», опирающееся на выборный «войсковой круг». Заявление о готовности защищать Временное правительство было, по-видимому, сделано в спешке и неразберихе. Из Совета «Союза казачьих войск», находившегося в Петрограде, Каледину разъяснили: «Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем (речь шла о Керенском.— *Г. И.*); в тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, но как наживу для известного сорта рыбы...» Керенский, однако, не пожелал стать «наживой», которую должны были «проглотить» казачьи верхи, связанные с Корниловым и корниловскими генералами. На Дон он не поехал. Бежав из Гатчины, предпочел скрыться под Новгородом. Не потянулись на Дон и остатки Временного правительства. Калединщина с самого начала стала магнитом для правого крыла антибольшевистских сил: монархистов, октябристов, кадетов...

Большевики Дона (Советская власть в Ростове-на-Дону установилась уже 28 октября), опираясь на казачью бедноту, рабочих, «иногородних», солдат, начали борьбу с калединщиной, предъявили Каледину ультиматум с требованием уйти от власти. В ответ Каледин начал военные действия. В тяжелых боях калединцы, поддержанные небольшим отрядом добровольцев, уже сколоченным генералом Алексеевым в Новочеркасске, 15 декабря овладели Ростовом. Калединские части дви-

нулись к северу, стремясь захватить Донецкий угольный бассейн. Однако донбасская Красная гвардия оказала им упорное сопротивление. Примерно к середине декабря они были остановлены на линии Мариуполь—Юзовка—Ясиноватая—Дебальцево—Каменская. Мятеж Каледина был локализован.

Началось некоторое охлаждение горячих «быховских» голов. Жизнь вносила свои прозаические коррективы.

Немалая часть казачьих верхов, «ожегшись» в боях с советскими войсками в Донбассе, стала склоняться к мысли о желательности прекращения «войны с Москвой» при условии некоего «сепаратного существования» Дона. С точки зрения этой заманчивой перспективы пребывание и расширяющееся формирование на Дону Добровольческой армии представлялись отнюдь не желательным моментом. С одной стороны, было ясно, что Москва не смирится с существованием контрреволюционного, калединско-корниловского гнезда на своих южных границах, с другой — великодержавный шовинизм бывших царских генералов был слишком очевиден, чтобы легко поверить в их заявления о поддержке казачьей автономии.

Конечно, Каледин, тесно связанный с корниловским генералитетом и всем сердцем сочувствовавший ему, делал все возможное, чтобы сгладить возникающие шероховатости, но избегать их становилось все труднее. Причина этого коренилась в явно непредвиденной глубине социального раскола в самой казачьей среде. Казаки-фронтовики, возвращавшиеся на Дон, навоевались досыта и теперь отнюдь не стремились рисковать своими головами за осуществление сомнительных планов бывших царских генералов. С трудом, с оглядкой, но они всё с бо́льшим пониманием относились к требованиям казачьей бедноты, крестьян и рабочих Донской области, шедших за большевиками.

Тихий Дон бурлил, и это явилось, пожалуй, одним из главных факторов, усиливавших сепаратистские настроения казачьих верхов: при столь неустойчивом политическом положении втянуться вместе с добровольцами в тяжелую борьбу с Советской Россией означало бы безмерный риск потерять все.

Отнюдь не безоблачными оказались отношения и между двумя «вождями» формирующегося добровольчества — Алексеевым и Корниловым. По крайней мере три «черные кошки» уже пробегали между ними к моменту встречи в Новочеркасске в начале декабря. Еще до Февральской ре-

волюции Алексеев, как мы помним, довольно настойчиво требовал расследования дела об ответственности за разгром и пленение 48-й дивизии Корнилова в Карпатах. Не проявил он никакого рвения и при назначении Корнилова командующим Петроградским военным округом в первых числах марта 1917 г. И, пожалуй, самое главное, что охладило отношения двух генералов,— это добровольное участие Алексеева в «ликвидации» корниловской Ставки по просьбе Керенского в первых числах сентября 1917 г. Конечно, Корнилов сознавал, что этим поступком Алексеев смягчал удар, но тягостная мысль о том, что Алексеев так или иначе содействовал Керенскому, не покидала его. Генерал А. Лукомский в письме к А. Деникину, написанном весной 1920 г., утверждал, что Алексеев и Корнилов не переносили, а то и ненавидели друг друга. Алексеев не мог забыть слов, сказанных ему Корниловым в Могилеве при аресте корниловцев: «Помните, Ваше превосходительство, что Вы идете по опасному пути; Вы идете по грани, отделяющей честного человека от бесчестного».

Алексеев прибыл в Новочеркасск уже 2 ноября. Двухэтажный кирпичный дом № 2 — бывший госпиталь — на Барочной улице стал колыбелью Добровольческой армии, и Алексеев был первым, кто стоял возле нее. К началу декабря под его командованием уже находилось до 250—300 добровольцев, в основном офицеров и юнкеров; при «армии» действовал комитет по снабжению, который доставал деньги самыми различными путями: помогали Каледин, ростовские толстосумы, «Совещание общественных деятелей», некоторые добровольцы («с видными именами») выдавали векселя в Новочеркасске, Таганроге и других городах Дона. Правда, желающих стать «Миниными» было немного. Мало кто верил в возможности небольшого офицерско-юнкерского отряда, называемого армией, по-видимому, только потому, что неловко было двум бывшим Верховным главнокомандующим командовать воинской частью, поначалу не составлявшей даже полка. Но Алексеев, старый и больной, надо отдать ему должное, проявлял незаурядную энергию. Возможно, сознание своей «вины» за отречение царя, которое, как он считал, развязало «анархию» и способствовало разрушению русской государственности, двигало им.

В Новочеркасск стали прибывать «общественные деятели» из Петрограда и Москвы. Появились здесь М. Родзянко, А. Гучков, П. Милюков, П. Струве, Г. Трубецкой,

М. Федоров, В. Шульгин, Н. Львов и другие — кадеты и стоявшие правее. Их задачей было всячески содействовать Алексееву и другим генералам в организации армии и ее тыла, наладить связи добровольческого командования с контрреволюционным подпольем в Петрограде, Москве, а также с союзниками.

Однако, как это ни парадоксально, на первых порах получилось так, что прибывшие в Новочеркасск «общественные деятели» углубили разлад между Алексеевым и Корниловым. Алексеев — генерал с довольно широким политическим кругозором и дипломатическими способностями — считал необходимым сотрудничество с прибывшими политиками. Они между тем, усвоив определенные уроки из краха корниловщины, считали целесообразным создание при армии некоего политического руководства. По их мнению, провал корниловского движения в конце лета был во многом обусловлен одним лишь военным руководством, оказавшимся в окружении авантюристов типа Завойко и Аладьина. Но эта тенденция с самого начала натолкнулась на решительное сопротивление Корнилова и целой группы добровольцев. Из поражения первой корниловщины они сделали свои и как раз обратные выводы: в критический момент «политиканы» предали, и потому в дальнейшем от них следует держаться подальше, во всяком случае ставить их на надлежащее место.

На прибывавших из центра «общественных деятелей» здесь смотрели мрачно. «Провалили все, а потом драпанули под защиту добровольцев и донцов» — такие речи постоянно шли в офицерской среде. Ходили слухи, что кто-то из офицеров нанес «оскорбление действием» Гучкову; Родзянко не хотели давать квартиру, потом измазали ворота его дома дегтем.

Особенно враждебно здесь встретили Б. Савинкова. После «гатчинской эпопеи» Керенского—Краснова в сопровождении комиссара 8-й армии К. Вендзягольского он вернулся в Петроград, где установил связь с руководством «Союза казачьих войск» и, как писал К. Вендзягольский, с некоей «офицерской организацией», скорее всего «алексеевской». На конспиративной квартире член ЦК кадетской партии В. Набоков сообщил им о том, что в Новочеркасске идет сбор «патриотических сил». С фальшивыми паспортами Савинков и Вендзягольский через Москву, Киев добрались до Ростова, перешли линию фронта и наконец прибыли в Новочеркасск. Они были приняты Алексеевым, Корниловым и Романовским, кото-

рый по-дружески посоветовал им: «Уезжайте отсюда безотлагательно... Здесь ваши враги сильнее ваших друзей».

По свидетельству одного из добровольческих мемуаристов, на Савинкова в Новочеркасске «была организована правильная охота с целью его убить». Вендзягольский утверждал, что инициаторами этой охоты были «ближайшие тайные советники Корнилова» — хорошо известные нам по корниловским дням В. Завойко и Добрынский. Как видно, они не забыли своего главного конкурента в борьбе за «душу Корнилова» летом семнадцатого года. По некоторым данным, Завойко здесь, в Новочеркасске, затеял новую авантюрную интригу с целью... сместить Каледина с атаманства и заменить его Корниловым.

Лишь категорическое приказание Алексеева и Корнилова предотвратило террористическое покушение на бывшего террориста. На Савинкова они пока смотрели примерно так же, как калединцы в первые послеоктябрьские дни на Керенского: мог ли он стать «наживой» для известного сорта «рыбы», т. е. для тех антибольшевистских элементов, которые объявили себя приверженцами «февральской демократии»...

Корнилов скептически слушал рекомендации Милюкова, Савинкова и др. Он ультимативно требовал передачи ему единоличного командования над армией. Дело дошло до того, что представитель московского «Совещания общественных деятелей» получил от Алексеева и Корнилова письма с отказом от «руководства делом» и о предоставлении другому полного командования. Алексеев при этом ссылался на свое старческое состояние, а Корнилов — на желание направиться в Сибирь. Но «политики» стремились сделать все возможное, чтобы не допустить грозящего раскола. Началась череда заседаний и совещаний, нередко весьма бурных, с целью добиться примирения. Наибольшее упорство проявлял, пожалуй, Алексеев. Он предлагал даже создать два «центра борьбы»: здесь, на Дону, с Алексеевым во главе, и на Кубани, куда должен был перебраться Корнилов. Корнилов не принимал этого варианта, говорил, что это все равно, что «открыть два балагана на одной ярмарке: каждый будет зазывать к себе». Умиротворяющую роль играл уравновешенный, вальяжный А. Деникин. В конце концов достигли компромисса: создавался «триумвират», в котором Корнилову принадлежала военная власть, Алексееву — гражданское управ-

ление, финансы и сношения с союзниками, Каледину — управление Областью войска Донского. Позднее Лукомский считал это ошибкой. Корнилову, по его мнению, следовало уехать в Сибирь: он бы лучше Колчака «сумел повести там дело». Но это все — «крепость заднего ума».

При «триумвирате» функционировал «Гражданский совет», куда вошли М. Федоров, Г. Трубецкой, П. Струве и несколько позднее П. Милюков. В совете оказался и Б. Савинков, который упорно, но безуспешно убеждал генералов, монархистов и кадетов сотрудничать с «демократическими элементами» ради победы над большевизмом. Впрочем, очень скоро Савинков и Вендзягольский были вынуждены покинуть Дон. Савинков нелегально возвратился в Москву. Впереди у него будет еще долгий путь борьбы с Советской властью: восстание в Ярославле, армия эсеровского Комуча, эмиграция, организация антисоветской борьбы из Польши... В 1924 г. Савинков нелегально перейдет границу, будет арестован и осужден. В тюрьме он переосмыслит свою жизнь, признает Советскую власть. Недавно опубликованы его стихи:

Я так устал...
Когда б ты знал
Мое смиренье,
Ты бы простил...
Нет больше сил...
Вся жизнь моя
Есть наважденье,
Дай мне забвенья...

В 1925 г. в тюрьме Савинков покончит самоубийством.

К концу декабря «триумвират» и состоявший при нем «Гражданский совет» выработали политическую декларацию Добровольческой армии, в основу которой легла «быховская программа». Центральным пунктом декларации являлась установка на создание в стране «временной сильной верховной власти из государственно мыслящих людей». Таковыми в добровольческих «верхах» считались генералы и поддерживавшие их политические деятели от монархистов до кадетов, но не далее. Эта «сильная верховная власть» должна была восстановить частную собственность, осуществить денационализацию промышленности, остановить раздел и передел земли, создать армию «на началах подлинной воинской дисциплины», т. е. без выборных должностей, комисса-

ров и комитетов. Затем предполагалось созвать «хозяина земли русской» — Учредительное собрание, призванное «окончательно сконструировать государственный строй» и решить все коренные проблемы, в том числе аграрную и национальную. Речь, однако, не шла о созыве того Учредительного собрания, которое было избрано по доктябрьским спискам и дало большинство эсеровской партии. Имелось в виду Учредительное собрание, которое они сами приведут к верховной власти после свержения Советской власти.

В целом добровольческая декларация носила отпечаток некоей неопределенности и незавершенности. Она не провозглашала лозунга монархической реставрации, но в ней ничего не говорилось о возможном учреждении республики. Вопрос этот как бы обходился стороной, «не предрешался» до созыва нового Учредительного собрания. В этом сказывалось не только одно стремление сразу же не сузить свою политическую базу, но и главным образом — прикрыть истинные монархические устремления, за год революции явно скомпрометированные в глазах масс.

«Печать классового отбора,— писал позднее А. Деникин,— легла на армию прочно и давала недоброжелателям возбуждать против нас в народной массе недоверие и опасения и противополагать ее цели народным интересам». П. Милюков раскрывает вторую, не очень определенную часть этого деникинского признания и ставит точку над «и»: «В составе офицерства, собравшегося на юге, было 80% монархистов, и среди них немало сторонников старого режима».

Весь декабрь и начало января приток офицеров, юнкеров и кадетов в Добровольческую армию медленно, но все же ширился. В Ростове, Новочеркасске и других местах всюду были расклеены листовки «От штаба Добровольческой армии». В них объявлялось, что Добровольческая армия, спасающая Россию от «германо-большевиков» и обороняющая теперь «русский юг и вольное казачество», призывает в свои ряды всех, кто разделяет ее цели. Офицерам «на всем готовом» предлагается 150 руб. в месяц и 1 руб. 50 коп. суточных в период боевых действий. Солдатам тоже «на всем готовом» обещали 30 руб. в месяц плюс 1 руб. суточных во время боев. На случай ранения и смерти семьям полагалось вознаграждение до 500—1000 руб.

К концу января насчитывалось уже более 3 тыс.

добровольцев. Вместе с калединцами они держали фронт на северных границах Области войска Донского и готовились, готовились к своему главному делу — предстоявшей борьбе против Советской России. В начале января Корнилов выступил с речью в 1-м офицерском батальоне. Он сказал: «Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед богом и русским народом я беру на себя!»

Третьего не дано

События, происходившие в декабре—январе на калединско-корниловском Дону, оказали непосредственное влияние на судьбу ожидавшегося «хозяина земли русской» — Учредительного собрания.

С первых же дней Февральской революции все политические партии высказались за его созыв, в том числе и большевики. Правда, по мере развития и углубления революционного движения, по мере радикализации требований народных масс в кадетских кругах и тем более в тех группах и организациях, которые стояли еще правее, все явственнее раздавались голоса сомнений в необходимости созыва Учредительного собрания. Здесь стали рождаться мысли о том, что без предварительного установления «твердого порядка» Учредительное собрание превратится в «игрушку» «развивающейся анархии». Временное правительство явно тянуло с созывом в Учредительное собрание из-за опасения его возможной «левизны». Большевики были, пожалуй, единственной партией, решительнее других требовавшей безотлагательного созыва Учредительного собрания. «Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа»,— писал В. И. Ленин [64].

Придя к власти, большевики и Советское правительство точно соблюли срок выборов в Учредительное собрание, назначенный еще Временным правительством. В большинстве округов они состоялись 12, 19 и 26 ноября. Большевики выиграли в основных промышленных центрах и во многих воинских частях. Но в целом исход выборов оказался «небольшевистским». Большевики по-

лучили 24% голосов, правые партии (кадеты и др.) — 17, а эсеры, меньшевики и другие мелкобуржуазные демократы — 59, причем эсеры получили подавляющее большинство — более 40% голосов. Вопрос о причинах такого исхода выборов давно исследован. Главное, что его определило,— это то, что выборы проходили по спискам, составленным до победы Октябрьской революции, когда крестьянские массы еще связывали свои надежды на получение земли главным образом с партией эсеров. Были и еще причины, но для нас важнее другое: понять ситуацию, возникшую в связи с таким исходом выборов и определившую позицию, занятую Советской властью.

Главный итог выборов был очевиден: страна высказалась за социалистические партии, т. е. за социализм. Этого отрицать не мог никто. Можно предположить, что если бы Учредительное собрание собралось и работало в «мирных условиях», точнее сказать, в отсутствии (говоря ленинскими словами) классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то коренные проблемы, стоявшие перед ним (проблемы мира, земли, рабочего контроля, власти Советов и др.), вполне могли бы быть решены путем политической борьбы и политических компромиссов. Но история рассудила иначе.

Октябрь, явившийся революционным выходом из ситуации, в которой стране угрожала анархия, ведущая к военной контрреволюционной диктатуре, вызвал сопротивление со стороны всех антибольшевистских сил. Но их вооруженную опору, авангард составляли все же правые круги, в основном реакционная военщина. Спасать Керенского в конце октября двинулся монархист генерал Краснов. В Москве с Советской властью яростно сражались отряды юнкеров. Организовать военное сопротивление новой власти пыталась корниловско-духонинская Ставка. А с конца ноября наиболее реальной угрозой для Советской власти стал калединско-корниловский Дон, политически поддержанный «общественными деятелями», ядро которых составляла партия кадетов.

Просчет эсеро-меньшевистского, а точнее, эсеровского большинства Учредительного собрания состоял в том, что оно, упоенное своей парламентской победой, не видело всей опасности реально сложившейся ситуации. Здесь не могли, а лучше сказать, не хотели понимать, что если они займут позицию, враждебную Октябрю, то на деле их лозунг «Вся власть Учредительному собранию» легко превратится в лозунг всего антибольшевистского

лагеря, в том числе калединско-корниловско-кадетской контрреволюции. А. Керенский, который в январе 1918 г. (накануне открытия Учредительного собрания) нелегально перебрался в Петроград, впоследствии признал: «Лозунг „Вся власть Учредительному собранию" теперь (т. е. в конце 1917 — начале 1918 г.— *Г. И.*) имел только смысл, как объединяющий призыв для всех, кто готов был продолжать борьбу с узурпаторами» (так Керенский именовал большевиков).

В такой ситуации Советская власть имела все основания либо отсрочить созыв Учредительного собрания, введя в действие демократическое «право отзыва», либо даже вообще не допустить его созыва. Еще в 1903 г. на II съезде партии Г. В. Плеханов говорил, что успех революции — высший закон. «...*Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент... то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели*»[65]. Успех революции — высший закон! Люди, для которых революция была смыслом и целью их жизни и которые только вчера совершили ее, не могли думать иначе, как бы сегодня ни относиться к этому.

Послушаем страстные речи, произносившиеся на первом объединенном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Петроградского Совета и Чрезвычайного крестьянского съезда, состоявшемся 15 ноября. Вот голос Марии Спиридоновой, лидера партии левых эсеров, искренности которой верили миллионы крестьян и солдат, верил В. И. Ленин. Вся ее трагическая и героическая жизнь революционерки была тому порукой. В 19 лет — покушение на тамбовского губернатора за репрессии против крестьян. Арест. Надругательства пьяных казаков. Сибирская каторга. Надорванное здоровье. Спиридонову освободил Февраль. Революция стала ее судьбой. Теперь она говорила: «Мы пойдем вперед к священному будущему... Нас будет поддерживать ненависть к рабству, к позору эксплуатации. Но ни одна лишь ненависть будет нас вести к нашим идеалам. В своей груди мы будем нести и жалость ко всем угнетенным, надежду на то светлое будущее, в жертву которому мы принесем все, что сможем, и жизнь, и, может быть, даже и честь... Наши чистые идеалы помогут нам

перед входом в новое царство свободы и труда сбросить грязные одежды вражды, вражды между братьями».

От имени большевистской фракции выступил Л. Троцкий: «В течение сорока месяцев гибнут миллионы жизней, пропадает здоровье десятков миллионов в окопах, в грязи, в болезнях, сильнее и сильнее ширится голод. Где выход народу? Русская революция указала этот выход».

Взволнованно говорил Сташков, член президиума крестьянского съезда: «Не могу описать своей радости. От удара правды разлетелись врата адовы. Поздравляю вас всех с воскресением к новой жизни, свободной!

Да здравствует революция, да здравствует земля и воля!»

Революция — это правда, разрушившая ворота ада, это воскресение человека, путь к новой жизни, в которой восторжествует братство людей. Так думали, так чувствовали ее творцы. Поставить на одну доску реальные завоевания революции, достигнутые ценой огромных жертв, и «парламентские формальности», отражавшие к тому же вчерашний день революции, ее уже «перевернутую страницу», они не могли. В. И. Ленин в речи на II съезде Советов крестьянских депутатов выразил это на языке, понятном миллионам простых крестьян: «Я скажу вам то, что вы все знаете: „не человек для субботы, а суббота для человека“» [66]. Это означало, что, если Учредительное собрание станет препятствием революции и тем самым фактически протянет руку ее главному врагу — калединско-корниловскому Дону, революция пройдет мимо Учредительного собрания. На заседаниях ЦК Н. Бухарин прямо ставил вопрос: созывать или не созывать Учредительное собрание? Высказывалось мнение, согласно которому надо устранить кадетов, открыто противопоставивших себя Советской власти, а левую часть собрания объявить революционным конвентом. Решено было дать Учредительному собранию шанс.

По срокам, установленным Временным правительством, Учредительное собрание должно было открыться 28 ноября. За два дня до этого Совнарком принял постановление, согласно которому Учредительное собрание сможет начать работу только после прибытия в Петроград 400 его членов, т. е. примерно более половины; открыть собрание должно было лицо, уполномоченное Совнаркомом. ВЦИК подавляющим большинством голо-

сов утвердил этот декрет. Однако в антибольшевистских кругах поднялся невероятный шум: «это уловка Ленина и его товарищей», «большевики хотят отсрочить или вовсе сорвать созыв Учредительного собрания». В. И. Ленин отвечал: «Не занимайтесь чтением в сердцах, мы ничего не скрываем. Мы сказали, когда будут 400 человек, мы Учредительное собрание созовем...» [67]

Но оставшиеся на свободе министры и товарищи (заместители) министров Временного правительства обратились из подполья с заявлением, в котором говорилось, что именно они являются «единственной законной властью» и потому назначают созыв Учредительного собрания на 28 ноября. Городской голова Г. Шрейдер, выполняя это «постановление», 28-го открыл «высокое собрание», на котором присутствовали... 43 депутата. Они, конечно, не могли признать себя «в законном составе», но антисоветские и антибольшевистские речи лились там рекой. В тот же день Сенат призвал всех должностных лиц правительственных, городских и земских учреждений не выполнять «незаконных велений комиссаров из Смольного». У Таврического дворца, где должно было собраться Учредительное собрание, состоялась антисоветская демонстрация.

Все яснее становилась неизбежность конфронтации между Советской властью и сторонниками Учредительного собрания. Впоследствии видный эсер В. Зензинов утверждал, что, получив большинство в Учредительном собрании, правые эсеры стали «работать не для себя, а для всей страны», отказались от партийной и встали «на государственную точку зрения». На деле же, почувствовав себя «законными хозяевами» «хозяина земли русской», они собирались пожать весь антибольшевистский урожай. В созданный ими в конце ноября «Союз защиты Учредительного собрания» допускались в основном лишь представители «революционной демократии»; кадеты (за исключением нескольких гласных городской думы), как откровенно правые элементы, оставались вне этого «союза». Но это был политический маневр: правые эсеры пытались «очистить» лозунг «Вся власть Учредительному собранию» от калединско-кадетской окраски. В. И. Ленин, разоблачая этот маневр, писал в те дни: «Лозунг „Вся власть Учредительному собранию“ ... *стал на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»[68].

Поздно вечером 28 ноября Совнарком принял суро-

вый декрет, согласно которому «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов» [69]. ВЦИК большинством голосов (150 против 98 при 3 воздержавшихся) утвердил декрет, приняв резолюцию, подтверждающую «необходимость самой решительной борьбы с ... кадетской партией».

Обращаясь теперь к этому декрету, видишь, что его властно продиктовал Совнаркому и ВЦИК калединско-корниловский Дон. Кадеты имели там более десятка организаций, через которые были тесно связаны с донской казачьей верхушкой. Они вели активную работу по переброске офицеров и юнкеров в Новочеркасск, доставке туда денег; многие из кадетских лидеров (Милюков и др.) вскоре сами потянулись на Дон, где приняли участие в формировании Добровольческой армии, в выработке ее политической программы. Они также активно содействовали осуществлению каледипской программы объединения казачьих областей в «Юго-Восточный союз» и установлению контактов Дона с Южным Уралом, где в начале ноября антисоветский мятеж поднял А. Дутов. Данные обо всем этом уже тогда имелись в распоряжении Советского правительства, и жестокие слова «враги народа» были произнесены...

20 декабря Совнарком постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 г. На рассмотрение и санкцию собрания предполагалось представить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В соответствии с ней Россия объявлялась Республикой Советов, учреждаемой на основе свободного союза народов. Частная собственность на землю отменялась, и земля без выкупа передавалась крестьянам. Объявлялось о начале национализации банков, фабрик, заводов, железных дорог. Провозглашалась политика мира. Что в этой декларации содержалось такого, что могло стать неприемлемым для членов Учредительного собрания, если они действительно были привержены интересам социализма и демократии, если они, как сами уверяли, хотели завершить революцию не только политическими, но и социальными завоеваниями?

ЦК левых эсеров принял постановление, в котором говорилось, что отношение партии к Учредительному собранию будет всецело зависеть от решения им вопросов о мире, земле, рабочем контроле и власти в духе завоеваний Октября, в духе декретов II съезда Советов.

Решающий день близился. Как говорил на заседании ВЦИК Г. Зиновьев 22 декабря, большевики видели «в тяжбе Учредительного собрания и Советов исторический спор между двумя революциями — революцией буржуазной и революцией социалистической». Но надежда на мирное решение этого спора не исчезла.

3 января ВЦИК и Петроградский Совет призвали жителей столицы в день открытия Учредительного собрания сохранять полное спокойствие, порядок и не принимать участия в каких-либо манифестациях. Однако напряженность была крайне высокой.

Еще в дни Октября лидер правых эсеров В. Чернов в речи на 10-й Петроградской конференции партии заявлял, что эсеры «всегда держались за Учредительное собрание и во имя его всенародно заявляли: если кто посягнет на него, он заставит нас вспомнить о старых методах борьбы с насилием...». А на 4-м съезде партии, проходившем в конце ноября — начале декабря, тот же Чернов и другой лидер правых эсеров — А. Гоц вновь угрожали террором, если, как они говорили, будут предприняты попытки «узурпации прав Учредительного собрания». На поверку, однако, все это скорее оказалось сотрясением воздуха. Организовать вооруженную борьбу в защиту Учредительного собрания правые эсеры не смогли.

Они пытались вести работу в Семеновском, Преображенском полках и броневом дивизионе, расположенном в казармах Измайловского полка. Выпускали газеты «Серая шинель» и «Простреленная серая шинель» с противобольшевистскими материалами и карикатурами на большевистских лидеров. Но работа эта фактически оказалась бесплодной. Еще меньшие результаты были достигнуты в рабочей среде. «Не довольно ли было пролито братской крови? — говорили рабочие.— Надо подумать не о том, чтобы ссориться с большевиками, а как с ними сговориться...»

Однако демонстрации по призыву «Союза защиты Учредительного собрания» все же состоялись: среди городской публики, а также среди части солдат, да и рабочих нашлось немало, для которых лозунг «Вся власть Учредительному собранию» по-прежнему представлялся высшей демократической ценностью. Собравшись на Марсовом поле, демонстранты по Литейному проспекту двинулись к Таврическому дворцу. В столкновениях с красногвардейцами, солдатами и матросами, подчинен-

ными Чрезвычайному штабу, созданному «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил», 9 человек были убиты и 22 ранены. Тяжелый, трагический инцидент.

* * *

Собрание пытался открыть старейший его член — эсер С. Шевцов. Однако Я. Свердлов властно взял председательский звонок в свои руки. Он зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложил обсудить и принять, начав тем самым разработку «коренных оснований социалистического переустройства общества». В зале Таврического дворца сидели в подавляющем своем большинстве социалисты — эсеры, меньшевики, близкие им общественные и политические деятели. Правые члены Учредительного собрания, за редким исключением, на заседание не явились: кадеты были объявлены врагами народа и некоторые из них уже подверглись аресту, другие скрылись. Таким образом, Учредительное собрание являлось социалистическим: по предложению большевика Скворцова-Степанова после открытия его Я. Свердловым все присутствовавшие поднялись и запели «Интернационал», хотя, как вспоминал секретарь собрания эсер М. Вишняк, пели нестройно, вразброд и ужасно фальшивили. Но это лишь штрих. Главное заключалось в другом: социалистическому Учредительному собранию Совнарком и ВЦИК предложили программу, открывавшую путь к социализму.

На трибуну поднялся В. Чернов, избранный председателем Учредительного собрания. Он говорил о безвозмездной передаче земли крестьянам, о всеобщем демократическом мире, о «великой воле к социализму трудовых масс России». Чернов констатировал, что «страна показала небывалое в истории желание социализма». 7 января «Правда» писала, что в речи Чернова «были сплошные (словесные, правда) уступки советской платформе: тут был и мир, и земля, и рабочий контроль...». А горьковская «Новая жизнь», корреспондент которой находился в Таврическом дворце, 6 января признала еще определеннее: «...устами избранного председателя оно (Учредительное собрание.— *Г. И.*) провозгласило такую программу, изложение которой прерывалось криками: „Это большевистская программа!“»

Значительная часть правых эсеров реагировала на речь своего лидера сдержанно, если не отрицательно. Го-

ворили даже, что он пытался «подыграть» большевикам. Один из эсеровских учредиловцев писал позднее: «Председатель своей речью посадил нас в такие калоши, из которых нам, пожалуй, уже никогда не выбраться». Но Чернов видел дальше: он сознавал, что ничего другого, кроме программы СНК и ВЦИК, трудовая Россия не примет.

Чернову отвечал Н. Бухарин. Он говорил, что призывы Чернова к социализму — это всего лишь общие слова, а большевики хотят не только говорить о социализме, но хотят его осуществлять уже сегодня, сейчас. Перед каждым из нас, заключал Бухарин, «стоит один вопрос: ...с кем мы будем — с Калединым, с юнкерами, с фабрикантами, купцами, директорами учетных банков, которые поддерживают саботаж, которые душат рабочий класс, или будем с серыми шинелями, с рабочими, солдатами, матросами, будем с ними идти плечо к плечу, разделяя всю их участь, радуясь их победам, скорбя их поражениям, спаянные единой волей социализма...»

На трибуну вышел меньшевистский лидер И. Церетели. В длинной, взволнованной речи он предупреждал против «роковых опытов с социализмом», предсказывал, что в случае «разделения демократического единства» страну ожидает триумф контрреволюции, «на развалинах, оставшихся от большевизма».

237 голосами правых эсеров и меньшевиков против 146 голосов большевиков и левых эсеров Учредительное собрание фактически отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложенную ВЦИК. В соответствии с ранее намеченной повесткой в качестве первоочередных объявлялось обсуждение вопросов о мире и земле. И лишь в третьем пункте повестки дня значились дебаты о форме государственного строя России. Партийные интересы и претензии правых эсеров и поддерживавших их групп взяли верх: если бы они приняли вциковскую декларацию, функции Учредительного собрания, в котором у них было большинство, следовало считать исчерпанными. Это было выше их сил. Партийность мышления, убежденность в правоте только собственной политики наполняли всю атмосферу революции...

Поздно вечером 5 января большевистская фракция потребовала перерыва. Когда она собралась, слово взял В. И. Ленин. Оно было кратким: ЦК большевиков предлагает своей фракции уйти с Учредительного собрания.

Предложение принимается. Такое же решение приняла и левоэсеровская фракция.

В 5-м часу утра 6 января на трибуну Белого зала Таврического дворца поднялся большевик Ф. Раскольников. Он зачитал написанную В. И. Лениным декларацию об уходе большевистской фракции. В ней говорилось: «Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о мире, земле, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всероссийский ЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России... Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания» [70].

От имени фракции левых эсеров аналогичное заявление сделал В. Карелин.

В Белом зале воцарилось настроение, близкое к панике. Проносятся слухи, что к дворцу уже высланы автомобили для ареста членов Учредительного собрания и увоза их в крепость.

Как вспоминал М. Вишняк, кое-кто из эсеров начал «спешно уничтожать компрометирующие документы», передавать какие-то бумаги своим «близким» в публике и в ложе журналистов. Обстановка действительно накалялась. «В зале заседаний,— писал М. Вишняк,— матросы и красноармейцы уже окончательно перестали стесняться. Прыгают через барьеры лож, щелкают на ходу затворами винтовок, вихрем проносятся на хоры... Ружья и револьверы грозили ежеминутно „сами“ разрядиться, ручные бомбы и гранаты „сами“ взорваться».

Революционная стихия в любую минуту могла вырваться наружу. Сознавая это, В. И. Ленин отдал письменное распоряжение: «Предписывается товарищам сол-

датам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов»[71].

Большевики и левые эсеры ушли. Рассвет еще не занимался над морозным Петроградом. Оставшихся членов Учредительного собрания торопили заканчивать первое заседание, говорили, что надо гасить электрический свет. Но они не расходились. Кто-то на всякий случай принес свечи.

Правоэсеровские члены Учредительного собрания продолжали обсуждать статьи своего закона о земле. В этот момент к трибуне подошел начальник караула Таврического дворца матрос Анатолий Железняков. Какое-то время он словно в раздумье молча постоял возле трибуны, с которой говорил Чернов, потом осторожно тронул его за плечо: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал». Последние слова Железнякова приобрели широкую известность, и под перьями некоторых историков и литераторов превратились позднее в некий афоризм, явно рассчитанный на восторженную реакцию. В расхожих представлениях он укреплял мнение о том, что Учредительное собрание было «разогнано матросом». Но в словах Железнякова явно чувствовалось некоторое смущение. Он, по-видимому, сознавал всю неубедительность своего «довода». И не эти слова положили конец работе Учредительного собрания.

В спешном порядке, без прений, оставшаяся часть Учредительного собрания приняла закон о земле, обращение к союзникам, отвергающее сепаратные переговоры с Германией, и постановление о федеративном устройстве Российской республики. Все это в страшной спешке. Следующее заседание назначается на 17 часов вечера 6 января, и поток депутатов медленно потянулся к дверям. Караул не остановил и не задержал никого. Примерно через 10 месяцев на Урале и в Сибири многих из них задержит другой караул — колчаковский, и не только задержит. Некоторые из учредиловцев — эсеров и меньшевиков будут зверски убиты в Омске, на берегу Иртыша, по циничному выражению черносотенных офицеров, «отправлены в республику Иртыш». Но все это будет потом...

Второго заседания правоэсеровско-меньшевистской части Учредительного собрания не состоялось. Днем 6 января Совнарком принял декрет о его роспуске. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК утвердил его при двух голосах против и пяти воздержавшихся. 6 и 7 января на многих предприятиях Петрограда и в воинских частях гарнизона проходили митинги. Выступали большевики — Г. Зиновьев, Н. Крыленко, Г. Пятаков и др.; от правых эсеров говорили Н. Фортунатов, В. Вольский, Б. Соколов. И почти повсюду, по признанию Соколова, «аплодировали победителям и осуждали побежденных». И почти везде возгласы: «Да здравствуют Советы!»

* * *

Острейшая борьба вокруг Учредительного собрания сопровождалась террористическими актами, совершенными контрреволюционными элементами, связанными с анархизмом и уголовщиной.

1 января было совершено покушение на В. И. Ленина. Когда его машина отъехала от Михайловского манежа, где Ленин выступал перед красногвардейцами, она была обстреляна неизвестными лицами. Возможно, только находчивость Ф. Платтена, который пригнул голову Ленина, спасла ему жизнь. Кузов машины был пробит пулями в нескольких местах, а Платтен получил ранение в руку. Кто стрелял в Ленина? Подозрение падает на членов военной комиссии ЦК правых эсеров, которая, по свидетельству Б. Соколова, вела «боевую работу», цель которой состояла в том, чтобы попытаться «срезать большевистскую головку». Боевикам, если верить Соколову, удалось внедрить своих людей в Смольный, и, по его словам, неудачное покушение на Ленина в начале января было «отголоском этого дела». Большего Соколов не сказал. «Детальное описание этого эпизода,— писал он,— принадлежит будущему. Участники этого эпизода живы и притом в России». Петроградский Совет ответил яростной резолюцией: «Мы заявляем всем врагам рабочей и социалистической революции: ...за каждую жизнь нашего товарища господа буржуи и их прислужники — правые эсеры — ответят рабочему классу». «Правда» писала: «Если они будут пытаться истребить рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами».

Через несколько дней, 6 января, была предпринята попытка покушения на М. Урицкого — большевистского комиссара Всероссийской комиссии по делам о выборах

в Учредительное собрание. И почти одновременно произошел трагический инцидент, который мог, несомненно, быть рассчитан на дискредитацию Советской власти.

В конце ноября, когда по постановлению Временного правительства планировалось открытие Учредительного собрания, на квартире члена кадетской партии графини С. Паниной проходило совещание, обсуждавшее тактическую линию кадетов. Решено было, не дожидаясь сбора большинства членов Учредительного собрания, избрать временного председателя и заседать каждый день до установления полного кворума. Решение явно было направлено против Советского правительства, уже взявшего дело открытия Учредительного собрания под свой контроль.

В тот день, когда проходило это совещание (27 ноября), на квартире Паниной был произведен обыск, вызванный отказом Паниной (она занимала пост товарища министра просвещения) сдать Советской власти министерские деньги. Панина была арестована, а вместе с ней два члена кадетского ЦК бывшие министры Временного правительства врач А. Шингарев и юрист Ф. Кокошкин, заночевавшие у нее на квартире. Арест Шингарева и Кокошкина совпал с декретом об объявлении «членов руководящих учреждений партии кадетов» врагами народа, и оба они были переправлены в Петропавловскую крепость [72]. Сохранился дневник А. Шингарева, который он вел в тюрьме с момента ареста до 5 января 1918 г. Ряд записей дневника, несомненно, представляет большой интерес: они проливают свет на понимание природы революции многими ее современниками, даже прямыми противниками Октября.

14 декабря, в годовщину восстания декабристов, А. Шингарев записывал: «Стоило ли делать революцию, если она привела к таким результатам?» — и отвечал на свой вопрос: «Наивно и близоруко думать, что революцию можно делать или не делать: она происходит и начинается вне зависимости от воли отдельных людей... Революция была неизбежна, ибо старое изжило себя... С весны 1915 года она стала роковой неизбежностью, и это я увидел осенью 1916 года...» Шингарев, конечно, отвергал большевизм, социализм вообще. Взгляды социалистов представлялись ему «фантазией детей, желающих поймать звезды своими ручонками»; «они похожи на персонаж из новелл Боккаччо, который хочет „загнать ослов дубиной в рай“». Но «рано или поздно,— писал Шин-

гарев,— начнется постройка новой государственности на единственно возможном и незыблемом фундаменте. Вот почему я приемлю революцию, и не только приемлю, но и приветствую, и не только приветствую, но и утверждаю. Если бы мне предложили начать ее сначала, я не колеблясь бы сказал теперь: „начнем!“»

Это было написано в Трубецком бастионе Петропавловской крепости...

По свидетельству сестры Шингарева, А. И. Шингаревой, ожидалось близкое освобождение Кокошкина и Шингарева. Нарком юстиции левый эсер И. Штейнберг уже просмотрел их дела и не нашел там материала для обвинения. Но 6 января оба — Кокошкин и Шингарев — по просьбе родных были переведены в Мариинскую больницу. Здесь в ночь с 6 на 7 января они были зверски убиты. Известно, что в убийстве участвовали анархиствующие матросы и солдаты, которые будто бы собирались затем двинуться в Петропавловскую крепость, чтобы перебить там арестованных министров Временного правительства. Однако из показаний конвоиров, зафиксированных в официальном обвинительном заключении, следует, что в группе матросов, одетых в бушлаты и бескозырки с надписями «Ярославец» и «Чайка», находились какие-то люди в штатском и шапках. Из того же обвинительного заключения видно, что фактическими организаторами преступления являлись начальник милицейского комиссариата 1-го Городского района П. Михайлов и его подручный П. Куликов, вербовавшие и подстрекавшие матросов и солдат во главе с неким Басовым.

Немедленно по получении сообщения о том, что произошло в Мариинской больнице, В. И. Ленин дал распоряжение о разыскании и наказании преступников [73]. Была создана следственная комиссия в составе управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича, наркомюста Штейнберга и наркома по морским делам П. Дыбенко. А. М. Коллонтай вспоминала, что потрясенный случившимся В. И. Ленин говорил ей: «То, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости» [74]. Не всех участников преступления удалось привлечь тогда к суду революционного трибунала. Но пролетарская диктатура с самого начала повела борьбу не только против враждебных ей классов, но и решительно надевала узду революционной законности на анархические проявления и уголовщи-

ну. Эта вторая задача, может быть, была не легче первой. Как раз накануне убийства Шингарева и Кокошкина, выступая на заседании ВЦИК, В. И. Ленин прямо говорил, что революция «не может сразу быть преподнесенной народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде... И те, кто доказывает вам противное — те либо лгуны, либо человеки в футляре» [75]. Но только мощь Советов, которые по-пролетарски, по-крестьянски ломали отжившие устои старого строя, способна была теперь покончить с проявлениями хаоса, разрухи и беспорядков.

Много лет спустя белоэмигрантский историк революции С. Мельгунов писал: после роспуска Учредительного собрания «Россия большевистская пошла в неведомую темную даль будущего с фонарем ленинизма...» Но он же признал, что Россия небольшевистская могла идти в даль будущего только под славными знаменами добровольчества, возглавляемого Алексеевым и Корниловым. Третьего было не дано...

В «Ледяном» походе

Но кто так мог думать тогда, в январские дни 1918 г., в Новочеркасске?

Революция вздыбила Тихий Дон. Казалось, вековечный казачий уклад рушился на глазах.

10 января в станице Каменской собрался съезд представителей вернувшихся с фронта. Прибыли делегаты от двадцати одного казачьего полка, пяти батарей и двух запасных полков. На съезд из Воронежа приехали руководители Донского областного ВРК (избранного еще в 20-х числах октября 1917 г.) С. Сырцов, А. Френкель и др., а также представители Московского Совета и ВЦИК М. Янышев и А. Мандельштам. Они оказывали большое влияние на инициаторов съезда казаков-фронтовиков вахмистра Ф. Подтелкова и прапорщика М. Кривошлыкова. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что власть в Донской области переходит к образованному съездом казачьему Военно-революционному комитету во главе с Ф. Подтелковым и М. Кривошлыковым. Но это пока носило лишь декларативный характер. В Новочеркасске по-прежнему заседало «Донское войсковое правительство» во главе с атаманом А. Калединым. На Дону, таким образом, возникло нечто вроде двоевластия, причем соотношение сил явно складывалось не в

пользу Новочеркасска. Все новые полки признавали власть Каменского ВРК, который к тому же вот-вот готов был войти в прямую связь с командованием советских антикалединских войск.

Каледин попытался упредить неизбежный удар. По его распоряжению в Каменскую для переговоров была направлена делегация «войскового правительства» и одновременно начата подготовка отряда для разгона казачьего ВРК. На переговорах калединские делегаты, играя на «казачестве» Подтелкова и Кривошлыкова, стремились «отвратить» их от соглашения с «московскими большевиками». Но Подтелков и Кривошлыков не пошли на это и сами предъявили калединцам обвинение в связи с Добровольческой армией, состоящей из офицеров и юнкеров, чуждых интересам Дона. Решено было перенести переговоры в Новочеркасск. Члены Каменского ВРК пошли на это, правильно считая, что обстановка продолжает складываться в их пользу. Почти все донские полки уже отказывались подчиняться Каледину. Советские войска, которыми командовал В. Антонов-Овсеенко, плотно блокировали Донскую область. В новочеркасском тылу бастовали рабочие Таганрога, Ростова, Сулина; в Приазовье происходили крестьянские волнения. Общее настроение на Дону можно, пожалуй, охарактеризовать (если это вообще достижимо) не столько как полную готовность принять Советскую власть, сколько как активное неприятие калединщины, вызывавшей отрицательные ассоциации с временами царизма. Они значительно усиливались от очевидного всем блока Каледина с Алексеевым, Корниловым, Деникиным и понаехавшими из Петрограда и Москвы октябристско-кадетскими «общественными деятелями». Подтелкову и Кривошлыкову — своим братьям-казакам, прошедшим фронт,— склонны были доверять, бывшим царским генералам Каледину и Корнилову нет.

Встреча членов казачьего ВРК во главе с Подтелковым и Кривошлыковым, с одной стороны, и членов «войскового правительства», возглавляемого Калединым,— с другой, состоялась в Новочеркасске 15 января. Каледин на переговорах, казалось бы, предлагал компромисс, который, однако, мог стать политической ловушкой. Он предложил Каменской принять участие в контроле над выборами в новый «войсковой круг» и затем принять высказанную им волю. Подтелков и Кривошлыков отклонили это предложение: механизм выборов, по их убеждению, был таков, что, скорее всего, они должны были дать

большинство сторонникам Каледина. «Войсковому правительству» был поставлен ультиматум: если оно стоит за мирное решение вопроса о власти, без пролития казачьей крови, ему надлежит передать власть ВРК.

Член «войскового правительства» Светогоров пытался уйти от ответа на ультиматум. Он говорил, что так ставить вопрос не следует, что ожидаются переговоры с представителями Советской власти в Таганроге, в которых может принять участие и Каменский ВРК. Отвечал Ф. Подтелков. Речь его следует воспроизвести. Она раскрывает суть борьбы и передает ее колорит. Подтелков сказал: «Неладно говорите, господа. Кабы верили войсковому правительству, я бы с удовольствием отказался от своих требований. Но ведь вам не верит народ! Я согласен поехать в Таганрог. А что нам там скажут? Войсковое правительство не добьется мира. Оно само разжигает гражданскую войну... Правительство восстановило против себя всех честных людей. Вы, атаман Каледин, обманываете казаков, говоря о независимости Дона. На самом деле вы дали убежище врагам русского народа и втягиваете в войну с Россией все казачество. Как и в 1905 г., вы хотите пролить казачью кровь за помещиков и богатеев... Смеетесь? Придет срок — плакать будете! Мы требуем передачи власти нам, представителям трудящегося народа, и удаления всех буржуев из Новочеркасска и Добровольческой армии с Дона...»

Члены «войскового правительства» удалились на совещание, но главное — они ждали сообщений от войскового старшины В. Чернецова, двигавшегося в это время на Каменскую. Когда пришло известие, что он сумел разбить и разоружить некоторые ревкомовские части, «войсковое правительство» дало свой ответ: ультиматум ВРК отклонялся, ему самому ставился ультиматум, требующий самораспуститься. Одновременно объявлялось о выборах нового «войскового круга».

Переговоры не дали результата. Делегаты ВРК с трудом добрались до Каменской, которая уже находилась под ударом Чернецова. Части ВРК оказались дезорганизованными и не смогли оказать сопротивление черенцовским «партизанам». ВРК перебрался в Миллерово.

Однако Чернецов не спас Каледина. Руководители ВРК Подтелков и Кривошлыков вынуждены были теперь пойти на решительный шаг. В своем обращении к трудовому казачеству они прямо заявили, что действия Чернецова ясно показали: мирный путь борьбы с Калединым

и стоявшими за его спиной контрреволюционерами из Центральной России невозможен. На оружие надо было отвечать оружием. Но основная часть фронтовых казаков — главная боевая сила, не желавшая воевать на стороне Каледина,— не проявляла особой готовности участвовать в гражданской войне и на другой стороне.

19 января командующему советскими войсками В. Антонову-Овсеенко было сообщено о признании казачьим ВРК власти ВЦИК и Совнаркома. Это дало основание для прямого взаимодействия казачьего ВРК с Донским областным Военно-революционным комитетом, фактически представлявшим центр. Теперь положение круто изменилось. 20 января войска 1-й Южной революционной армии под командованием Г. Петрова, группы Ю. Саблина и части казачьего ВРК, которыми командовал Голубов, разбили Чернецова под станцией Глубокой. Сам Чернецов был захвачен в плен. Конец его оказался трагическим. Фактически с документальной точностью он описан М. Шолоховым. И это описание с невероятной силой рисует беспощадность и жестокость разворачивавшейся на Дону гражданской войны.

Честолюбивый Голубов взял Чернецова на поруки, вероятно, с расчетом начать с калединцами «стратегический» торг. Когда конвойные гнали Чернецова и других пленных недалеко от Глубокой, они встретились с Подтелковым.

— Попался... гад! — клокочущим низким голосом сказал Подтелков и ступил шаг назад; щеки его сабельным ударом располосовала кривая улыбка.

— Изменник казачества! Под-лец! Предатель! — сквозь стиснутые зубы зазвенел Чернецов.

Подтелков мотал головой, словно уклоняясь от пощечин,— чернел в скулах, раскрытым ртом хлипко всасывал воздух.

Последующее разыгралось с изумительной быстротой. Оскаленный, побледневший Чернецов, прижимая к груди кулаки, весь наклонялся вперед, шел на Подтелкова. С губ его, сведенных судорогой, соскакивали невнятные, перемешанные с матерной руганью слова. Что он говорил,— слышал один медленно пятившийся Подтелков.

— Придется тебе... ты знаешь? — резко поднял Чернецов голос.

... Но-о-о... — как задушенный, захрипел Подтелков, кидая руку на эфес шашки.

Сразу стало тихо. Отчетливо заскрипел снег под сапогами Минаева, Кривошлыкова и еще нескольких человек, кинувшихся к Подтелкову. Но он опередил их; всем корпусом поворачиваясь вправо, приседая, вырвал из ножен шашку и, выпадом рванувшись вперед, со страшной силой рубанул Чернецова по голове...

Ткнувшись о тачанку, он повернулся к конвойным, закричал выдохшимся, лающим голосом:

— Руби-и-и... такую мать! Всех!.. Нету пленных... в кровину, в сердце!! — Лихорадочно застукали выстрелы...

Григорий Мелехов, который у Шолохова находился в отряде, участвовавшем в разгроме Чернецова, в ярости бросился к Подтелкову. Но «сзади его поперек схватил Минаев,— ломая, выворачивая руки, отнял наган, заглядывая в глаза померкшими глазами, задыхаясь, спросил:

— А ты думал — как?»

* * *

Поражение отряда Чернецова хотя и не предопределило крах калединщины, но прозвучало для нее похоронным звоном. А. Деникин позднее писал: «Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось...» Действительно, к концу января наступающие с трех сторон советские войска и мощные революционные выступления рабочих, иногородних и казаков на самом Дону привели режим атамана Каледина к краху. Каледин переживал личную трагедию. Это был человек, по выражению одного из современников ненавидевший революцию «до предела психической слепоты». Но он считал и верил, что казачество будет той силой, которая все же устоит перед натиском разрушающей его вековой уклад «революционной анархии». Этим, скорее всего, и питалась его готовность принять на Дону находившихся в Быхове Корнилова и корниловских генералов. Но и они, в свою очередь убеждая Каледина в успехе совместной борьбы, обещая приток боевых сил на Дон, поддерживали его веру. Действительность нанесла тяжелый удар по этой вере и по этим планам. Дон раскололся в социальной борьбе, а Добровольческая армия в январе 1918 г. насчитывала менее 4 тыс. штыков и сабель, да и то главным образом офицеров, исповедовавших к тому же откровенно реакционные, монархические взгляды. Корнилов, встречавший новоприбывших, с досадой спрашивал: «Это все офицеры, а где солдаты?» [76]

Добровольцы, таким образом, не только не стали опорой и поддержкой Каледина, но, напротив, превратились в фактор, резко усиливавший социальную и политическую напряженность на Дону.

Приблизительно в те же дни, когда отряд В. Чернецова подходил к Каменской, чтобы ликвидировать каза-

чий ВРК, по приказу Корнилова добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов, на более опасное оперативное направление. Однако уже к концу месяца стало ясно, что дальнейшее пребывание в Ростове может оказаться гибельным для Добровольческой армии. С севера, запада и востока двигались советские войска и отряды революционных казаков. Южнее Ростова вспыхивали восстания в Батайске и Таганроге. Бурлил и рабочий Ростов. Корнилов принял решение уходить. 28 января об этом он сам и Алексеев сообщили в Новочеркасск. Каледин, по-видимому, был потрясен. Уставший, морально сломленный человек, на другой день он все же собрал членов «войскового правительства». Зачитал депеши Алексеева и Корнилова, с горечью сказал, что для защиты Донской области осталось, наверное, не больше 150 штыков, заявил о своем уходе и предложил уйти всему правительству. Начались дебаты, но Каледин оборвал: «Господа, говорите короче. Время не ждет. Ведь от болтовни погибла Россия».

Решено было до съезда нового «войскового круга» и съезда неказачьего населения возложить власть на «Временный общественный комитет порядка», состоящий из делегатов городского самоуправления Новочеркасска, областного военного комитета и других организаций. Тут же Каледин подписал приказ походному атаману генералу А. Назарову прекратить всякое сопротивление советским войскам.

Как вспоминала жена А. Каледина, вернувшись с правительственного заседания, уже ушедший от власти атаман подошел к двери гостиной, где она сидела со своей гостьей, постоял с минуту и, не сказав ни слова, ушел к себе. Через некоторое время грянул выстрел. Каледин поступил так же, как Крымов, застрелившийся после провала корниловского мятежа, в конце августа 1917 г. Тогда Корнилов, получив письмо Крымова, написанное перед самоубийством, уничтожил его. Но предсмертное письмо Каледина, написанное Алексееву, сохранилось. Каледин, в частности, писал: «Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага».

Выстрел в атаманском дворце еще не подвел черту

под калединщиной. Агония ее продолжалась. На другой день собрание депутатов от станиц и войсковых частей, съехавшихся на «войсковой круг», объявило себя властью и избрало войсковым атаманом А. Назарова. Походным атаманом был избран генерал Попов. Назаров тут же объявил мобилизацию казаков от 17 до 55 лет, разгромил в Новочеркасске Совет рабочих депутатов и объявил Ростов на военном положении. Казалось, ситуация меняется, и Корнилов переменил свое решение: Добровольческая армия пока осталась в Ростове. Однако «сполох», провозглашенный новым атаманом Назаровым, ничего уже не мог изменить.

В ночь на 9 февраля советские войска под командованием Сиверса начали штурм оборонительных укреплений у Ростова. Опасаясь полного окружения, вечером 9 февраля Корнилов приказал отходить за Дон, в станицу Ольгинскую. Весь штаб (генералы Л. Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Эльснер и др.) собрался в вестибюле дома ростовского миллионера Парамонова. Вооружившись винтовками и карабинами, пешком пошли по опустевшим улицам к покидавшим город добровольческим частям. Уходили Корниловский ударный полк подполковника Нежепцева, Георгиевский полк полковника Кириенко, офицерские батальоны полковников Кутепова, Борисова, Лаврентьева, Симановского, юнкерский батальон капитана Парфенова, Ростовский добровольческий полк генерала Боровского, кавалерийские дивизионы полковников Гершельмана и Глазенапа, другие более мелкие части. Впереди вытягивавшейся колонны, состоявшей примерно из четырех тысяч человек, нескольких орудий и двух-трех десятков повозок, с винтовками и вещевыми мешками за плечами шли два бывших Верховных главнокомандующих русской армии, один командующий фронтом, начальники высших штабов.

Кто были все эти люди: помещики, капиталисты, владельцы больших имуществ и состояний? Были, конечно, и такие, но незначительное меньшинство. Большинство происходило из мещан, крестьян, разночинцев, офицеров и даже солдат [77]. Что же в таком случае толкнуло их на эту борьбу, в этот поход, в котором, они хорошо знали это, им придется воевать с собственным народом — мужиками, рабочими и солдатами?

Старая армия с ее укладом, сложившимся при царизме, для них была всем. Она подняла многих из них из низов, превратила в «благородия» и «превосходительст-

ва», дала власть. Революция разрушила все это... И все же отнюдь не одни лишь «корыстные» соображения привели этих офицеров на Дон и повели теперь в поход на Кубань. Было здесь, конечно, и чувство патриотизма, воспитанное в них долгой традицией царской государственности. Многие ли из них могли тогда знать, что революция не только разрушение старого, но и путь к созданию новой России? Потребуется немало лет, чтобы осознать это.

Боевого духа не было ни у рядовых, ни у командиров. Алексеев перед уходом писал своим близким: «Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость божья...» Еще мрачнее было прощальное письмо Корнилова. «Больше, вероятно, встретиться не придется»,— писал он. Это его письмо оказалось пророческим.

* * *

При отходе из Ростова Корнилов еще точно не знал, куда он поведет добровольческие войска. Обдумывались две цели: донские зимовники, отдаленные места в степи, куда на зиму отгоняли табуны лошадей, или Кубань. Корнилов склонялся к зимовникам: туда намеревался идти и походный атаман Попов. Но в Ольгинской, как пишет Деникин, решили: надо идти на Кубань. Связь с ней старались установить еще раньше. Выслали на разведку прапорщика Зинаиду Горгардт. Она пробралась туда, вернулась, привезла нужные карты. Теперь решено было направить на Кубань генерала А. Лукомского, не ладившего с Корниловым, и генерала И. Ронжина. Они уехали, но по пути угодили в плен к красным. Поэтому положение на Кубани для добровольческого командования было не совсем ясно. Однако доходившие сведения говорили о том, что в отличие от Дона на Кубани борьба между сторонниками Советской власти и поддерживаемым казачьей верхушкой Кубанским краевым правительством, сформированным Кубанской краевой радой, еще продолжается. Добровольческие генералы рассчитывали, что, пробившись на Кубань, они решат борьбу в свою пользу и создадут себе прочную военную и продовольственную базу. Впрочем, фактически до станиц Кагальницкой и Мечетенской это решение еще не было окончательным. Только тут походному донскому атаману Попову было сказано, что добровольцы идут на Кубань. Обиженный Попов повернул на зимовники...

Поход Добровольческой армии, начатый 9(22) февра-

ля в Ростове и закончившийся 31 марта под Екатеринодаром, вошел в историю под названием «Ледяного» с легкой руки одного из участников похода — Барташевича. Но, строго говоря, «ледяным» он не был. Другие участники похода — например, уже известный нам Н. Львов, брат того самого Владимира Львова, который фактически спровоцировал разрыв Керенского и Корнилова летом 1917 г., и А. Богаевский — свидетельствовали, что «во льду» добровольцы были, может быть, несколько дней при переходе от аула Шенджий к станице Новодмитровской. Утром в эти дни было тепло, дороги развозило, днем шли дожди, а к вечеру, когда наступали заморозки, дороги обледеневали, дожди переходили в метель и двигаться порой приходилось по довольно глубокому снегу. Видимо, в те дни Барташевичу и привиделся образ добровольцев, скованных льдом, но идущих вперед, в неведомую даль...

«Ледяной» поход стал одной из легенд «белого дела». Он вошел в белоэмигрантскую историческую литературу как образец его изначальной «идеологической чистоты». Идеализированные участники этого похода — «первопроходцы» — долгое время формировали представления о белогвардейцах, иногда проникавшие даже в советскую беллетристику или кино. Цветаевский цикл «Лебединый стан», вероятнее всего, был навеян «Ледяным» походом, в котором участвовал и муж М. Цветаевой — Сергей Эфрон: «Старого мира последний сон — молодость, доблесть, Вандея, Дон...»

Конечно, участникам похода пришлось преодолеть немалые трудности и проявить немало мужества. Но, как позднее вспоминали многие из них, ни тяжелые дороги, ни страшная грязь, ни морозы и метели не были главной причиной страданий. Хуже всего было сознание того, что на этой, своей земле они чужие. Почти повсюду население встречало их враждебно. Многие станицы отказывались дать добровольцам приют и продовольствие. И только угрозы Корнилова сжечь станицу и перевешать жителей заставляли подчиниться. Нередко добровольцы входили и в пустые селения: население в страхе уходило. А ведь добровольческое командование рассчитывало получить здесь пополнения. Но даже такой «певец» «Ледяного» похода, как Л. Половцев, должен был признать, что огромные станицы с населением в несколько тысяч человек в лучшем случае давали до 20—30 добровольцев.

Упоминавшийся уже А. Богаевский писал: «Бесконечно тяжко было сознание своего одиночества на родной земле...» Но у многих «первопроходников» это горестное чувство лишь усиливало злобу, стремление мстить «хамам». Участник похода Р. Гуль рассказывает о частых расстрелах пленных, добивании раненых, порках до тех пор, пока «пленные не были в крови». Такое поведение не было лишь произволом отдельных лиц. Сам Корнилов призывал: пленных не брать.

Шли почти с непрерывными боями. 88 верст до станицы Егорлыцкой, находившейся на границе со Ставропольем, прошли за шесть дней. Лишь к началу марта вступили, наконец, в пределы Кубанской области.

Высылаемые вперед разведчики доносили о том, что происходит в Екатеринодаре. Донесения были неутешительными. Власть Кубанской краевой рады, краевого правительства Л. Быча и войскового атамана А. Филимонова фактически распространялась только на Екатеринодар и окружающие его станицы. Советская власть установилась почти по всей Кубани. Революционные войска под командованием бывшего хорунжего А. Автономова и бывшего есаула И. Сорокина двигались к Екатеринодару. Бывший царский полковник (и бывший летчик) Г. Покровский (весной 1917 г. он участвовал в тайной контрреволюционной организации, созданной в Петрограде П. Врангелем) возглавил крупный отряд, сдерживавший наступление советских войск. Это был кровавый каратель с садистскими наклонностями. Покровского поддерживали отряды полковников Лисовицкого, Улагая, Галаева, Султана-Келеч-Гирея. Но, оказавшись перед угрозой окружения, они вынуждены были оставить Екатеринодар. Вместе с ними бежали войсковой атаман А. Филимонов, председатель краевой рады Н. Рябовол и глава краевого правительства Л. Быч. Главком Автономов доносил: «Москва. Националь. Совнарком. Последний оплот контрреволюции город Екатеринодар сдался без боя 14 сего марта».

Известие о падении Екатеринодара дошло до Добровольческой армии в станице Кореневской. Оно вновь поставило перед Корниловым вопрос: куда двигаться дальше? Решено было свернуть к югу, чтобы дать уставшим войскам отдых в адыгейских аулах, а затем, отдохнув и подкрепившись, продолжать движение на Екатеринодар в расчете на соединение с Покровским и другими войсками кубанского правительства. Это соединение произо-

шло в 20-х числах марта в районе станиц Калужская и Новодмитриевская. Здесь состоялись переговоры между представителями добровольческого командования (Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский) и изгнанной из Екатеринодара кубанской властью (Филимонов, Рябовол, Быч, Султан-Шахим-Гирей). Кубанцы, носившиеся с идеями сепаратизма и автономии Кубани, пытались отстаивать сотрудничество с Добровольческой армией на равноправных началах. Они, писал А. Деникин, говорили о конституции, суверенной Кубани, автономии и т. д. «На нас... вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напоминавшим лето 1917 г.— с бесконечными дебатами революционной демократии». Позднее один из участников переговоров — председатель Кубанской рады Н. Рябовол будет убит добровольческими офицерами-монархистами. Но пока приходилось сдерживаться: «армия» Покровского была необходима для предстоящего штурма Екатеринодара. Договорились, что все войска подчиняются Корнилову, но кубанские власти могут продолжить свою деятельность.

Корнилов переформировал армию. Теперь она была разделена на три бригады: пехотными командовали генералы С. Марков и А. Богаевский, конной — И. Эрдели.

28 марта части 2-й бригады вышли к окрестностям Екатеринодара. В трех верстах от города была занята ферма сельскохозяйственного кооперативного общества, и Корнилов сейчас же перенес туда свой штаб.

Развернулись ожесточенные бои. Обе стороны несли большие потери, но для добровольцев они были невосполнимыми. Многие роптали, говорили, что Корнилов готов «угробить всю армию». Но лично на Корнилова особенно тяжелое впечатление произвела гибель командира Корниловского полка М. Неженцева, с которым он начал боевой путь еще в период подготовки летнего наступления 1917 г. и который был ему безгранично предан. Вместо Неженцева был назначен полковник А. Кутепов.

На военном совете, состоявшемся 30 марта, большинство генералов высказались за отход от Екатеринодара. Однако Корнилов, поддержанный на этот раз Алексеевым и кубанцами, настоял на своем: приказал снова «атаковать по всему фронту». Это уже должен был быть пятый день непрерывных боев. Трудно сказать, чем он мог кончиться: осатаневшие от ужаса смерти и считав-

шие, что пути назад нет, добровольцы готовы были на новый штурм. Случайный снаряд решил все.

Ранним утром 31 марта Корнилов сидел за столом в одной из комнат фермы, рассматривал карты. Он попросил своего адъютанта Долинского принести ему чаю. Неожиданно после короткого пронзительного звука раздался оглушительный взрыв. Взрывной волной Корнилов был отброшен в сторону. Не приходя в сознание, примерно через час он скончался...

Еще некоторое время генералы пытались скрыть от атакующих добровольцев смерть командующего, но, когда это известие дошло до них, дух их был окончательно сломлен.

По распоряжению Алексеева в командование армией вступил А. Деникин. Вечером он приказал начать скрытный отход от Екатеринодара.

Корнилов был тайно похоронен на территории немецкой колонии Гначбау. Сняли кроки, точные топографические координаты, и раздали их трем участникам захоронения. Остатки разбитой Добровольческой армии двинулись дальше.

Однако могилу Корнилова вскоре обнаружили вступившие в Гначбау красные. Труп Корнилова был вырыт и доставлен в Екатеринодар. В советских войсках было еще много анархических элементов, следующих законам не армейской дисциплины, а партизанской вольницы. Да и сам примыкавший к левым эсерам И. Сорокин немногим отличался от этих своих бойцов. В октябре 1918 г. за разложение и убийства коммунистов он будет арестован и расстрелян. А в начале апреля при его попустительстве над трупом Корнилова было допущено глумление, пока его наконец не сожгли в окрестностях города...

«Ледяной» поход кончился. В кровопролитных боях добровольцы прошли более 500 верст, понесли тяжелые потери, были разбиты под Екатеринодаром и теперь уходили назад, еще точно не зная куда...

На память о походе они создадут знак «первопроходцев»: терновый венец, пронзенный мечом.

Несчастный мир

Сколь бы драматически ни складывалась борьба Советской власти с прокорниловской Ставкой, калединским Доном, вокруг Учредительного собрания, против чиновничь-

Рис. 3. Знак, установленный белогвардейцами в память «Ледяного» (1-го Кубанского) похода

его саботажа, все же судьба революции в этот период зависела от решения другого вопроса: война или мир? Измученный народ жаждал, требовал мира.

В пьесе М. Шатрова «Брест» это просто и эпически выражено словами письма солдата Шаронова Ленину и «всем остальным народным комиссарам»: «Усердно просим вас: хлопочите скорее мир, потому что остается последнее терпение солдат, потому что силов наших больше нет, голод и холод в окопе терпеть совсем мы обессилели, и вдобавок из дому пишут, что помирают неевши... Делайте нам хоть какой-нибудь мир, а если до января не сделаете, то мы все равно разойдемся домой, а то еще хуже, пойдем на Питер и скинем ваше правительство и поставим такое, которое даст нам мир. Просим вас, товарищ Ленин, кладите свои силы до последнего за мир, а если погибнет жизнь ваша от палачей, то память ваша, как и Исуса Христа, не погибнет никогда...»

Сразу же после прихода к власти Советское правительство обратилось ко всем воюющим державам с пред-

ложением начать переговоры о заключении справедливого, демократического мира. Правительства Антанты отвергли это предложение, твердо рассчитывая завершить войну разгромом Германии и ее союзников. Поэтому им важно было удержать Россию в войне, по-прежнему получая, по словам английского посла Дж. Бьюкенена, ее «кусок мяса». С Советским правительством, выдвинувшим лозунг мира, разговаривать они не желали.

Иную позицию заняли правящие круги Четверного союза, возглавляемого Германией, вынужденного вести изнурительную войну на два фронта. Они ответили согласием. Их расчет состоял в том, чтобы, развязав себе руки на Востоке, в России, обрушиться затем на Запад. Особую готовность к миру проявляла Австро-Венгрия, находившаяся уже в катастрофическом положении.

Но мало кто в России еще мог предположить, какую страшную цену придется заплатить за германское и австро-венгерское согласие на мир. Политику мира поддерживали пока многие, в рядах как большевистской партии, так и ее союзников — левых эсеров. На заседаниях ВЦИК в начале декабря 1917 г. М. Спиридонова заверяла, что в вопросе мира ее партия окажет Совнаркому «полное доверие» и «всемерную поддержку». Ожесточенная борьба вспыхнет позднее, когда полностью вскроются империалистические, захватнические претензии германской стороны...

Напомним, что в ноябре 1917 г. в Брест-Литовске было достигнуто соглашение о перемирии. 9 декабря там же начались мирные переговоры. Условия советской делегации были четкими: мир заключается без аннексий и контрибуций на основе самоопределения всех народов.

Немцы заявили о своем согласии, но при условии присоединения к этой формуле и стран Антанты. Объявили перерыв, чтобы все государства могли лучше ознакомиться с позицией сторон. Ждали ответа Англии, Франции, США, но они молчали. Скрытно, закулисно они вели сложную двойную политику. С одной стороны, «нащупывали» и поощряли в России те антибольшевистские группы, которые, как казалось, способны были свергнуть антивоенное Советское правительство и заменить его новым — военным, готовым продолжать войну; с другой стороны, через своих неофициальных представителей они, по словам английского военного министра Мильнера, пытались «вставлять палки в советско-германские

переговоры», рассчитывая, что при определенных обстоятельствах Советская власть все-таки окажется вынужденной сопротивляться Германии...

Когда мирные делегации вновь собрались за столом переговоров в Бресте, выяснилось, что германская сторона ужесточила свою позицию. Формула «мир без аннексий и контрибуций» была теперь отвергнута. Немцы ссылались на нежелание стран Антанты принять ее и на этом основании заявляли о ее практической невыполнимости. Существовало и еще одно обстоятельство, повлиявшее на них: позиция, занятая в Бресте делегацией Украинской центральной рады. Она объявила, что будет вести переговоры с германской и другими делегациями самостоятельно, независимо от делегации РСФСР, поскольку Рада не признает Совнарком полномочным федеративным правительством. Но здесь нужна небольшая историческая справка.

Еще в конце октября 1917 г. в результате вооруженного восстания рабочих и солдат власть Временного правительства в Киеве была свергнута. Однако созданная при том же Временном правительстве Украинская центральная рада, опираясь на националистические силы, подавила революционное выступление в Киеве. Рада заявила о своем непризнании Советской власти и повела политику, враждебную РСФСР. Большевистские организации и Советы на Украине преследовались, советские отряды разоружались, а на Дон, к Каледину и Корнилову, из России практически беспрепятственно пропускались белогвардейские офицеры и юнкера. Переговоры Советского правительства с Радой об урегулировании отношений результата не давали.

Между тем на Украине развернулась борьба за установление Советской власти. В декабре 1917 г. в Харькове состоялся I съезд Советов Украины, провозгласивший ее Советской социалистической республикой. Был избран Всеукраинский ЦИК, создано украинское советское правительство — Народный секретариат. Между советскими украинскими войсками и войсками Центральной рады и созданного ею Генерального секретариата начались военные действия. Из Харькова на помощь Народному секретариату двинулись советские войска во главе с В. Антоновым-Овсеенко и бывшим полковником левым эсером М. Муравьевым, отличившимся под Петроградом в боях против казаков Керенского и Краснова в конце октября 1917 г. В этом «украинском походе» Муравьев, помимо

бесспорных высоких боевых качеств, проявил грубые диктаторские замашки.

У станции Круты, недалеко от Киева, произошел генеральный бой. Войска Рады, которыми командовал С. Петлюра, были разбиты. Рабочие Киева подняли восстание. И в конце января Киев был освобожден. Рада и Генеральный секретариат бежали. Кроме части Волынской губернии, куда отошли разбитые войска Петлюры, на всей территории Украины установилась Советская власть.

Но вернемся в Брест. Еще до бегства Рады из Киева, в самый разгар борьбы, ее представители на Брест-Литовских переговорах заявили о своей самостоятельной позиции. Когда немцы запросили об отношении к этому советской делегации, ее глава Л. Троцкий ответил, что, исходя из признания права наций на самоопределение, она (делегация) «ничего против не имеет». Немцы, ведя открытые и закулисные переговоры с украинцами, получили в свои руки сильное средство давления на советскую делегацию.

Но главное, конечно, было все же в ином: они хорошо знали о стихийной демобилизации русской армии, о развале фронта, о консолидации антибольшевистских и антисоветских сил внутри страны, об усиливающихся разногласиях по вопросу о мире в самом советском руководстве. И заговорили другим языком. Они настойчиво требовали признания их огромных захватов российской территории, миллиардных контрибуций. Советская делегация запросила перерыва: вопрос о мире повернулся теперь совсем другой стороной, приобретая поистине трагическую альтернативу: капитулировать перед германским империализмом, отдав ему часть России с несметными богатствами, или вступить с ним в революционную войну. Фактически этот вопрос мог быть сформулирован шекспировским «быть или не быть?». Принять германские условия значило, конечно, серьезно ослабить Советскую власть, поставить в тяжелейшее положение революционное движение в тех регионах на западе страны, которые должны были подпасть под германскую оккупацию, укрепить шансы германской реакции в борьбе с революцией в самой Германии.

Грозило и еще одно обстоятельство, с которым нельзя было не считаться. Подписание грабительского, «похабного», как говорил В. И. Ленин, мира с Германией наносило тяжкий удар по патриотическим чувствам

миллионов людей. Это было особенно опасно еще и потому, что контрреволюционные круги отнюдь не прекратили распространение клеветы о связи большевиков с германским Генеральным штабом. Поэтому подписание унизительного мира с Германией, конечно, было бы использовано как прямое «доказательство» этой связи. Короче говоря, подписание мира угрожало большевистской партии и Советскому правительству огромными материальными, политическими и моральными потерями.

Значит, революционная война? Но что же тогда? В сложившихся условиях Советской власти почти нечего было противопоставить «бронированному кулаку» немцев. Старая русская армия фактически перестала существовать, воевать она не могла и не хотела. Десятки тысяч солдат стихийно снимались с позиций и уходили в тыл. Новой армии еще не существовало. Красногвардейские отряды не в состоянии были противостоять регулярным германским дивизиям. Советская власть могла, пожалуй, рассчитывать только на революционный энтузиазм пролетарского и солдатского авангарда, но, ничем не подкрепленный, он легко мог превратиться в революционную фразу. Против германских пушек и пулеметов этого было мало. Война с Германией несла поражение и, как следствие, свержение Советской власти. Мир с немцами заключали бы в этом случае наиболее правые, черносотенно-монархические элементы, поскольку все другие партии, начиная с кадетов, отвергали его, стояли за продолжение войны совместно с антантовскими союзниками до победного конца. Революционная война с Германией почти наверняка обернулась бы для Советской России разгромом, подавлением демократии и торжеством самых реакционных, прогермански настроенных сил.

В партии, в Совнаркоме, во ВЦИК развернулась острейшая борьба. Мир или война? Идти на подписание грабительских германских условий или, отвергнув их, вступить в кровавую схватку с германским империализмом? Как ответить на этот вопрос, исключив риск, подсчитав все «за» и «против»? Ответ осложнялся еще и тем, что в самой Германии, а также в Австро-Венгрии в январе—феврале 1918 г. усиливалось революционное движение. Если оно пойдет дальше, не станет ли тогда мир с Германией помощью германской контрреволюции? Но где гарантии, что это движение выльется в революцию, которая станет надежным союзником Советской России? Можно ли отвергнуть подписание мира, рас-

считывая на проблематичную победу германской революции? Но и это еще не все. Не произойдет ли сговор двух воюющих империалистических группировок — Антанты и Четверного союза — о прекращении войны за счет России? Как предотвратить эту грозную возможность? Вопросы, вопросы, десятки мучительных вопросов, за ответами на которые стояли миллионы людей, пошедших в революцию с верой в ее миротворчество...

«Верхи» партии были близки к расколу. В. И. Ленин находил в себе силы настаивать на мире, на мире практически любой ценой. В основе его позиции лежало сознание невозможности для России вести войну в создавшихся условиях, стремление сохранить жизни миллионов рабочих и крестьян, убежденность в недолговечности грабительского мира, если он все же будет подписан.

Н. Бухарин и его сторонники, образовавшие фракцию «левых коммунистов», настаивали на революционной войне. Они обосновывали свою позицию надеждой на близкую революцию в Германии и в других странах, верой в революционный энтузиазм, способный остановить германское наступление, если оно даже и начнется. Тогда, утверждал Бухарин, вспыхнет народная, партизанская война, война «летучих отрядов». Если, говорил он, Советская власть действительно народная власть, то «империалистам ее придется выдергивать зубами из каждой фабрики, из каждого завода, из каждого села и деревни. Если наша Советская власть — такая власть, она не погибнет со сдачей Питера и Москвы». Трудно сказать, чего здесь было больше: молодой прямолинейности мышления или молодого революционного романтизма. По-человечески можно понять и позицию «левых коммунистов». Принадлежавшая к ним депутат Петросовета Л. Ступоченко, может быть, лучше других объяснила их образ мыслей: «Опьяненные победой, гордые своей ролью застрельщика и зажигателя мировой революции, окруженные атмосферой восторгов международного пролетариата, из самого униженного рабства вознесшиеся почти мгновенно на высоту „вершителей судеб капиталистического мира“, могли ли мы склонить свое знамя под пыльный сапог германского шуцмана?»

Позицию «левых коммунистов» разделяли левые эсеры.

Столкнулись, таким образом, две концепции, два подхода: трезвый политический расчет и взрыв романтическо-революционных эмоций.

Но за этим столкновением стояло нечто большее.

Суть политической позиции Н. Бухарина и других «левых коммунистов» независимо ни от чего означала готовность разменять российскую революцию на перспективу революции международной. Но В. И. Ленин и его сторонники видели в российской революции самостоятельную ценность, способную выполнять интернациональную задачу самим фактом своего существования.

«Промежуточную», «балансирующую» точку зрения выдвинул Л. Троцкий, занимавший тогда пост наркома по иностранным делам. Он предлагал объявить войну прекращенной, армию демобилизованной, но грабительский мир не подписывать: «ни мира, ни войны!». Троцкий думал, что такой «интернациональной демонстрацией» Советская власть свяжет германскому империализму руки: наступать он не решится, а если решится, то разоблачит себя и тогда окажется перед лицом мощного революционного движения в самой Германии.

В. И. Ленин скептически относился к формуле Л. Троцкого, но он видел в ней возможность затягивания переговоров, возможность маневрировать, выжидать. Ленин хотел использовать любой шанс.

На заседании ЦК 11 января 1918 г. Ленин сам предложил поставить на голосование резолюцию о затягивании подписания грабительского мира. Она получила 12 голосов «за» и 1 — «против». Затем Троцкий поставил на голосование свою формулу. Она получила 9 голосов «за» и 7 — «против». С этим 13 января Троцкий выехал в Брест. Но перед отъездом между Лениным и ним было твердо согласовано, что он будет «проводить» свою «формулу» только до момента предъявления немцами ультиматума, после этого — «сдавать».

17 января переговоры возобновились, а через 10 дней [78] делегация Центральной рады, которая, как мы знаем, фактически уже была изгнана с Украины, подписала с немцами и австрийцами мирный договор. Немцы получали миллионы пудов продовольствия в обмен на военную помощь Центральной раде для ее водворения в Киеве. Германские войска двинулись на Украину. Тогда Троцкий решил пустить в ход свою необычную «формулу». Советская делегация сделала следующее заявление: «Отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны... прекращенным. Русским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Немецкий генерал М. Гофман впоследствии вспоми-

нал: «Все собравшиеся сидели безмолвно после того, как Троцкий окончил свою речь». Но ошеломленность продолжалась недолго. Глава германской делегации Р. Кюльман быстро пришел в себя и заявил: анализируя создавшееся положение, необходимо сделать вывод, что державы Четверного союза «находятся в настоящий момент в состоянии войны с Россией». Это означало, что немцы считают свои руки развязанными для начала наступления и вторжения в Советскую Россию. В этот момент Л. Троцкий и должен был «сдать», как было договорено с В. И. Лениным перед отъездом делегации в Брест. Но он не сделал этого. Сказались ли самоуверенность и самомнение Троцкого, посчитавшего, что немцы все же не решатся наступать? Побоялся ли он взять на себя персональную ответственность за подписание «похабного мира»? Проявилось ли его постоянное стремление между двумя дорогами выбирать собственную — третью? Оправдывал ли он свою позицию формальным отсутствием германского ультиматума? Трудно сказать. Скорее всего, сыграло роль все. Троцкий покинул Брест. На пути в Петроград его и застало известие о начале германского наступления. Почти не встречая сопротивления, немцы продвигались вперед, непосредственно угрожая Петрограду...

Теперь борьба в Центральном Комитете партии приняла поистине драматический характер. На утреннем заседании ЦК 18 февраля предложение о немедленном возобновлении мирных переговоров, на чем настаивал В. И. Ленин, было отклонено 7 голосами против 6. Но события шли так стремительно, что уже на дневном заседании того же дня соотношение голосов изменилось. При голосовании вопроса о немедленном заключении мира с Германией 7 членов ЦК высказались «за», 5 — «против» и 1 воздержался. Ранним утром 19 февраля в Берлин пошла радиограмма: «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство» [79].

Но немцы продолжали наступать. Угроза нависла над Петроградом. По приказу Народного комиссариата по военным делам создавался Чрезвычайный штаб Петроградского округа. На улицах появились листовки с призывом (в том числе и к офицерам) вступать в ряды Красной гвардии. 22 февраля Совнарком опубликовал

декрет «Социалистическое отечество в опасности!». «Наши парламентеры,— говорилось в нем,— 20(7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, *и до сих пор нет ответа.* Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом... Германские генералы хотят установить свой „порядок" в Петрограде и в Киеве». Всем Советам вменялось в обязанность *«защищать каждую позицию до последней капли крови»* [80].

В этот момент неофициальные представители стран Антанты и США Б. Локкарт, Ж. Садуль, Р. Робинс и др. активизировали свои усилия, направленные на то, чтобы удержать Советскую Россию в состоянии войны с Германией. На заседании ЦК 22 февраля Л. Троцкий сообщил о предложении французов и англичан оказать помощь Советской России, если она вступит в войну с Германией. Отсутствовавший на заседании ЦК В. И. Ленин прислал записку, в которой просил присоединить и его голос «*за* взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» [81]. Семью голосами против пяти предложение было принято с условием, что сохраняется полная независимость советской внешней политики. Некоторые западные историки утверждают, что соглашение не состоялось, так сказать, по техническим причинам: сообщения из Москвы в западные столицы пришли якобы с большим опозданием. Не исключено, однако, что союзники просто пришли к мысли, что сама помощь окажется запоздалой. Трудно было в те дни поверить, что Советская власть устоит...

Наконец 23 февраля от германского правительства был получен ответ, содержавший еще более тяжелые условия, чем прежде. В соответствии с ними Советская Республика теряла всю Прибалтику, часть Белоруссии. Турции следовало отдать Карс, Ардаган и Батум. Советское правительство должно было провести полную демобилизацию армии, вывести войска из Финляндии и с Украины. На принятие этих и других условий давалось 48 часов. Формула «ни мира, ни войны» обернулась в конце концов новыми захватническими притязаниями немцев. Через несколько дней, на VII Экстренном съезде партии, В. И. Ленин назовет ее «глубокой ошибкой» [82]. «Тактика Троцкого,— говорил он,— поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан...» [83]

На заседании ЦК 23 февраля Ленин заявил, что «по-

литика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то он выходит и из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия»[84]. В острейших дебатах, продолжавшихся до 24 февраля, ЦК 7 голосами против 4 и при 4 воздержавшихся постановил немедленно принять германские условия. В ночь на 24-е состоялось пленарное заседание ВЦИК. Против принятия германского ультиматума яростно выступили меньшевики, правые и левые эсеры. Но 116 голосами против 85 при 26 воздержавшихся и 7 отказавшихся голосовать Совнарком получил полномочия на подписание мира.

Тяжесть германских условий была такова, что, как это следует из текста протокола заседания ЦК 24 февраля, вопрос о персональном составе делегации, которая должна была подписать этот несчастный, «похабный» мир, вызвал острые споры. Можно сказать, только в порядке партийной дисциплины в Брест были направлены Г. Сокольников (глава делегации), Г. Чичерин, Л. Карахан, Г. Петровский. А. Иоффе согласился ехать только в качестве консультанта.

Ранним утром 25 февраля делегация покинула Петроград. Сумели доехать только до станции Новоселье, железнодорожный мост здесь был взорван. Где пешком, а где на ручной дрезине с трудом добрались до Пскова, уже занятого немцами. Только на другой день выехали в Брест. Германские представители встретили их надменно. В сценарии В. Логинова и М. Зархи, посвященном Чичерину, одна из героинь — журналистка, наблюдавшая встречу двух делегаций, говорит: «Я напишу, что здесь в Бресте столкнулись добро и зло. По одну сторону самодовольная и жестокая тупость, увешанная железом рыцарских крестов, орденов крови и смерти. С другой — гордые и благородные представители великой страны. Они были как святые мученики, прошедшие через все девять кругов ада только для того, чтобы не было крови и смерти...»[85]

Когда 1 марта Г. Сокольникову и другим предъявили окончательный текст договора, они увидели, что его условия еще более жестокие, чем те, которые были получены 23 февраля. Но выхода уже не было. Подписывая текст договора, Г. Сокольников заявил, что он «продиктован с оружием в руках». И не удержался от предсказания: «Мы ни на минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитаризма над международной про-

летарской революцией окажется временным и преходящим». Как он позднее вспоминал, генерал Гофман побагровел и раздраженно бросил: «Опять те же бредни!» Несчастный Брестский мир был подписан 3 марта в 17 часов 30 минут. В ноябре 1918 г. он будет отменен.

6 марта собрался VII съезд партии, обсуждавший вопрос о ратификации мира, заключенного в Бресте. Борьба продолжалась с прежней силой. Д. Рязанов обвинял Ленина в «октябрьской политике», которая якобы и привела к Бресту. Надо было, утверждал он, строить политику на «разжигании пожара мировой революции». Ленин же решил воспользоваться... «лозунгами Толстого»: сделал ставку на крестьянство. И «плоды этой политики, мужицкой и солдатской,— говорил он,— мы теперь расхлебываем...» Н. Бухарин доказывал, что «выгоды, проистекающие из подписания мирного договора, являются иллюзией...». Троцкий, поскольку его политику в Бресте (неподписание мира в критический момент переговоров) критиковали Ленин, Свердлов и К. Радек, заявлял о сложении с себя всех ответственных постов. Г. Зиновьев успокаивал Троцкого. «Мы,— разъяснял он,— разошлись по вопросу о том, когда наступил критический момент, когда надо было ультиматум принять...» Несмотря ни на что, В. И. Ленин стоял твердо. «Стратегия и политика,— говорил он,— предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор»[86].

После поименного голосования резолюция В. И. Ленина в пользу мира получила 30 голосов, 12 человек высказались против, 4 — воздержались. В новый состав ЦК были избраны В. И. Ленин, Н. Бухарин, Л. Троцкий, И. Сталин, Г. Сокольников и др.

Закрывая съезд, Я. Свердлов сказал: «Я позволю себе выразить уверенность в том, что до следующего съезда наша партия станет цельной, единой. На нем мы встретимся, вероятно, в качестве членов одной общей семьи, в качестве членов одной и той же партии — Российской Коммунистической партии».

14—16 марта IV Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мир. Из 1166 делегатов с решающим голосом за ратификацию проголосовали 784, против — 261, воздержались 115. Левые эсеры, голосовавшие против, вышли из Совнаркома.

* * *

11 марта В. И. Ленин написал небольшую, но пронзительную по своей беспощадной правде и светлой вере статью «Главная задача наших дней». Эпиграфом к ней он поставил знаменитые некрасовские слова:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

Отводя нападки и обвинения, Ленин указывал на высокое нравственное начало, высокий нравственный подвиг, совершенный большевиками в Бресте.

«Неправда,— с волнением писал он,— будто мы предали свои идеалы или своих друзей... Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не освятили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли...» [87] В этой моральной чистоте Ленин видел залог лучшего будущего Советской России. Надо только было честно и мужественно взглянуть в глаза правде, правильно, объективно оценить свое положение.

«Не надо самообманов,— писал В. И. Ленин.— Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприукрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной» [88].

Эпилог и пролог

Историки (да и не только они) до сих пор, можно сказать, бьются над двумя вопросами: когда в России началась гражданская война, последствия которой оказались столь тяжелыми, и кто ее начал — силы революции или контрреволюции? В такой постановке вопроса, конечно, немало схоластического, наивной веры в то, что на все можно получить категорически определенные, абсолютно точные ответы. Увы, в истории начала и концы событий

далеко не всегда фиксируются с точностью спортивного старта и финиша. Развитие исторических событий, кажется, больше напоминает течение реки: истоки их как-то плавно, даже незаметно «вытекают» из глубин предшествующего и «растворяются», исчезают в огромном море того, что составляет настоящее и будущее. Четкие пределы, границы размыты, стерты, зафиксировать их можно, пожалуй, только приблизительно или условно. Тем не менее эти общие рассуждения не освобождают от ответа на поставленные вопросы: слишком волнуют они, слишком велико и глубоко их значение.

Некоторые считают, что Октябрь, Октябрьское вооруженное восстание и явилось той точкой отсчета, от которой пошла гражданская война. Другие говорят — «нет». По их мнению, несмотря на спорадические, локальные ее проявления уже осенью 1917 — зимой 1918 г., о гражданской войне как таковой можно говорить лишь начиная с весны, а еще точнее, с лета 1918 г., когда внутренняя контрреволюция, получив поддержку со стороны интервентов, развернула фронтальные боевые действия. Кто же прав? Гете говорил: часто думают, истина лежит между двумя крайностями; на самом деле между ними лежит проблема...

Невозможно понять, как и почему вспыхнула трагическая гражданская война, не ответив на вопрос, почему произошла революция: они связаны теснейшим образом. Но чтобы ответить на него, нельзя остаться лишь в рамках, в плоскости современного политического сознания; нужно проникнуться сознанием той, уже ставшей далекой предреволюционной и революционной эпохи. А это другая задача...

Корни, подпочва революции и гражданской войны — далеко в дооктябрьской и дофевральской России. «Взрывчатое вещество» очень долго копилось там. В разные годы историки потратили много энергии, чтобы обосновать теоретическую правомерность и неизбежность революции. Было доказано, что российский капитализм к 1917 г. достиг такого уровня, что следующим шагом мог стать только поворот к социализму через пролетарскую, социалистическую революцию. И все же одного лишь достаточного «уровня капитализма», достаточной «степени капиталистического развития» было явно недостаточно для наступления социалистической революции. Ибо в противном случае такие же революции давно победили бы во многих других странах.

Революцию в России обусловило сочетание целого ряда факторов. Пожалуй, наиболее мощный из них (назовем вещи своими именами) — ненависть «низших» классов к высшим, привилегированным классам. В России «верхи» долго господствовали, может быть, особенно цинично и беспощадно. Их социальный эгоизм, как и эгоизм их власти — царизма, слепя им глаза, тормозил и ограничивал проведение даже тех преобразований, необходимость которых становилась потребностью времени. «Великая реформа» 1861 г., с большим запозданием освободив крестьян, фактически обрекала их на безземелье или малоземелье. Сопутствовавшие ей другие реформы были вскоре существенно нейтрализованы контрреформами. Однако силы, вызванные к жизни этой реформой, уже начали действовать. Либерально-буржуазная оппозиция расширялась и крепла. На политическом горизонте маячил еще более грозный враг: революционный рабочий класс.

Как же в этих условиях действовала власть?

В 1894 г. после вступления на престол нового царя, Николая II, тверские либералы верноподданно просили его разрешить общественным учреждениям — земствам — «выражать свое мнение по вопросам, их касающимся». В короткой ответной речи 17 января 1895 г. молодой царь назвал тверских и других земцев людьми, «увлекающимися бессмысленными мечтаниями», и заявил, что будет твердо «охранять начало самодержавия». Тогда же П. Струве (в то время он принадлежал еще к антицаристскому лагерю, был «легальным марксистом») написал «Открытое письмо Николаю II». В нем, между прочим, говорилось: «Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи и недавно в голодные годы переживавшего тяжелые потрясения... И вот в такое время... представители общества... услышали лишь новое напоминание о Вашем всесилии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа...» И Струве делал вывод, что при таком положении дело самодержавия «проиграно», что «оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем, падет под напором живых общественных сил». Почему? Потому, отвечал Струве, что позиция, занятая главой режима — царем, лишь «обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими сред-

ствами». «Вы первый начали борьбу,— пророчествовал Струве,— и борьба не заставит себя ждать».

Так и произошло. 9 января 1905 г. началась первая российская революция. Главной ее ударной силой уже стал пролетариат, за ним шло крестьянство. Самодержавный режим был потрясен, затрещал и зашатался. Только тогда он решился на некоторые уступки.

Царский манифест 17 октября 1905 г. с неменьшим запозданием, чем отмена крепостничества, даровал некоторые демократические свободы; но как только темп революционной атаки спал, другими актами они стали выхолащиваться и сводиться на нет. Это было воспринято как обман. «Вместо того, чтобы внять истине и остановиться»,— писал позднее В. Г. Короленко,— царское правительство «только усиливало ложь, дойдя, наконец, до чудовищной нелепости, „самодержавной конституции“, т. е. до мечты обманом сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме». Но, как говорил Т. Карлейль, чаще всего правительства погибают от лжи...

Так или иначе, решение многих кардинальных проблем вновь откладывалось и затягивалось. Но они не могли исчезнуть. Они лишь уходили вглубь и все более обострялись. Происходила консервация застоя и отсталости, сквозь которые мучительно, тяжело пробивался прогресс. Социальные контрасты и противоречия от этого только усиливались, приобретали особенно болезненный характер. В начале века земский врач, кадет, будущий министр Временного правительства А. Шингарев в книге «Вымирающая деревня» констатировал: «Низкий культурный уровень населения и его ужасающая материальная необеспеченность и безземелие стоят в непосредственной зависимости от социальных ошибок прошлого времени и от общих современных условий русской жизни, лишивших ее свободного развития, самодеятельности и просвещения...» И Шингарев призывал к немедленной широкой «переоценке ценностей», требовал «открыто и громко заявить о полной негодности существующего всевластного бюрократизма, указать вопиющие факты постепенного разорения народных масс». В противном случае Шингарев предсказывал царскому режиму, господствующим в России классам неминуемые «грядущие потрясения». К Шингареву не прислушивались. Слушали больше тех «верноподданных» из черносотенных рядов, которые уверяли, что самодержавие

искони присуще русскому народу. Слышали то, что хотелось слышать...

Теперь, после всего пережитого — братоубийственной гражданской войны, репрессий сталинщины, периода застоя,— дореволюционная Россия иногда рисуется, видится в благостных картинах. Но разве исторично смотреть на прошлое сквозь толщу тяжелых наслоений того, что произошло потом? Разве не исказит такой взгляд «чистоту», подлинность восприятия? Не есть ли это взгляд через запотевшее, замутненное стекло?

Лучший исторический источник — русская литература, творения наших великих писателей от Пушкина и Гоголя до Чехова и Горького. Какой же в их произведениях предстает русская жизнь, сдавленная «оковами самовластья»?

Александр Блок был поэтом, пожалуй особенно обостренно чувствовавшим и осознававшим «ход истории» и «исторический момент». В 1909 г. он писал матери после того, как совершенно потрясенный вернулся домой с чеховских «Трех сестер»: «Это — угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким-то чудом не заплеванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины... Несчастны мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву — для злобы и ссор друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий наш враг — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывают своего лица, а натравливают нас друг на друга».

Можно сказать: эти слова продиктованы поэтической эмоциональностью Блока. Но вот ум не менее нравственно чистый, но, может быть, более хладнокровный. В. Короленко писал об эпохе последних лет царизма: «Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась под ранжир. В земледелии воцарился безнадежный застой, нарастающие слои промышленных рабочих оставались вне возможности борьбы за улучшение своего положения. Дружественная народу интеллигенция загонялась в подполье, в Сибирь, в эмиграцию...»

Такие вот горькие слова, и таково было восприятие многих честных, порядочных людей, болевших, страдавших за свою страну и свой народ. Отсюда начиналась борьба за новую, свободную Россию. Жизнь складывалась так, что новый «пятый год» был, по-видимому, неотвратим... Но надо быть справедливым: уже первая революция

показала суровый, грозный лик восставшего народа — униженного и оскорбленного,— ультралевизну, экстремизм некоторых революционных групп, вставших на путь террора. И многие из тех, кто еще вчера причисляли себя к противникам самодержавия, испугались этого лика. Тот же П. Струве в эмиграции писал: «Начиная с декабря 1905 г., с момента московского вооруженного восстания — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг.— реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева...» Но, по словам Струве, ни либеральная оппозиция, ни власть не поняли, не осознали этого. И перед лицом «низовой стихии революционного максимализма», поднимающего «низы», они не пошли по пути взаимных уступок, причем со стороны оппозиции эти уступки, как считал Струве, «должны были быть гораздо более глубокими и решительными, чем со стороны исторической верховной власти».

«Pecatum est intra et extra muros»,— вздыхал Струве: «грех был и на защитниках стен и на штурмующих».

Все, о чем писал Струве спустя годы, уже тогда, вскоре после первой революции, нашло свое выражение в «веховстве» — идейном течении, возникшем в некоторых интеллигентско-либеральных кругах. Его главная мысль — ненужность, бесполезность революции как рычага, способного изменить общество, мир; единственный путь к такому изменению — культурно-религиозное возрождение. «Веховство» требовало отказа от революции, от борьбы с «исторической властью». В. И. Ленин назвал его «либеральным ренегатством».

Но разве не был испробован «веховский» путь? И каковы его результаты? Как мы уже писали, отмена крепостного права в 1861 г. и царский манифест 17 октября 1905 г.— два важнейших шага на этом пути,— открывая дорогу прогрессу, тут же сопровождались шагом, а то и двумя назад, к исходному «самодержавному началу». По словам В. О. Ключевского, реформы меняли старину, но и старина меняла реформы. Режим, страшась крутых перемен, пребывал как бы в состоянии качающегося маятника, проводил «центристскую» политику в такой исторический период, когда требовались радикальные решения. Он оказывался как бы в заколдованном кругу: «надо, но нельзя, нельзя, но надо...».

В таких условиях требовался реформатор с пионерским духом Петра I, но, по словам В. Шульгина, «съез-

дившийся» правящий класс уже не мог рождать таких лидеров. Николай II в лучшем случае мог лишь маневрировать. Это раздражало даже сторонников самодержавия, правых, видевших в таком «качании» слабость, нерешительность власти. В левом же лагере крепла мысль о том, что накопившиеся проблемы надо не развязывать, а разрубать. Еще Н. Чернышевский писал: «Штука в психологической невозможности уступок без принуждения». Может быть, тут проявлялось и то, что Ю. Трифонов называл нетерпением. («История,— говорил А. Желябов,— движется ужасно тихо. Надо ее подталкивать».) Но так думается нашим «холодным умом» спустя много десятков лет. Тогда думалось и чувствовалось иначе. О революции мечтало не одно поколение лучших людей России...

Однако как бы ни было велико значение идейной борьбы в периоды, предшествующие революции, сама по себе она не могла ее вызвать. Важнейшим фактором, обусловившим революцию, стала, конечно, война, долгая, малопонятная, жестокая, мучительная война.

Оторванность огромных масс наиболее трудоспособного мужского населения от работы, родных мест, своих домов и семей. Упадок хозяйства, расстройство транспорта, продовольственные трудности. Это в тылу. А на фронте несравненно хуже. Скошенные германскими пулеметами роты, раненые и калеки, беспросветность отступлений по длинным разбитым дорогам, залитые водой и грязью окопы за колючей проволокой... В. И. Ленин, говоря о войне, о ее последствиях и влиянии на нравственный уровень народа, не страшился произнести слово «одичание». М. Горький писал: «Третий год мы живем в кровавом кошмаре и озверели и обезумели... За эти годы много посеяно на земле вражды, пышные всходы дает этот посев!» «Человек с ружьем» воевать «с германцем» не хотел, да и не мог. Это превращало его в мощный фактор политической реальности, способный круто изменить ее.

И все-таки, несмотря на все более грозный характер нарастания массового недовольства, на все усиливавшееся революционизирование масс, не исключено, что они могли бы и не проявиться с такой огромной силой, если бы не наличие еще одного фактора: ослабления, а можно сказать, и деградации правящих верхов, царской власти. Ее неспособность руководить в столь сложный, ответственный период, когда отсталая, еще далеко не завершившая модернизации страна подверглась таким жестоким испытаниям, как мировая война, становилась очевидной.

Престиж власти катастрофически падал. Распутин и распутинщина сыграли в этом процессе роль катализатора. Расхожая поговорка «Россия под хлыстом» имела двойной смысл: под хлыстом самодержавия и под хлыстом Гришки Распутина (подозревали, что он принадлежал к секте хлыстов).

Доходчивая идея патологической бездарности правительства последнего царя, этой, по выражению А. Гучкова, «жалкой, дряпной, слякотной власти», неплохо служила обоснованию необходимости ее устранения. Было бы, конечно, упрощением объяснять все одним только «коварным» пропагандистско-политическим расчетом либеральных и фрондирующих групп. Нельзя не учитывать общей атмосферы негодования, которое вызывалось тяжелыми поражениями русской армии, экономическими трудностями и неурядицами в стране. По словам кадета В. Оболенского, «ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим».

Развал власти безусловно облегчил победу Февральской революции, ускорил ее. Как писал В. И. Ленин, понадобился один из крутых поворотов истории, чтобы «телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*» [89].

Стремительное крушение царизма, приведшее к тому, что вчерашняя самодержавная Россия, по словам М. Горького, внезапно «обвенчалась со свободой», обусловило формирование фактора, который, можно сказать, сыграл непосредственную роль в повороте событий от Февраля к Октябрю: небывалой по глубине радикализации масс. Рабочие, средние городские слои, крестьяне, солдаты осознали и почувствовали свою силу. Триумф победы, еще недавно казавшейся почти невероятной, рождал веру в неограниченные революционные возможности. Требования безотлагательного решения не только политических, но и социальных проблем звучали все настойчивее. Они стали вызовом, испытанием для всех партий, претендовавших на руководство массами,— от кадетов до большевиков. Кадеты, как и правые социалисты (правые эсеры и меньшевики), по разным практическим и теоретическим соображениям пошли по пути поддержки не народа, а Временного правительства, стремившегося остановить революцию и ввести ее в «спокойные берега».

Что же получилось? Один из лидеров меньшевизма — И. Церетели уже после Октября, может быть, с горечью

признал: «Все, что мы тогда делали, было тщетной попыткой остановить какими-то ничтожными щепочками разрушительный стихийный поток». Беспощадная, но верная оценка. К массам и с массами, такими, какими они были, раскрывшими свою душу в революции, пошли только большевики. Бывший «марксист», а впоследствии кадет и монархист П. Струве уже в эмиграции фактически с беспощадностью писал И. Церетели: «Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм, и потому в революции победил он». Кадет П. Милюков дополнил П. Струве: «Пойти по этому пути могли лишь железные люди... по самой своей профессии революционеры, не боящиеся вызвать к жизни всепожирающий бунтарский дух».

Легко ли, просто ли было взять ответственность за вооруженное восстание, открывавшее во многом неизведанный путь в будущее? Мы знаем, что нет. В ЦК партии шла борьба. Все сознавали, и В. И. Ленин не меньше других, что «революция всегда рождается в больших муках» [90], что большевики возьмут на себя «тяжелую задачу», при решении которой придется сделать «много ошибок». Но отказ от восстания открывал путь стихии, анархии, во все времена бывший почвой, основой, на которой вырастают контрреволюционные диктатуры, уничтожающие и революцию и демократию.

Керенский впоследствии доказывал, что Временное правительство уже почти обрело устойчивость, почти контролировало ситуацию и Россия как никогда близко подошла к триумфу демократической государственности. Но это были жалкие слова, говорившиеся в свое оправдание. За полгода своего правления буржуазные и правосоциалистические партии показали почти «тотальную» неспособность руководить страной. Уже к осени 1917 г. она фактически лежала в руинах. Многие великие ожидания Февральской революции не оправдывались: Временное правительство никак не решалось кардинально решать земельный вопрос, проклятая война продолжалась, промышленная разруха росла, продовольственный кризис усиливался, окраинные народы не получали свободы.

Несбывшиеся надежды — грозный революционный потенциал. Они рождали отчаянную решимость, которая могла реализоваться двояко. По убеждению многих политических деятелей (от В. И. Ленина до П. Н. Милюкова), реальная политическая альтернатива все более сводилась к следующему: либо победа левых сил и

переход власти в руки большевизировавшихся Советов, готовых осуществить требования народа, либо победа контрреволюции, которая, воспользовавшись растущим недовольством масс, под лозунгом «порядка» могла попытаться установить военную диктатуру, а затем и начать монархическую реставрацию. Позднее Милюков четко сформулировал эту альтернативу: «Ленин или Корнилов?»

Корниловщина была не чем иным, как открытой попыткой контрреволюции переломить ход событий 1917 г. в свою пользу посредством силы, т. е. на путях гражданской войны. Не удалось. Столкнувшись с сомкнувшимся в этот критический момент революционно-демократическим фронтом, она потерпела крах.

Поражение корниловщины могло стать исключительно важным моментом в истории революции, направив ее в русло мирного развития, мирного перехода власти к Советам. В. И. Ленин от имени большевистской партии в последний раз предложил эсерам и меньшевикам взять власть, сохранить единство революционно-демократического фронта. Но меньшевики и эсеры прошли мимо этого предложения, явно опасаясь стремительного роста большевизма, начавшегося после крушения корниловщины. Прошли мимо и вновь протянули руку Временному правительству, ранее явно попустительствовавшему корниловщине, а теперь повернувшему фронт против «левой опасности», против большевиков.

Раскол, разъединение «верхов» революционной демократии имели пагубные последствия. В. И. Ленин считал бесспорным фактом, что «исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну в России невозможной» [91].

Поражение Корнилова нарушило весь «баланс сил», доселе с трудом удерживаемый Временным правительством. Тяжелый удар по правому флангу резко усилил и выдвинул левый фланг. Теперь Керенский, Временное правительство оказались перед прямой угрозой «левой опасности»: движением масс за вооруженный переход власти к Советам, возглавляемым большевиками. Обуздать эту опасность так же, как удалось это сделать с корниловщиной, было задачей несравненно более трудной и, как показали дальнейшие события, невыполнимой. Опереться на правые (прокорниловские) силы было уже невозможно: корниловщина хотя и не была раздавлена, но подавлена, бесспорно, была. Протянуть же со своей стороны руку помощи Керенскому устоявшие корниловские

элементы, главным образом военные, не могли и не хотели.

«Левое крыло» керенщины — соглашательские партии (меньшевики и эсеры) перед лицом «большевистской опасности» еще пытались подвести под Временное правительство «демократические подпорки» (Предпарламент), а когда это не удалось, толкнуть Керенского на осуществление мер, способных, по их мнению, выбить почву из-под ног большевиков: объявить о мирных переговорах, наделить крестьян землей и т. д. Это, однако, было несовместимо с режимом керенщины, сама суть которого состояла в балансировке и лавировании между правыми и левыми. Временное правительство было обречено — это чувствовали и понимали многие. По остроумному выражению одного из бывших корниловцев, при виде министров казалось, что даже брюки сидели на них, как на покойниках.

Но каким ударом должно было быть сметено правительство: правым, контрреволюционным или левым, революционным? Реакция, потрясенная провалом корниловщины, по всем данным, решила не торопиться. Ее тактика, по-видимому, исходила из того, что приближающийся окончательный распад власти неизбежно вызовет разлив анархии, что и создаст благоприятную почву для установления «твердой власти». А если при этом большевики даже и придут к власти — не страшно, долго им все равно не удержаться. Они лишь усилят бушующую анархию... Девиз этих кругов был: «чем хуже, тем лучше».

В. И. Ленин сознавал грозную опасность, нависшую над революцией и страной. Неудовлетворенность, разочарование масс легко могли перейти в апатию и усталость — благоприятную почву для анархических бунтов. Революционный, политически сознательный авангард в этих условиях мог быть захлестнут волной анархической стихии. В чем мог быть ее источник? В революции и демократии, как уверяли контрреволюционные элементы? «...Было бы ошибочно думать,— писал М. Горький,— что анархию создает политическая свобода, нет... свобода только превратила внутреннюю болезнь — болезнь духа — в накожную. Анархия привита нам монархическим строем, это от него унаследовали мы заразу».

Революционные силы должны были действовать немедленно. Так родился Октябрь 1917 г. Выбор момента для него оказался максимально благоприятным. В этом была заслуга В. И. Ленина, своими аргументами и волей сумевшего преодолеть сопротивление и колебания многих

членов ЦК. Лидера, равного Ленину, не было ни у одной другой партии.

Большевики решились брать власть, и массы пошли за ними, веря, что переход власти к Советам откроет наконец путь к лучшей, достойной жизни. И как писал один из наблюдателей событий, Временное правительство пало, «не успев даже крикнуть: „уф!"».

С точки зрения сказанного, Октябрьское вооруженное восстание было, конечно, актом гражданской войны. В. И. Ленин не раз говорил об этом, например в выступлении на VII съезде РКП(б) [92]. Но, как показывают дальнейшие события, Октябрь отнюдь не повлек за собой полномасштабную гражданскую войну, ту войну, которая сопровождалась огромными материальными и моральными потерями и которая наложила свой отпечаток на всю последующую историю страны. Советская власть относительно быстро устанавливалась на всей огромной территории бывшей Российской империи: примерно к февралю—марту 1918 г. «Мы,— писал В. И. Ленин,— в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны» [93].

Это произошло и потому, что к моменту Октября контрреволюция не успела консолидировать свои силы после провала корниловщины и пребывала в определенной деморализации. То вооруженное сопротивление, с которым сталкивалась Советская власть в ходе «триумфального шествия», несмотря на порой драматическое восприятие его современниками, имело все-таки ограниченный, локальный характер. «Поход Керенского—Краснова», в котором участвовали несколько казачьих сотен, окончился провалом в несколько дней. Упорными были бои, происходившие в Москве, но сегодня совершенно очевидно, что московская контрреволюция не имела серьезных шансов на успех. Без особого труда была ликвидирована духонинская Ставка. Даже мятежи атаманов Каледина и Дутова, так же как и некоторые другие, при всей их несомненной опасности не представляли собой серьезной угрозы существованию Советской власти. Очень скоро они вынуждены были принять оборонительный характер и под ударами советских войск относительно быстро шли к концу.

Что же в таком случае обозначило переход от отдельных вспышек гражданской войны, вызванных Октябрь-

ским вооруженным восстанием, к той гражданской войне, которая по крайней мере на три года разделила страну на противоборствующие лагери, втянула в нее внешние, иностранные силы?

* * *

Дантон говорил, что революцию по-настоящему может любить тот, кто вышел из народа. Это, наверное, справедливо. Революция — праздник для угнетенных и униженных. Однако общество состоит не только из них, хотя их, конечно, большинство. В обществе, помимо привилегированных классов, существуют и такие слои, которые, не сознавая своей угнетенности или униженности, смиряются с существующими порядками и, главное, приспосабливаются к ним. Для них революция — разрушение, потеря благополучия и положения, разными путями создававшихся годами, десятилетиями, утрата надежд, крах планов и расчетов на будущее.

Кроме того, в обществе немало и таких, кто до революции хаял и проклинал существовавший режим, но, когда наступал момент его крушения, ими овладевали паника и страх: лицо у реальной революции оказывалось намного суровее воображаемого. М. Горький в дни революции писал: «Было очень удобно верить в исключительные качества души наших Каратаевых... Теперь, когда наш народ свободно развернул перед миром все богатства своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, звериной жестокости, мы начали кричать: „Не верим в народ!“». Но Ленин, большевики верили. Как же должны были поступить они, если история теперь делалась не в тихих и уютных кабинетах, а в промерзших окопах, разоренных деревнях, голодающих городах? Надо было идти с массами, иного пути не было...

Мы часто пишем и говорим, что всякая революция, и в том числе, конечно, наша,— закономерное явление. Но если это так, то с тем же правом мы должны сказать о неизбежности и, если хотите, закономерности контрреволюции, о ее почвенности, ее глубоких социальных корнях. Ленин писал о «связи между революцией и контрреволюцией в России», понимал их как «одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике» [94]. «Революции без контрреволюции не бывает и быть не может» [95].

Очень скоро стало ясным, что расчеты на быстрое

крушение Советской власти не оправдались: она практически легко побеждала по всей стране. Зимой надежды всех разномастных антисоветских и антибольшевистских сил в той или иной степени сконцентрировались на Учредительном собрании. Им казалось, что эсеровское Учредительное собрание сумеет продиктовать свою волю большевикам и устранить их от власти. Советское правительство распустило Учредительное собрание. Это был акт вынужденный, продиктованный необходимостью защиты первых социалистических завоеваний Октября, акт защиты власти Советов. Но надо признать, что для значительных кругов населения — интеллигенции, выражавшей настроения мелкобуржуазных слоев, самих этих слоев, да и некоторой части рабочих, крестьян и солдат — понятие демократии все еще прочно связывалось с всеобщностью выборов, с парламентаризмом. Правые эсеры, получившие в Учредительном собрании большинство и потому «законно» рассчитывавшие на власть, естественно, оказались политическим центром этих настроений. Их лозунг «Вся власть Учредительному собранию» сплачивал против Советской власти не только вчерашних корниловцев, но и прежде всего широкие круги вчерашней «революционной демократии» — левый фланг рухнувшей керенщины. Меньшевик И. Майский (впоследствии известный советский дипломат и историк) дал этому течению, этому лагерю довольно парадоксальное название «демократическая контрреволюция».

И все-таки роспуск Учредительного собрания, как бы отрицательно он ни был воспринят частью общества, один, сам по себе, еще не предрешал неизбежность полномасштабной гражданской войны. В условиях нормального, мирного развития Советская власть доказала бы свой подлинный демократизм, постепенно привлекла бы на свою сторону колеблющиеся слои населения.

Не менее существенным обстоятельством было и то, что лидеры «демократической контрреволюции» — правые эсеры не обладали достаточными собственными силами, способными оказать вооруженное сопротивление Советской власти. Их боевые дружины были незначительны. Потребовался антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса в мае 1918 г., чтобы создать благоприятную почву для развертывания сил «демократической контрреволюции» на востоке страны. За этим мятежом стояли антисоветские круги Антанты, но не исключено, что более гибкая политика по отношению к эвакуировавшемуся из

России Чехословацкому корпусу могла предотвратить мятеж. Впрочем, мы забежали вперед...

Одним из важнейших событий, способствовавших повороту к гражданской войне, стал, как нам кажется, Брестский мир. Да, он также был необходим, неизбежен, так как спас Советскую власть, революцию. Выбора не было. Но не забудем, что В. И. Ленин называл его не только грабительским, похабным, но и несчастным. И несчастье его заключалось не только в том, что он отрезал от России огромную территорию, нанес ей невероятный материальный ущерб. Он сильно ударил по чувствам тех людей, которые традиционно воспитывались в духе российского патриотизма. Прежде всего, конечно, это было офицерство, вышедшее из дворянской и разночинной среды, интеллигенция, тесно связанная со старым государственным строем и «верхними» классами, а также часть мелкобуржуазной массы. Герой «Хождения по мукам» А. Толстого офицер Вадим Рощин, пожалуй, лучше всего охарактеризует нам эту уязвленную, оскорбленную среду. Но именно эта среда и обладала теми боевыми кадрами, которые отсутствовали у правых эсеров. Она и сформировала то, что позднее стало известно под названием «белое дело». Летом 1917 г. она уже проявила себя в корниловщине; теперь, в 1918 г., стала концентрироваться на Дону и Кубани. Формировавшаяся здесь Добровольческая армия рассматривала свою борьбу с Советской властью как продолжение войны с кайзеровской Германией. Большевики для многих добровольцев были лишь... ее агентами.

Таким образом, роспуск Учредительного собрания, а затем Брестский договор постепенно консолидировали два контрреволюционных движения: «демократическую контрреволюцию», поднявшую лозунг власти Учредительного собрания и возврата к завоеваниям Февральской революции, и «белое дело», выступавшее под лозунгом «непредрешения» государственного строя до ликвидации Советской власти, что ставило под вопрос не только октябрьские, но и февральские завоевания революции. «Антиоктябризм» одних неизбежно в отдельных регионах и во многих случаях должен был соединиться с «антиоктябризмом» и «антифевралиэмом» других, хотя это соединение и не могло стереть социальное и политическое различие между ними.

И все-таки именно после Бреста размежевание классовых, политических сил быстро пошло вперед. По одну

сторону оказался советский лагерь, возглавляемый большевиками, по другую — антисоветский, антибольшевистский, часть которого на первых порах действовала соединенным (эсеро-белогвардейским) фронтом, часть — только белогвардейским. Географически эти лагери со временем распределились примерно следующим образом: в центре страны — советский лагерь; на востоке — правоэсеровско-белогвардейский, а затем только белогвардейский; на юге — «чисто» белогвардейский; на северо-западе — белогвардейский; на севере — правоэсеровско-белогвардейский, затем «чисто» белогвардейский.

Страна распалась на отдельные регионы, столкнувшиеся в смертельной схватке. Жесткие тенденции власти усиливались в обоих противоборствующих лагерях. Советская власть, укрепляя сложившуюся однопартийную систему, перешла к политике военного коммунизма как в городе, так и в деревне. Антисоветские, антибольшевистские силы неуклонно правели. В конце 1918 г. «всероссийская власть» обосновавшейся в Омске кадетско-эсеровской Директории была сметена офицерами-монархистами. Установилась контрреволюционная военная диктатура «верховного правителя» А. Колчака. «Военному коммунизму» контрреволюция пыталась противопоставить свой «военный антикоммунизм».

Если до Октября 1917 г. реальная альтернатива политической борьбы фактически формулировалась как «Ленин или Корнилов?», то для периода гражданской войны ее можно сформулировать как «Ленин или Колчак?». Сражавшиеся стороны все яснее понимали, что борьба может кончиться только смертельным исходом для одной из них. Советская власть победила, однако из этой борьбы Россия, по точному слову Артема Веселого, вышла кровью умытая. Но семена трагедии были посеяны при царизме, при власти помещиков и буржуазии. Они и пожали их всходы. Но обо всем этом — в следующей книге.

Примечания

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 305.
[2] Там же. Т. 21. С. 181.
[3] Там же. Т. 30. С. 397.
[4] Там же. Т. 49. С. 340.
[5] Там же. С. 341.
[6] Там же. С. 347.
[7] Там же. С. 340.
[8] Там же. Т. 30. С. 282.
[9] Там же. Т. 11. С. 366—367.
[10] Там же. Т. 27. С. 46.
[11] Надо отметить, что «ударные части» (или «части смерти») не являлись изобретением Неженцева и Корнилова. Они стали возникать при Верховном главнокомандующем А. Брусилове, поддерживавшем проекты подполковника В. Манакина и капитана М. Муравьева.
[12] По церковному преданию, «адамова голова», захороненная на Голгофе, была «омыта» кровью распятого здесь Христа и потому символизировала как смерть, так и воскресение.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.
[14] Там же. Т. 32. С. 360.
[15] Там же. С. 302.
[16] Там же. С. 430.
[17] Там же. Т. 34. С. 244.
[18] Там же. С. 145.
[19] Там же. С. 78.
[20] Там же. С. 17, 15.
[21] Там же. Т. 32. С. 346.
[22] Там же. С. 349.
[23] Там же. С. 345.
[24] Корнилов, по-видимому, имел в виду А. Гучкова, который в бытность на Юго-Западном фронте предлагал ему авантюристический план: возвести на престол великого князя Дмитрия Павловича — одного из убийц Г. Распутина.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 127.
[26] На следующий день в Могилев в качестве подкрепления прибыли пять рот из состава Польского корпуса.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 120.
[28] Там же. С. 221—222.
[29] Там же. С. 135.
[30] Там же. С. 136.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 138, 139.
[33] Там же. С. 155, 156.
[34] Там же. С. 192.
[35] Там же. С. 260—261.
[36] Там же. С. 245.
[37] Там же. С. 247.
[38] Там же. С. 262.
[39] Там же. С. 239, 240.
[40] Протоколы ЦК РСДРП(б), Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 55.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 283.
[42] См.: Там же. С. 391—393.
[43] См.: Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 87—92.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 394.
[45] Там же. С. 395. См. также: Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 93—94.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 397.
[47] См.: Там же. С. 419—420.
[48] Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 115.
[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.
[50] Там же. Т. 34. С. 414.
[51] Там же. С. 295.

[52] Там же. С. 406.
[53] Там же. С. 404.
[54] Там же. С. 435.
[55] Там же. С. 436.
[56] Там же. Т. 35. С. 27.
[57] Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 122.
[58] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 45.
[59] Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 130.
[60] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 47.
[61] См.: Там же. С. 36 и др.
[62] Там же. С. 80.
[63] Там же. С. 82.
[64] Там же. С. 135.
[65] См.: Там же. С. 185.
[66] Там же. С. 140.
[67] Там же. С. 136.
[68] Там же. С. 164—165.
[69] Там же. С. 126.
[70] Там же. С. 227—228.
[71] Там же. Т. 50. С. 26.
[72] С. Панина после внесения ею министерских денег в начале января была освобождена. В дальнейшем она нелегально выехала на Дон. При ней был небольшой чемоданчик с фамильными драгоценностями, которые она намеревалась передать на добровольческое движение. На одном из железнодорожных вокзалов этот чемоданчик был у Паниной похищен. В Новочеркасск она прибыла с пустыми руками.
[73] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 26.
[74] Известия. 1962. 21 апр.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 240, 241.
[76] По некоторым сведениям, из 3700 человек в Добровольческой армии в это время насчитывалось 2350 офицеров. См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920. М., 1988. С. 35.
[77] См. об этом интересное приложение «Список генералов и офицеров Добровольческой армии — участников 1-го Кубанского («Ледяного».— *Г. И.*) похода» в кн.: *Кавтарадзе А. Г.* Указ. соч. С. 227—230.
[78] С 1 февраля 1918 г. Советское правительство перешло на грегорианский календарь. Дата 1 февраля стала 14 февраля. Все даты в книге будут в дальнейшем даваться по новому стилю.
[79] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339.
[80] Там же. С. 355.
[81] Там же. Т. 50. С. 45.
[82] Там же. Т. 36. С. 14.
[83] Там же. С. 30.
[84] Там же. Т. 35. С. 369.
[85] Искусство кино. 1984. № 4. С. 182.
[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 34.
[87] Там же. С. 80.
[88] Там же. С. 79.
[89] Там же. Т. 31. С. 13.
[90] Там же. Т. 36. С. 482.
[91] Там же. Т. 34. С. 222.
[92] См.: Там же. Т. 36. С. 4.
[93] Там же. С. 79.
[94] Там же. Т. 16. С. 119.
[95] Там же. Т. 12. С. 171.

Содержание

1 р. 50 к.

Серия « Страницы истории нашей Родины »

«Наука»

С кем боролись Советская власть, большевики в эпоху революции и гражданской войны? Кем были ее противники? Наша историческая литература, к сожалению, мало касалась этих вопросов. В предлагаемой читателю книге освещается начальный этап так называемого "белого дела" — контрреволюционного движения, ставившего своей целью установление военной диктатуры. В центре внимания – генерал Л. Корнилов и те реакционные силы, которые поддерживали его летом 1917–весной 1918 г. Книга написана на основе ряда малоизвестных или совсем неизвестных архивных материалов.

